

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

Севастополь
СевГУ
2025

УДК [1+93/94+32](06) ББК
60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор

Е.Н. Максимова, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Ответственный секретарь

А.Ю. Опара, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакция:

Л.Н. Гарас (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.А. Бармина, канд. филол. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Бойцова, канд. ист. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; П.В. Кузенков, канд. ист. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Севастополь, Россия; В.В. Лебединский, канд. ист. наук, Институт Востоковедения РАН. Москва, Россия; А.В. Миронов, д. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.В. Скребец, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Рябцева, д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; О.В. Ярмак, канд. соц. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакционный совет:

В.К. Белозеров, д. полит. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия. А.А. Вартумян, д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия; С.И. Грачев, д. полит. н., профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия; А.Ф. Григорьев, д. культурологии, профессор, Ставропольский государственный педагогический институт. Ставрополь, Россия; П.Л. Карабущенко, д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия; Б.Г. Койбаев, д.полит.н., профессор, Северо-Осетинский государственный университет. Владикавказ, Россия; Г.В. Косов, д.полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; И.В. Крючков, д. ист. наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия; В.Д. Нечаев, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Р.Г. Резаков, д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия; Р.Х. Усманов, д. полит. наук, профессор, Астраханский государственной университет. Москва, Россия; А.А. Ширинянц, д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

П18 Парадигмы истории и общественного развития : сборник научных трудов / Севастопольский государственный университет ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; гл. ред. Е. Н. Максимова ; отв. секретарь А. Ю. Опара. — 2016 (вып. 1) — . — Севастополь, 2025. — 75 с. : ил. — Вып. 32. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 2 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

<i>Гарас Л. Н., Максимова Е. Н.</i>	
Вынужденные мигранты как фактор нестабильности Иордании	5
<i>Ткаченко Н. С., Банищикова С. Л.</i>	
Взгляды отдельных идеологов исламизма как фундамент современного исламского радикализма ...	12
<i>Севостьянова И. Е.</i>	
Политика памяти: инструменты формирования коллективной идентичности и политической мобилизации	17

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

<i>Цыганов А. С.</i>	
Корректировка миграционного процесса в соответствии с изменениями положений концептуальных документов в сфере государственной миграционной политики РФ	21
<i>Рябцева Е. Е.</i>	
Южный Кавказ как геополитическая опорная точка	26

Философия религии и религиоведение

<i>Чирков К. В.</i>	
Проблема дефиниции понятия «постсекуляризм» в современной западной философии	31
<i>Жиртуева Н. С.</i>	
Феномен мистической веры	37

Социальная и политическая философия

<i>Чугунов С. В.</i>	
Отечественная философия о сущности и проблемах философии истории	42

Отечественная история

<i>Вакулова Т. В.</i>	
Философское наследие Н. Я. Данилевского и необходимость сохранения «мест памяти»	47
<i>Лобков А. Е., Покрышук С. А.</i>	
Генрих Дитрих – первый постоянный пастор колонии Цюрихталь в Крыму	52
<i>Лобков А. Е.</i>	
Письма о Крыме генерала К. К. Фези: из истории российско-швейцарских связей	59

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

<i>Шахин Ю. В.</i>	
Реорганизация Союза коммунистов Югославии (1964-1969 гг.)	65

Институт общественных наук и международных отношений

<i>Татарков Д. Б., Большакова М. Г., Шутова О. А.</i>	
Концепция создания центра оперативного регионоведения университетско-академического консорциума «Россия в Большом Средиземноморье»	71

CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

Garas L. N., Maksimova E. N.

Forced Migrants as a Factor of Jordan's Instability 5

Tkachenko N. S., Banshchikova S. L.

The Views of Individual Islamism Ideologists as the Foundation of Modern Islamic Radicalism 12

Sevostyanova I. E..

The Politics of Memory: Tools for Shaping Collective Identity and Political Mobilization 17

International Relations, Global and Regional Studies

Tsyganov A. S.

Correction of the Migration Process in Accordance with Changes in the Conceptual Documents of the State Migration Policy of the Russian Federation 21

Ryabtseva E. E.

The South Caucasus as a Geopolitical Reference Point 26

Philosophy of Religion and Religious Studies

Chirkov K. V.

The Problem of Defining the Concept of Post-Secularism in Modern Western Philosophy.....31

Zhirtueva N. S.

The Phenomenon of Mystical Faith 37

Social and Political Philosophy

Chugunov S. V.

Domestic Philosophy on the Essence and Problems of the Philosophy of History 42

National History

Vakulova T. V.

The Philosophical Legacy of N. Y. Danilevsky and the Need to Preserve "Places of Memory".....47

Lobkov A. E., Pokryshchuk S. A.

Heinrich Dietrich – the First Permanent Pastor of the Colony of Zürichtal in Crimea 52

Lobkov A. E.

Letters by General Fäsi about Crimea: The History of Relations between Russia and Switzerland 59

Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research

Shakhin Y. V.

Reorganization of the League of Communists of Yugoslavia (1964-1969).....65

Institute of Social Sciences and International Relations

Tatarkov, D. B., Bolshakova, M. G., Shutova, O.

The Concept of Creating the Center for Regional Studies of the University-Academic Consortium "Russia in the Greater Mediterranean" 71

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 325(569.3)

Анализируется ситуация с вынужденной миграцией в Иордании. Отмечается, что палестинские и сирийские беженцы выступают стресс-фактором для социально-политической системы Иорданского Хашимитского Королевства. Подчеркивается, что правовой статус беженцев, а также их проживание в лагерях / за пределами, коррелируют с их социально-экономическим положением. Акцентируется внимание на том, что в контексте концепции «миграционной дипломатии» беженцы «превращаются» в «ресурс» экономического развития принимающей страны.

Ключевые слова: миграционное давление, вынужденные мигранты, палестинские беженцы, сирийские беженцы, миграционная политика, «миграционная дипломатия», Иордания.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

Е. Н. Максимова, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: astarta_05@mail.ru

ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ КАК ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ ИОРДАНИИ

Интенсификация миграционных процессов в современном мире сопровождается ростом числа вынужденных мигрантов, число которых, по заявлению верховного комиссара ООН по делам беженцев Ф. Гранди, на 2024 год достигло 123 млн чел [6]. Спасаясь от столкновений религиозного характера, военно-политических конфликтов, негативных климатических условий и т.п., данная категория является одной из наиболее уязвимых групп населения и зачастую сталкивается с различного рода проблемами: от затруднительности удовлетворения базовых витальных потребностей до нарушения прав человека. В силу чего данная проблема, приобретая особую актуальность, требует адекватных решений, как от международного сообщества, так и от конкретных стран приема.

Повышенным градусом конфликтности и нестабильностью продолжает характеризоваться ближневосточный субрегион Левант, что, конечно, проецируется на миграционную подвижность населения. Особым своеобразием обладают процессы, происходящие в Иорданском Хашимитском Королевстве и это делает наше исследование актуальным.

Вопросы вынужденной миграции анализируются в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых, а именно: О. Н. Воробьёвой, Ж. А. Зайончковской, К. Лог, А. В. Селиванова, Дж. Трингса и др. Отметим, что ключевое внимание первоначально уделялось правовому положению беженцев, а позже исследователей начинают волновать вопросы социально-экономического и политического характера. Различные аспекты социально-политических последствий вынужденной миграции находят отражение в исследовательских работах, принадлежащих Р. Зеттеру, В. А. Лукову, М. В. Савве, Д. С. Фицджеральду и др.

Проблемам и эффектам интеграции / дезинтеграции палестинских беженцев в Иордании посвящены работы многих исследователей, в том числе, Х. Алдураиди, Р. Заида, Н. Джабера, М. Олвана и других.

Различные факторы размещения сирийских беженцев в Иордании находятся в фокусе таких исследователей как З. Авамле, А.В. Демченко, А. Дупрас, Г. Цурапас и др.

Цель статьи – определить особенности влияния вынужденных мигрантов на стабильность/нестабильность Иордании.

Вынужденная миграция, как особая компонента современных миграционных процессов, предполагает «перемещение населения из места постоянного проживания из-за опасений

преследования, в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, нарушений прав человека, стихийных или антропогенных катастроф, как с пересечением границ государства, так и без такового». К наиболее «распространенным категориям вынужденных мигрантов относятся: беженцы, а также лица, ищущие убежище; лица, пользующиеся временной или дополнительной защитой, в частности, жертвы торговли людьми; лица, перемещенные внутри страны» [5, с. 4]. Вынужденная миграция нуждается, как в конкретных мерах государственной защиты и артикуляции четкой позиции отдельных государств, так и во всеобъемлющем и эффективном подходе со стороны мирового сообщества в целом.

Странами-реципиентами существенной доли вынужденных мигрантов являются не страны богатого «Севера», а сопредельные страны этого же региона, характеризующиеся средним и низким уровнем развития. Именно на них приходится мощный «миграционный удар» [3, с. 11]. Согласно данным Всемирного Банка, около 79 млн мигрантов и беженцев проживают в странах со средним и низким доходом, а в таких как Иордания, Джибути, Колумбия, Кот-д'Ивуар, Габон и Ливан, они представляют весьма немалую долю населения.

Одним из факторов влияния на современную ситуацию в регионе и за ее пределами продолжает оставаться Сирийский кризис, начавшийся в 2011 году. Так, по данным ООН на середину 2024 г., все еще 7,4 млн сирийцев остаются перемещенными внутри страны, а свыше 6 млн сирийских беженцев находятся за пределами государства [2]. Наряду с европейским вектором вынужденной сирийской миграции, массовым стал ближневосточный. Сопредельные страны Сирийской Арабской Республики (Иордания, Ливан, Турция и Ирак) стали основными странами приема, по-разному отреагировав на фактор сирийских беженцев, исходя их особенностей национального миграционного законодательства и ситуации в социально-экономической и политической жизни.

Иорданское Хашимитское Королевство, занимая центральное положение на Ближнем Востоке, располагается на пересечении различного рода (торговых и иных) маршрутов, ведущих из Европы в Азию и Африку. Несмотря на все перипетии (волны миграции, угрозы террористических группировок и др.), Иорданию можно отнести к категории относительно стабильной в крайне нестабильном окружении региона, хотя ей присущ риск дестабилизации.

Сегодня Иордания является одной из стран с самым высоким темпом роста численности населения. За последние 50 лет количество жителей Королевства выросло свыше чем в 10 раз, что связано как с темпом естественного прироста, так и высокими положительным сальдо миграции из-за напряженности в странах региона [4, с. 154]. По данным департамента статистики Иордании, на начало 2025 года население составляет около 12 млн чел (из которых 71% иорданцы, а 29% неиорданцы) [11]. Средний темп прироста населения для иорданцев составил 3,1% по сравнению с 18% для неиорданцев.

Географическое расположение Иордании делает ее местом пересечения миграционных маршрутов и пунктом назначения для перемещенных групп населения со всего Леванта и Персидского залива. Королевство, начиная с 1946 года, сталкивается с демографическим давлением в виде притока беженцев из соседних стран, что существенным образом видоизменяет демографический портрет страны и актуализирует вопрос «коренных» жителей. Как отмечает М. Т. Бани Саламех, «коренные иорданцы» (или трансирданцы) – это население, проживавшее на современной территории государства до создания Иорданского Хашимитского Королевства в 1946 году и прибытия палестинских (1948 г.), а также последующих волн беженцев [17], то есть те, чье культурное наследие глубоко укоренилось в домиграционной истории региона.

Современная Иордания считается одной из 10 стран, принимающих наибольшее количество мигрантов из арабских стран. Данный процесс характеризуется нарастанием темпов иммиграции. Так, с 2004 по 2015 год происходит рост числа мигрантов с 8% до 31%, в 2015 году мигранты составили треть населения Иордании (42% мигрантов - это женщины).

Иордания стала основной страной приема палестинских беженцев. Под «палестинскими беженцами» подразумевается «лица, чьим обычным местом жительства была Палестина в период с 1 июня 1946 года по 15 мая 1948 года, потерявшие как дом, так и средства к существованию в результате конфликта 1948 года», а также их потомки, независимо от гражданства. Отметим, что создание государства Израиль в 1948 году и первый арабо-израильский конфликт (1948 г.) вынудил палестинцев покинуть свои земли и искать безопасного убежища в соседних арабских государствах, в частности географически близкой Иордании. Королевство также приняло палестинцев и во время второй арабо-израильской войны 1967 года. Статистика делит палестинских беженцев в Иордании на несколько видов: зарегистрированные; незарегистрированные; проживающие в специальных лагерях; проживающие вне лагерей.

Иордания, в отличие от других арабских стран, является единственной арабской страной, предоставившей гражданство большинству палестинских беженцев с 1948 года. Тем не менее, приобретение гражданства не отменяет статус палестинского беженца и не лишает палестинцев их международно признанного законного права на возвращение в соответствии с рядом резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, начиная с резолюции 194 (III) от 11 декабря 1948 года.

Иорданцы палестинского происхождения юридически пользуются теми же правами, что и иорданцы, и, следовательно, получают какие же гражданские документы. Поэтому у них иорданские паспорта, выдаваемые по отцовской линии, сроком на 5 лет; «национальный номер», указывающийся в национальных удостоверениях личности и в «Семейной книге», которые выдаются только гражданам. Однако, в результате разрыва правовых и административных связей с Западным берегом реки Иордан 13 июля 1988 года, большое количество иорданцев палестинского происхождения, проживавших на Западном берегу до 31 июля 1988 года, лишились иорданского гражданства. Принятие подобного Королевского указа усугубило положение иорданцев палестинского происхождения, так как, утратив свое иорданское гражданство, они не имели возможности получить и палестинское гражданство, из-за отсутствия, с юридической точки зрения, палестинского государства, которое могло бы предоставить им свое гражданство. Несмотря на то, что официальные данные переписи населения о численности иорданцев палестинского происхождения не являются общедоступными, по состоянию на 2022 год, в Иордании проживает свыше 2,4 млн. чел, что составляет практически 40 % всех зарегистрированных палестинских беженцев [10].

В отличие от палестинцев, прибывших с Западного берега реки Иордан, около 150 тысяч бывших жителей сектора Газа, проживающих в Иордании, не имеют права на гражданство, а большинству из них выдаются возобновляемые двухгодичные паспорта, действительные для удостоверения личности перед иорданскими властями и поездок лишь в некоторые страны, признающие этот документ [15, р. 5]. Такие документы выступают скорее подобием карт вида на жительство, так как не предполагают наличие гражданства и не предоставляют их обладателям прав, признанных за гражданами Иордании, таких как право на здравоохранение, образование в государственных образовательных учреждениях средней и высшей ступени, трудоустройство в государственном секторе, а также на профессии и другие права, предназначенные исключительно для граждан Иордании. Особо отметим, что брак иорданской женщины с жителем сектора Газа не позволяет передавать гражданство своим детям.

Большинство палестинских беженцев в Иордании имеют полное иорданское гражданство и могут жить в лагерях или, если это доступно, за пределами лагерей в общине, в отличие от палестинских беженцев в Сирии и Ливане. Сегодня в Хашимитском Королевстве существует 13 лагерей палестинских беженцев, в которых проживает и часть беженцев из сектора Газа. Палестинские беженцы локализованы преимущественно в северо-западной части страны, главным образом в окрестностях Аммана, Зарки и Ирбида. Согласно данным Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), доля палестинских беженцев в зарегистрированных лагерях (например, лагеря в Газе и Хусне) составляет около 17,4%, остальные – 82,6% размещаются либо в трех незарегистрированных лагерях, либо за их пределами. Отметим, что несмотря на усилия государства по интеграции вынужденных мигрантов, создании условий для их жизнедеятельности, условия жизни в лагерях Иордании в целом характеризуются как плохие, с высокой скученностью населения, стесненными условиями жизни и неадекватной базовой инфраструктурой (дороги, канализация и др.). Следует отметить достаточно немалый разрыв в финансовых ресурсах, образовании и качестве жизни, экологии среди палестинских беженцев в лагерях страны по сравнению с беженцами за пределами лагерей или с местным населением Иордании [7, р. 439]. Например, самым бедным среди лагерей в Иордании, в котором свыше 50% жителей живут за национальной чертой бедности, является официально зарегистрированный лагерь палестинских беженцев БАПОР – Газа (Джераш) (жители не имеют полного иорданского гражданства). Немногом лучше ситуация в лагере палестинских беженцев Хусн, который официально зарегистрирован и большинство его жителей имеют полное иорданское гражданство. Тем не менее, 23% беженцев из лагеря Хусн находятся за национальной чертой бедности, и почти половина из них не имеет доступа к медицинскому страхованию. То есть просматриваются различия между общинами палестинских беженцев и корреляция в зависимости от статуса гражданства и проживания в лагере/за пределами.

Несмотря на то, что большинство (около трех четвертей) палестинцев имеют иорданское гражданство, и достаточно интегрированы в общество и экономику Иордании, королевство по-прежнему считает их беженцами с правом возвращения в Палестину. Правительство Иордании весьма

обеспокоено политическим и религиозным радикализмом в палестинской среде и предпринимает некоторые шаги по превенции данных движений, например, начиная с середины 2000-х годов, государство проводит политику лишения некоторых палестинцев иорданского гражданства и т.п.

Наряду с приемом палестинских беженцев, Иордания также принимала ливанских, иракских, йеменских, суданских, сомалийских и др. вынужденных мигрантов. Помимо «статуса» страны-убежища, Королевство играет немалую региональную роль в транзитной миграции [9]. Палестинские беженцы, например, в 1990-е гг. создали пул дешевой рабочей силы, поток которой через Иорданию устремился в страны Персидского залива. Вынужденные ливанские мигранты в 1970-х годах через королевство находили возможность селиться в Соединенных Штатах Америки, а иракцам, обосновавшимся в 1990-е гг. в Иордании было проще просить убежища в странах Европы.

Начиная с 2011 года, Иордания принимает большое количество вынужденных сирийских мигрантов, что спровоцировано конфликтом в Сирийской Арабской Республике. Иордания приняла наибольшее количество сирийских беженцев на душу населения после Ливана. Так, в Хашимитское Королевство прибыло около 1,38 млн. сирийцев (около 663 тыс. чел. из которых официально зарегистрированные как беженцы). «Сегодня сирийские беженцы составляют 20% населения Иордании», - заявил 28 сентября 2015 года на пленарном заседании 70-й Генеральной Ассамблеи ООН Его Величество король Иордании Абдалла II [13].

Первоначально правительство Иордании приветствовало сирийцев, используя политику открытых границ, но постепенно стало вводить ограничения на прием беженцев и их доступ к услугам. Согласно данным статистики Верховного комиссара ООН по делам беженцев [14, р. 5], 135 тыс чел были размещены в сельских районах страны, а 524 тыс. чел - в городских районах Иордании, причем, как отмечает А. Каралех, было разрешено проживание в иорданских городах беженцам, которых спонсировали иорданские семьи [16]. Следует отметить, что городские беженцы интегрируются в местные сообщества, в то время как те, кто находится в лагерях (Заатары, Азрак, лагерь «Парк короля Абдаллы» и Мраджиб Аль Фхуд), имеют доступ к жилью, образованию и здравоохранению, тем не менее, сталкиваются с ограничениями на передвижение и трудоустройство. Следует отметить, что расселение беженцев вне лагерей нередко вызывает острую напряженность между местным населением и пришлым, что создает дополнительную нагрузку на дефицитные ресурсы и рабочие места. Принимающие общины часто утверждают, что сирийские беженцы значительно ущемляют возможности трудоустройства, хотя статистика и исследования скорее показывают, что больше всего от прибытия сирийцев на рынок труда пострадали трудовые мигранты, такие как египтяне и выходцы из Юго-Восточной Азии.

Постоянный приток беженцев, сокращая численность коренного населения, вызывает опасения у властей государства и является огромным бременем для социально-экономической системы Иордании. Официальные расходы на беженцев в 2013 году составили 850 млн долларов, при этом большая часть денег была направлена на основные услуги, такие как вода, энергия, здравоохранение и субсидии. Но этих средств было недостаточно для покрытия потребностей и местного населения, и беженцев. По данным гуманитарного управления Европейской комиссии (ЕЧНО), только содержание лагеря Заатары обходится в 500 тыс. долларов в день.

В начале 2016 г. по словам короля Абдаллы II Иордания приняла около 1,5 млн беженцев и не справляется с кризисом. Лагерь, где проживает лишь меньшая часть беженцев, превратились в города с населением в 100 тыс. человек со своей инфраструктурой. Монарх заявил: «Я думаю, плотину скоро прорвет. Международное сообщество, мы всегда стояли плечом к плечу. Теперь мы просим вас о помощи, и в этот раз вы не можете отказать» [1]. Несмотря на то, что страны выделяют средства на содержание лагерей беженцев в Иордании, в том числе по линии ООН, этого совершенно недостаточно.

Важно подчеркнуть, что экономика Иордании достаточно хрупка и еще до начала сирийского кризиса переживала значительный период спада, пострадав от мирового финансового кризиса 2008 г. и последствий «арабской весны». Быстро растущему населению, столкнувшемуся с существенной нехваткой воды, экологическими стресс-факторами, энергетической небезопасностью (импортирует более 95 % своей энергии с международных рынков) и другими проблемами все тяжелее найти свое место в экономической системе.

В стране не так много природных ресурсов, кроме калийных и фосфорных удобрений, а экономика опирается на импорт природных ресурсов и потребительских товаров. Рынок Иордании сегодня не в состоянии поглотить спрос на занятость. Так, с 1995 года уровень безработицы среди молодых женщин и мужчин (в возрасте от 15 до 24 лет) в стране варьировался от 28% до 35%. Учитывая средний возраст иорданского населения – 21 год - это представляет угрозу внутренней

стабильности, которая часто проявляется в виде уличных демонстраций. Большое количество квалифицированных иорданских специалистов вынуждено уезжать за границу в поисках работы, преимущественно в страны ССАГПЗ для работы в области нефтяной промышленности.

Кризис с сирийскими беженцами лишь усугубил негативные экономические тенденции: расширение государственных и социальных услуг для сирийских беженцев создает повышенную нагрузку на государственные фонды; возросший спрос приводит к росту цен на конечные товары, такие как жилье, а конкуренция за рабочие места в неформальном секторе приводит к снижению заработной платы и ухудшению экономического положения беднейших иорданцев [12].

Многие иорданцы считают, что приток сирийских беженцев является причиной роста безработицы в стране. Международная организация труда (МОТ) сообщила, что уровень безработицы среди иорданцев вырос с 14,5 % в марте 2011 г. до 22 % в 2014 г. По данным опроса МОТ, 96 % иорданцев считают, что сирийцы отнимают у них работу. По результатам опроса, проведенного в 2022 году, 92 % иорданцев сочувствуют беженцам, 76 % - считают положительным подход правительства к беженцам, 59%, - беженцы негативно влияют на экономику страны. Свыше 3/4 респондентов указали, что беженцы негативно повлияли на обеспеченность рабочими местами, заработную плату и доступ к услугам. Отметим региональные различия в восприятии беженцев иорданцами. Так, негативных взглядов придерживались 17 % и 14 % респондентов в Мафраке и Караке, соответственно, что можно объяснить превалированием сирийцев над местным населением. Просматриваются признаки растущей усталости иорданского принимающего сообщества.

Негативные последствия несет стремительно растущий теневой сектор экономики. Сокращение формального сектора экономики и рост неформальной занятости означает, что все больше иорданцев работают на низкооплачиваемых, низкоквалифицированных работах. Усиление конкуренции на неформальном рынке труда, вызванное выходом на него как иорданцев, так и сирийцев, привело к вытеснению квалифицированных рабочих и ухудшению условий труда [12]. Участие сирийцев в теневом секторе экономики усилило маргинализацию иорданцев, поскольку наиболее уязвимые слои населения страны несут на себе основную тяжесть последствий в виде снижения заработной платы и растущей безработицы.

Правительство страны в сотрудничестве с международными организациями пытается улучшить условия проживания беженцев и обеспечить их рабочими местами. Власти Иордании для того, чтобы уменьшить количество сирийцев, занятых в неформальной экономике, предлагают им работу на заводах, фермах и т.п. При этом правительство активно работает над увеличением рабочих мест и выдаваемых разрешений на работу, чтобы снизить уровень безработицы и сократить теневой сектор экономики. В целом, по оценкам Центрального банка Иордании, влияние сирийского кризиса привело к снижению роста ВВП Иордании на 3-3,5 %, что может угрожать развитию Иордании, существенно замедлив экономический рост и развитие на долгие годы.

Тем не менее, ситуация не так однозначна. Негативный акцент на теме присутствия сирийцев в Иордании чаще используют дабы не говорить, о позитивных последствиях, от которых экономика страны выигрывает. По данным Всемирного банка, приток сирийских беженцев, увеличил государственное инвестирование, производство, строительство, привел к увеличению реального темпа роста ВВП на 2,7 % в 2012 г. Благодаря увеличению прямых иностранных инвестиций и перемещению сирийского бизнеса в Иорданию наблюдается рост реального ВВП на 2,8 % в 2013 г. и на 3,1 % в 2014 г. [12]. Реальность экономических проблем в Иордании свидетельствует о том, что ограничение числа сирийских беженцев не решит более серьезные экономические проблемы страны.

Значительный приток беженцев не только изменил демографический ландшафт, а и привнес сложную динамику в жизнь общества. Эта динамика включает в себя рост количества смешанных браков, внедрение различных идей и культурных практик (размывание традиционной иорданской национальной идентичности), а также возможный сдвиг в динамике политической власти. Предоставление беженцам возможности участвовать в избирательном процессе процессах может привести к изменению направлений политики и национальных приоритетов, ведь беженцы могут влиять на политические решения, что может не совпадать с интересами коренных иорданцев. Присутствие больших групп неиорданского населения находит отражение в актуальной политике Королевства, которое заявляет четкую позицию, что Иордания не является «домом» для беженцев.

Объяснительной рамкой вопросов финансовых вливаний в Иорданию для поддержания стабильности страны и удовлетворения потребностей беженцев в нашем случае выступает концепция «миграционной дипломатии», которая сосредоточена преимущественно на использовании государством управления трансграничной мобильностью населения в международных отношениях или использованием дипломатических средств для достижения целей, связанных с миграцией. Данная

концепция фокусируется на соотношении миграционных вопросов с другими сферами государственных интересов и дипломатии, включая безопасность и торговлю. При рассмотрении вопроса о приёме сирийских беженцев иорданским режимом концепция «миграционной дипломатии» даёт ценную информацию о дипломатических отношениях Королевства с иностранными партнерами и его дипломатических стратегиях, позволяющих вести переговоры о «беженской ренте».

Как отмечает Г. Цурапас [18], данная концепция связана с «арендой беженцев», а само государство выступает как государство-рантье беженцев, то есть «государство, которое принимает вынужденно перемещенную группу (группы) населения и финансово полагается на внешние доходы, связанные с обращением с этой группой (группами)». Различные государства, в том числе и Иордания, используют подобную стратегию, а именно: превращения беженцев в «ресурс» экономического развития принимающей страны [8]. Отметим, что ежегодный анализ финансирования выявляет изменчивый ландшафт международной поддержки. Например, в 2018 году Иордания получила самый высокий уровень финансирования – 63,9%, продемонстрировав кратковременный пик вовлеченности доноров. И наоборот, в 2023 году было профинансировано лишь 29,2% от необходимых \$2,276 млрд, что указывает на растущую обеспокоенность по поводу устойчивости помощи на фоне затяжного характера сирийского кризиса.

Таким образом, Иордания исторически являлась региональным перекрестком миграции, ее социально-политическая история и геополитические амбиции определили политический подход к миграционным перемещениям.

Колоссальный приток беженцев провоцирует в Иордании различного рода проблемы, выступая стресс-фактором ее экономической устойчивости, социальной структуры, политической стабильности и национальной идентичности.

Сирийское присутствие обострило проблем, которые накопились к 2011 г. Экономические проблемы, вызванные миграционными потоками беженцев, повлияли на положение бедных слоев населения, что вызывало озабоченность властей. Отношение иорданского общества к беженцам по большей степени положительное, и лишь в серверных областях страны в связи с большим количеством сирийских беженцев чаще встречается их негативное восприятие.

Международное сообщество помогает Иордании справиться с проблемами беженцев, но не несет юридических обязательств по предоставлению финансовой поддержки в полном объеме. Поэтому дефицит финансирования затрудняет реализацию планов реагирования властей Иордании на проблему вынужденных мигрантов, подталкивая власти к ведению дипломатических договоренностей. Стратегия развития Иорданского государства практически полностью зависит от международного финансирования (США, Германия и Великобритания – крупнейшие доноры). При этом Хашимитское государство прилагает все усилия для снижения негативных последствий миграционного давления на своей территории, а проведение соответствующей миграционной политики определяет демографическое, экономическое и политическое существование, а также дальнейшую экономическую и социально-политическую устойчивость страны.

Список литературы:

1. В Иордании лагеря для беженцев разрастаются до масштабов городов. – URL: <https://russian.rt.com/article/146574> (дата обращения: 04.05.2025). – Текст : электронный.
2. В ООН призывают поддержать возвращающихся сирийцев. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/01/1460721> (дата обращения: 04.09.2025). – Текст : электронный.
3. Гарас, Л. Н. Вынужденные мигранты как вызов безопасности: кейс Ливана / Л.Н. Гарас, Е.Н. Максимова // Парадигмы истории и общественного развития. – 2025. – № 31. – С. 10-16.
4. Гарас, Л. Н. Особенности современных демографических процессов в Иордании / Л. Н. Гарас // Ломоносовские чтения: Материалы ежегодной научной конференции МГУ, Севастополь, 14–22 апреля 2022 года. – Севастополь: Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2022. – С. 154-155.
5. Маркелова, М. Н. Международно-правовая защита прав детей в условиях вынужденной миграции : автореф. ... канд. юр. наук : 12.00.10 / М. Н. Маркелова. – М., 2019. – 26 с.
6. Число беженцев в мире достигло 123 млн и продолжает расти. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458121> (дата обращения: 04.09.2025). – Текст : электронный.
7. Alduraidi, H., Waters, C. M. Health-related quality of life of Palestinian refugees inside and outside camps in Jordan / H. Alduraidi, C. M. Waters // Nursing Outlook. – 2017. – Vol. 65, Is. 4. – P. 436-443.

8. Awamleh, Z., Dupras, A. Hosting Syrian Refugees through the Development Lens: The Case of Jordan / Z. Awamleh, A. Dupras // *Revue européenne des migrations internationales*. – 2024. – Vol. 40, № 1. – P. 117-138.
9. Chatelard, G. Jordan: A Refugee Haven / G. Chatelard. – URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/jordan-refugee-haven> (accessed 05.10.2025).
10. Citino, N., Gil, A. M., Norman, K. P. Generations of Palestinian Refugees Face Protracted Displacement and Dispossession / N. Citino, A.M. Gil, K.P. Norman. – URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/palestinian-refugees-dispossession> (accessed 05.10.2025). – Текст : электронный.
11. Department of Statistics of Jordan. – URL: <https://dosweb.dos.gov.jo/> (accessed 05.10.2025). – Текст : электронный.
12. Francis, A. Jordans refugee crisis / A. Francis. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/193890/CP_247_Francis_Jordan_final.pdf (accessed 10.10.2025). – Текст : электронный.
13. Murshidi, M. M. Syrian Refugees Constitute 20% of Jordan's Population / M. M. Murshidi // *Am J Public Health*. – 2016. – May. – № 106(5): e18. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4985076/> (accessed 22.10.2025). doi: 10.2105/AJPH.2016.303117 – Текст : электронный.
14. Naseh, M. Syrian refugees' perspectives and service providers' viewpoints on major needs and future plans in Jordan / M. Naseh, N. Liviero, M. Rafieifar, Z. Abtahi, M. Potocky // *Journal of International Humanitarian Action*. – 2020. – № 5(1). – P. 1-11.
15. Olwan, M. Y. Migration Trends and Patterns in Jordan: The Human Rights Context / M. Y. Olwan // *Migration and Refugee Movements in the Middle East and North Africa*. – 2011. – P. 1-21.
16. Qaralleh, A. S. Jordan and Syrian humanitarian refugees' dilemma: international law perspective / A. S. Qaralleh // *Heliyon*. – 2022. – Vol. 8, Is. 5. – e09377. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e09377> (accessed 22.10.2025). – Текст : электронный.
17. Salameh, M.T.B. Beyond Borders: Impacts of the Syrian Refugee Crisis on Jordan / M.T.B. Salameh // *Migration and Forced Displacement - Vulnerability and Resilience*. – 2024. – Vol 2. From the Ed. Vol. S.M. Tsegay. – URL: <https://www.intechopen.com/chapters/1185399#> (accessed 05.10.2025). DOI: 10.5772/intechopen.1005219 – Текст : электронный.
18. Tsourapas, G. The Syrian Refugee Crisis and Foreign Policy Decision-Making in Jordan, Lebanon, and Turkey / G. Tsourapas // *Journal of Global Security Studies*. – 2019. – № 4 (4). – P. 464-481.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025

Garas, L. N., Maksimova E. N. *Forced Migrants as a Factor of Jordan's Instability*

The article analyzes the situation of forced migration in Jordan. It is noted that Palestinian and Syrian refugees are a stress factor for the socio-political system of the Hashemite Kingdom of Jordan. The authors emphasize that the legal status of refugees, as well as their residence in/outside camps, correlate with their socio-economic situation. Attention is focused on the fact that in the context of migration diplomacy, refugees turn into a "resource" for the economic development of the host country.

Keywords: migration pressure, forced migrants, Palestinian refugees, Syrian refugees, migration policy, migration diplomacy, Jordan.

УДК 322.2

В статье авторы исследуют феноменологию исламского радикализма, отмечая, что данное явление является экстремальным проявлением политического ислама, преследующим цель насильственной политической борьбы. Авторы проводят анализ деятельности двух мыслителей прошлого – египетского философа Сейида Кутба и основателя пакистанской партии «Джамаат-и-Ислами» Абу Аль-Маудуди, нашедшей свое отражение в их известных трудах, а также характеризуют ключевые идеи этих мыслителей, повлиявшие на становление идеологии исламского радикализма.

Ключевые слова: ислам, радикализм, идеи, государство, меры противодействия, организации, религия, политика, цель.

Н. С. Ткаченко, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: nt020@inbox.ru

С. Л. Банщикова, доцент, канд. юрид. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: sveta-lb@mail.ru

ВЗГЛЯДЫ ОТДЕЛЬНЫХ ИДЕОЛОГОВ ИСЛАМИЗМА КАК ФУНДАМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА

С конца двадцатого века и по сей день мы можем наблюдать как религия и религиозные факторы активно влияют на политический процесс на государственном или региональном уровне и смешиваются с политическими идеологиями. Нередки ситуации, когда политические элиты различных государств используют религию для достижения политических целей, формирования государствообразующей идеологии или же в качестве инструмента массовой мобилизации населения. Примеры этого явления можно видеть как на современном этапе развития общества (например, использование религиозного нарратива для формирования государственной идеологии в таких государствах как Саудовская Аравия, Иран, Пакистан), так и в историческом контексте, а именно – на этапе глобального противостояния двух держав (период холодной войны), когда политические элиты формировали из религии инструмент массовой мобилизации населения, что неоднократно наблюдалось в ходе арабо-израильских войн, конфликтов на территории Кашмира, Афганистана, Африки или же государств Латинской Америки [10, с. 89].

Полагаем, что религия оказывает и сегодня значительное влияние на формирование политических взглядов в том или ином обществе, в том числе на политическую элиту. Даже в государствах светского характера, где религия на уровне официальных документов отделена от государства, нельзя игнорировать влияние религиозных доктрин, которые так или иначе, но оказывают влияние на мировоззрение граждан, их поведенческие установки.

Бесспорно, что понятие «радикализм» не эквивалентно понятию «ислам», как отмечает Д. Р. Адиатуллина, радикальный ислам конца XX – начала XXI века является новым явлением; он не всегда находился на мировой арене и являлся одним из факторов мировой политики. Исламский радикализм, как верно подчеркивает автор, на протяжении своей истории носил «внутрицивилизационный характер» и приносил трудности в большей части умеренным мусульманам [1, с. 196].

Исламский радикализм за последние десятилетия в рамках мировой политики стал приобретать все большее значение не только в идеологическом, но и в практическом аспекте, в том числе и в крайних формах проявления – деятельности экстремистских и террористических организаций. Исследователи стремятся разобраться в этой проблеме, например, Ж. С. Арзыматов говорит о феномене «исламского радикализма» в Кыргызской Республике, отмечая, что с конца девяностых годов XX века республика превратилась в поле для осуществления активной деятельности религиозно-экстремистских организаций («Союз

Исламского Джихада»¹, «Хизбут Ат-Тахрир Аль-Ислями – Партия Освобождения Ислама»², др.) [3, с. 320].

Если в середине XX века, исламские радикалы представляли из себя малочисленные, подпольные группы, активность которых была крайне ограничена, а структура не позволяла распространять свою деятельность даже в пределах одной страны, то с момента появления «Аль-Каиды»¹ и концепции глобального джихада, исламские радикалы превратились в серьезную угрозу региональной безопасности, безопасности целых государств (национальной безопасности). Экстремистские организации быстро набирают авторитет в государствах, находящихся в разных уголках мира, в том числе, в Центрально-Азиатском регионе [3, с. 321]. Распространение радикальных исламистских группировок (несмотря на многоаспектность мер борьбы с ними – усилия по их нейтрализации на международном и национальном уровне многих государств) остается серьезной проблемой глобального характера. Это актуализирует необходимость серьезного исследования идеологических основ, на которых базируется деятельность таких организаций. В контексте такого анализа важно, на наш взгляд, учитывать, как исторические, так и современные тенденции в развитии исламской мысли. Для эффективного противостояния деятельности указанных организаций требуется комплексный подход, где анализ идеологической основы является важным структурным элементом, который нельзя сбрасывать со счетов, несмотря на отдаленность по времени высказываний мыслителей, давших жизнь идеям радикального исламизма.

В современном мире исламские радикалы ведут активную террористическую деятельность (что можно увидеть на примере деятельности ИГИЛ³ и филиалов данной организации), вступают в открытое противостояние с правительствами различных стран (наиболее открыто проявляется на в африканских государствах южнее Сахеля, где военные действия между центральными правительствами и повстанцами исламистами ведутся уже десятилетия) [15] или же становятся силой, приходящей к власти (второй приход талибов к власти в Афганистане или же свержение правительства Башара Асада сирийскими радикалами).

В преддверии анализа трудов мыслителей, на которые опираются сегодня современные представители радикального ислама и для создания собственного идеологического конструкта, важно определить суть такого феномена, как «радикализм». Относительно сути данного явления существуют различные точки зрения современных ученых и представителей политической науки прошлых десятилетий. По мнению Д. В. Ольшанского, исследовавшего вопросы терроризма, под радикализмом стоит подразумевать «социально-политические идеи или же действия, направленные на кардинальное изменение существующих социальных и политических институтов» [6, с. 121]. Распространенным является мнение, что радикализм понимается как не просто идея, а как «политическая теория, состоящая в отстаивании и применении решительных мер, которые направлены на осуществление коренных социальных преобразований». Также есть мнение о выделении двух подходов для определения радикализма, а именно: «радикализм является политическим течением, сторонники которого критикуют существующую систему и настаивают на необходимости коренных преобразований различными методами» и «радикализм является образом действия, суть которого сводится к использованию радикальных методов для решения каких-либо вопросов».

Среди представителей западной науки обычно выделяется три подхода к пониманию радикализма. Во-первых, распространенным является мнение Д. Эмелькампа, что радикализм – политическая позиция, требующая коренных изменений в существующей политической системе [9]. У. Сакаев и некоторые иные авторы полагают, что радикализм может быть понят только в определенном культурном и историческом контексте, а дать какое-либо общее, универсальное определение не получится. По мнению автора, «то, что кажется радикальным в одной ситуации и в одно время, просто не является таковым в других условиях» [14]. И, в-третьих, среди зарубежных исследователей также является довольно распространенным мнение, вполне обоснованное, на наш взгляд, что радикализм необходимо рассматривать с точки зрения насильственного подхода. Так, британский исследователь К. Маккали определяет радикализм как «переход от ненасильственных форм выражения мнения к насильственным действиям» [12].

На наш взгляд, любая организованная группа людей, и, тем более, любая организация, имеющая внутреннее единство, четкую структуру, должна обладать концептуальной основой, которая, в свою

¹ Организация «Союз Исламского Джихада» признана террористической на территории Российской Федерации

² Организация ««Хизбут Ат-Тахрир Аль-Ислями» признана террористической на территории Российской Федерации

³ Организация «Исламское государство» признана террористической на территории Российской Федерации

очередь, будет являться фундаментом ее деятельности, и оправдывать ее существование. С целью формирования такого фундамента, оправдания существования той или иной организации и целесообразности ее деятельности участники организаций могут обращаться к концепциям и идеям, разработанным древними мыслителями, философами, политологами Средневековья и иных временных периодов мировой истории.

Представители экстремистских и террористических организаций из числа исламских радикалов, с момента появления первых организаций подобного толка и по сей день, для формирования идеологий своих организаций обращаются к трудам различных мыслителей прошлого, из которых можно выделить две фигуры, повлиявшие на становления исламского радикализма: египетского мыслителя и главного редактора газеты организации «Братья-мусульмане» Сейид Кутба и основателя крупнейшей исламистской партии в Южной Азии «Джамаат-и-Ислами» Абу Аль-Маудуди. Ключевые идеологи первой крупной террористической организации исламистов «Аль-Каида» ориентировались в своих работах именно на идеи Кутба и Маудуди. Один из основателей «Аль-Каиды», Айман аз-Завахири в своей работе «Рыцари под знаменем пророка» посвятил целую часть работы фигуре Кутба и называл его «основателем идеи освобождения» [8]. Аналогичное отношение было и к фигуре Абу Аль-Маудуди со стороны проповедника салафизма и палестинского джихадиста Абдуллы Аззама, который в своих работах «Защита мусульманских земель» и «Джихад мусульманского народа» неоднократно обращался к идеям Маудуди и считал самого Аль-Маудуди «пробудившимся муджтахидом, разъяснившего сущность исламского джихада, его законы и цели» [7].

Значимой в контексте проводимого анализа, безусловно, является фигура Абу Аль-Маудуди, так как именно он ввел понятие «исламское государство». В своей книге «Исламский закон и конституция» Маудуди впервые сформулировал принципы, на которых, по его мнению, должно строиться исламское государство в своем государственном и общественном начале, а именно: верховная власть принадлежит Богу, а правительство или правительство выступает проводниками интересов Бога; основной закон страны – шариат, а действующее законодательство не должно никоим образом противоречить шариату [11]. Становление исламского государства, по мнению Маудуди, должно было произойти в результате исламской революции, имеющей цель утверждения «общественного порядка, при котором сможет процветать добродетель, а любые формы эксплуатации, несправедливости будут предотвращены или же подавлены» [2, с. 53].

Помимо концепции исламского государства мыслитель внес вклад и в развитие концепции джихада. Для Маудуди «джихад представляет собой часть всеобщей защиты ислама и обозначает борьбу до последней капли крови» [5, с. 25]. По его же мнению, если исламское государство подвергается атаке со стороны не мусульман, каждый мусульманин должен встать на путь джихада, а религиозный долг других мусульманских государств заключается в том, чтобы в случае нехватки силы прийти на помощь мусульманам. Продолжая свою мысль, автор указывает, что, если и внутренние силы, и мусульманские силы потерпят поражение, то должны бороться мусульмане всего мира, а не отдельных государств. Джихад, по мнению автора, является такой же обязанностью мусульман, как пост или молитва; уклоняющийся от этого, является грешником» [5, с. 26].

Абу Аль-Маудуди предоставил современным исламистам-радикалам ориентир государства, которое необходимо построить. Что же касается джихада, то, несмотря на радикальность своих заявлений, Абу Аль-Маудуди отдавал предпочтение политической борьбе, как инструменту построения исламского государства, а насилие не рассматривалось в качестве единственного инструмента.

Полагаем, что взгляды данного религиозного деятеля оказали фундаментальное влияние на идеологию современных исламских радикалов. Ключевой вклад Абу Аль-Маудуди заключается в систематизации и политизации концепции «исламского государства», которую он впервые четко сформулировал в своих работах. Он предоставил современным радикальным движениям готовую теоретическую основу – модель государства, где верховенство шариата абсолютно, а светские законы отвергаются. Кроме того, его трактовка термина «джихад», как обязательной для каждого мусульманина борьбы, можно рассматривать в качестве идейного обоснования для мобилизации сторонников современными радикалами. Мыслитель в своих работах заложил идейный фундамент, объединяющий цель построения теократического государства с долгом ведения джихада для ее достижения, что и было взято на вооружение последующими исламистскими движениями [4, с. 90].

Теоретиком вооруженного джихада, как единственного инструмента для достижения цели построения исламского государства, стал египетский мыслитель Сейид Кутб, который в своей работе «Вехи на пути» отмечал, что джихад должен распространяться против «всех неверных независимо от их отношения к исламу». Для данного представителя восточной религиозной мысли джихад нес

характер «вневременной вечной борьбы» (он не мог быть, по его мнению, ограничен каким-то определенным периодом или же границами, будь то границы в национальном или географическом смысле). Вся эта борьба соотносилась с тем, как виделся мир Сейид Кутбу – для него мир делился на две части: исламское общество, где торжествует власть Аллаха, и мир «джахилии», где люди сами создают определенные законы, что противоречит Божественному замыслу. Данный вывод, по нашему мнению, следует из его ключевой работы – «Вехи на пути». К такому миру Сейид Кутб относил как неисламские государства, так и мусульманские государства, которые, по его мнению, не жили в соответствии с законами Аллаха. Восстановить же власть Бога, по мнению Кутба, можно было лишь путем джихада против джахилии (который должен закончиться уничтожением языческих государств) и участие в данном джихаде считалось главной обязанностью каждого мусульманина. Согласно указанной выше работе мыслителя «Вехи на пути», мир и сама мировая история есть вечное противостояние «области ислама» и «области войны», включающая в себя как раз таки государства «языческие» [13, с. 214].

Влияние Кутба на современных исламских радикалов, на наш взгляд, сложно переоценить, так как его представление о джихаде и, в целом миропонимание, стало фундаментом для идеологий многих крупных террористических организаций. Идеи Кутба повлияли, например, на одного из идеологов «Аль-Каиды», а именно – Аймана Завахири; рассмотренные выше идеи Завахири использовал в своей работе «Рыцари под знаменем Пророка», где автор, разделяя мир на два противоборствующих лагеря, постулирует, что джихад являет собой борьбу между исламом и враждебными мировыми силами. Для Завахири такими враждебными силами выступали не исламские государства, которые «используют инструменты в виде международных организаций и транснациональных корпораций» для ведения войны против ислама [8].

Таким образом, идеи пакистанского мыслителя Абу Аль-Маудуди о построение исламской модели государства и концепция «вневременного джихада» египетского философа Сейида Кутба составили прочный идейно-теоретический фундамент современного исламского радикализма. И, если первый из них предоставил радикальным движениям и организациям конкретную политическую цель – построение теократического государства, основанного на верховенстве шариата, а также идеологическое обоснование для массовой мобилизации через трактовку джихада как коллективной обязанности, то второй, – в свою очередь, довел эту логику до крайности, легитимизировав в своей работе «Вехи на пути» вооруженную борьбу не только против внешних «неверных», представленных иностранными обществами и государствами, но и против мусульманских обществ, объявленных им «отступниками». Синтез этих двух доктрин создал мощный идеологический конструкт, в котором цель построения исламского государства неразрывно связана с необходимостью ведения глобального насильственного джихада для ее достижения. Исламские радикалы, вдохновленные этими идеями, давно перестали быть исключительно маргинальными группировками, действующими подпольно в отдельно взятых государствах, и превратились в реальную политическую силу, способную приходить к власти, что наглядно демонстрируют примеры деятельности организации «Талибан» (приобретение властных полномочий ею в Афганистане), а также приход к власти джихадистов на территории Сирии. Примером и подтверждением данного вывода также является создание квазигосударственных образований радикалами на территории африканских государств.

Угроза, исходящая от радикальных исламистов, их воззрений, основанных во многом на идеях Маудуди и Кутба, остается одной из наиболее значительных вызовов международной и национальной безопасности в XXI веке. Эволюция от малочисленных подпольных кружков до политической силы или мощных транснациональных террористических сетей демонстрирует высокий адаптационный потенциал и живучесть такого явления как исламский радикализм. Современный радикальный исламизм представляет собой многогранную угрозу, которая проявляется не только в масштабной террористической деятельности и прямых военных столкновениях с легальной государственной властью, но и в дестабилизации целых регионов, подрыве светских политических систем, распространении религиозной нетерпимости и создании долгосрочных очагов напряженности. Борьба с этой угрозой требует комплексного подхода, включающего не только силовые меры, но и активное противодействие самой идеологии, чьи корни уходят в идеи, представленные в проанализированных работах мыслителей прошлого.

Список литературы

1. Адиатуллина, Д. Р. Исламский радикализм в современном мире // Богословское наследие мусульман России: сборник научных докладов конференций. II Международный форум. Том 2. Казань, Издательство: ИД «МеДДоК», 2021. – С. 196-199.

2. Добаев, И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / И. П. Добаев. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. – С. 52-55.
3. Исманов, А. У. Исламский радикализм и его влияние на Кыргызстан / А. У. Исманов, Ж. С. Арзыматов // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2022. – № 4-2. – С. 319-324.
4. Маргулис, С. Б. К вопросу о теоретических основах и историческом развитии радикального ислама как политической идеологии / С. Б. Маргулис // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 2. С. 88-105.
5. Мaudуди, А. А. Ислам сегодня / – М.: Сантлада, 1992. – 35 с.
6. Ольшанский, Д. В. Психология терроризма / Д. В. Ольшанский. – Сп-б.: Питер, 2002. – 189 с.
7. Abdalla, A. Dzhihad shaab muslim. [Jihad of Muslim people.]. — URL: https://www.muhammadanism.org/Terrorism/jihah_in_islam/jihad_in_islam.pdf (дата обращения 11.11.2025). – Текст : электронный.
8. Al-Zawahiri, A. Knights Under the Prophet's Banner. London, 2001. Serialized in eleven parts in Al-Sharg AlAwsat. — URL: https://www.researchgate.net/publication/304692982_Knights_Under_The_Prophet'S_Banner (дата обращения 09.11.2025). – Текст : электронный.
9. Emmelkamp, J., Asscher, J. J., Wissink, I. B., & Stams, G. J.J.M. Risk factors for (violent) radicalization in juveniles: A multilevel meta-analysis // Aggression and Violent Behavior. 2020. P. 55 — URL: https://www.researchgate.net/publication/343630776_Risk_Factors_for_Violent_Radicalization_in_Juveniles_A_Multilevel_Meta-Analysis (дата обращения 11.11.2025). – Текст : электронный.
10. Fuller, G. The Future of Political Islam. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – 213 p.
11. Maududi, S. A. A. The Islamic Law and Constitution. – Lahore: Islamic Publications (Pvt.) Ltd, 1960. – 414 p. — URL: <https://khurshidahmad.info/wp-content/uploads/2020/02/Islamic-Law-and-Constitution.pdf> (дата обращения 10.11.2025). – Текст : электронный.
12. McCauley, C., Moskalenko, S. Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model // American Psychologist. 2017. 72(3). P. 205–216. — URL: https://www.researchgate.net/publication/315967753_Understanding_political_radicalization_The_two-pyramids_model (дата обращения 10.11.2025). – Текст : электронный.
13. Qutb, S. Milestones on the road / S. Qutb. – New Delhi: Markazi Maktaba Islami, 1981. – 372 p.
14. Sakaev, V. T. The concept of radicalization: a review of scientific approaches in modern foreign literature // Antinomy, 2021, 21(2), pp. 45–72. — URL: https://www.researchgate.net/publication/354028878_The_Concept_of_Radicalization_an_Overview_of_Scientific_Approaches_in_Modern_Foreign_Literature (дата обращения 12.11.2025). – Текст : электронный.
15. Tafotie, J. R., Idahosa S. O. Conflicts in Africa and Major Powers: Proxy Wars, Zones of Influence or Provocative Instability // Vestnik RUDN. International Relations. 2016. Vol. 16, no. 3. – URL: https://www.researchgate.net/publication/317175223_Conflicts_In_Africa_and_major_powers_proxy_wars_zone_of_influence_of_provocating_instability (дата обращения 10.11.2025). – Текст : электронный.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025

Tkachenko, N. S., Banshchikova, S. L. *The Views of Individual Islamism Ideologists as the Foundation of Modern Islamic Radicalism*

In the article, the authors explore the phenomenology of Islamic radicalism noting that this phenomenon is an extreme manifestation of political Islam pursuing the goal of violent political struggle. The authors analyze the activities of two thinkers of the past – the Egyptian philosopher Seyyed Qutb and the founder of the Pakistani Jamaat-i-Islami party Abu al-Maududi – reflected in their famous works, and also characterize the key ideas of these thinkers that influenced the formation of the ideology of Islamic radicalism.

Keywords: Islam, radicalism, ideas, state, counteraction measures, organizations, religion, politics, purpose.

УДК 316.77:321.7

Статья посвящена анализу феномена политики памяти и его воздействию на формирование коллективной идентичности и политические мобилизации в современном обществе. Рассматриваются теоретические подходы к изучению политики памяти, выделяются основные направления политики памяти в России и других странах, особое внимание уделено российскому опыту. Исследуется практика управления историческим наследием, подчеркивается значимость открытой дискуссии и уважения к различным позициям для устойчивого развития общества.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, коллективная идентичность, политическая мобилизация, государственные институты, историческое наследие, идеология, российская государственность, модернизация, патриотизм, историческая правда, примирение, общественное согласие.

И. Е. Севостьянова, доцент, д-р полит. наук

Институт экономики права (филиал) ОУП ВО «АТиСО» в г. Севастополе

E-mail: SevostyanovaIrina2017@yandex.ru

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Современный мир характеризуется интенсивностью культурных и политических взаимодействий, которые способствуют возникновению множества подходов к осмыслению прошлого и его влиянию на настоящее. Именно в этом контексте особую значимость приобретает изучение феномена политики памяти и способов её использования в интересах формирования коллективной идентичности и мобилизации широких масс населения. Исследование особенностей политики памяти приобретает важнейшую роль в понимании эволюции общественного сознания и выявлении факторов, обеспечивающих устойчивость современных политических систем.

В условиях глобализации интеграционных процессов, обострившейся межгосударственной конкуренции и внутренней потребности в сохранении сплоченности нации, политика памяти становится мощным инструментом консолидации общества и утверждения легитимации властных структур. Глубокий анализ данных процессов открывает возможности для раскрытия сути реформаторских инициатив, определения эффективных путей воздействия на массовое сознание и формулировки стратегических направлений совершенствования коммуникационной политики государства.

Кроме того, изучение особенностей восприятия истории различными социальными слоями помогает осознать причины роста националистических настроений, шовинистической риторики и непримиримости, наблюдаемые в последние десятилетия. Как показывают исследования последних лет, именно символы, образы и трактовки исторического опыта формируют представления о справедливости, чести и долге перед поколениями предков, способствуя либо консолидации общества вокруг общих идей, либо наоборот, углубляя расколы и усиливая социальные антагонизмы.

Понимание сущности политики памяти имеет огромное прикладное значение для выработки эффективной социальной и культурной политики, направленной на снижение риска внутринациональных и международных конфликтов, обеспечение устойчивости демократии и защиту общечеловеческих ценностей.

Современные исследователи выделяют несколько ключевых концептуальных моделей, объясняющих функционирование политики памяти и особенности её воздействия на общество.

1. Модель мемориального сообщества. Этот подход фокусируется на изучении групп, организаций и сообществ, занимающихся сохранением и передачей исторической памяти. Представители школы мемориального сообщества подчеркивают важность локальных традиций, ритуалов и символов, формирующих устойчивые модели поведения и идентификационные рамки [5, с. 34]. Исследования показывают, что участие в памятных мероприятиях, посещение музеев и памятников создаёт прочную связь поколений и укрепляет чувство принадлежности к конкретной группе.

2. Теория символического капитала. Эта теория рассматривает политику памяти как форму накопления и распределения символического капитала, используемого элитарными группами для поддержания своей власти и престижа. По мнению сторонников теории, контроль над каналами трансляции официальной версии истории обеспечивает элите дополнительную легитимность и

инструмент манипулирования общественным мнением [2, с. 12]. Контроль над образованием, средствами массовой информации и публичными пространствами формирует базу для воспроизводства господствующих представлений о прошлом.

3. Идеологический подход. Согласно этому направлению исследований, политика памяти выступает частью идеологической конструкции, служащей оправданием социально-экономических и политических порядков [1, с. 9]. История используется как средство объяснения настоящего и обоснования будущего курса. Через избирательное представление фактов и подавление альтернативных версий прошлое превращается в аргумент, подтверждающий правильность избранного пути развития. Такие исследования подчёркивают манипулятивный характер официальных верований, превращающих историю в оружие в борьбе за власть.

4. Постколониальная критика. Данный подход ставит под сомнение монополизацию прошлого официальными структурами и обращает внимание на многообразие точек зрения и восприятие истории маргинализированными группами. Критикуя традиционную концепцию единства нации, основанную на гомогенизированной картине прошлого, постколониальные авторы утверждают право меньшинств и ранее угнетённых народов формировать собственную версию истории, бросающую вызов господствующим версиям [4, с. 25].

Каждая из перечисленных теорий раскрывает отдельные аспекты функционирования политики памяти, однако ни одна из них не даёт исчерпывающего объяснения всего спектра явлений, сопровождающих этот процесс. Современные исследователи стремятся интегрировать идеи разных школ, предлагая синтетические концепции, способные учитывать сложность и многоаспектность феномена политики памяти.

Практика политики памяти в современном обществе. Процессы, происходящие в области политики памяти, оказывают значительное влияние на повседневную жизнь общества. Рассмотрим некоторые характерные черты политики памяти на примере некоторых стран.

Россия. История Российской Федерации богата значительными подвигами и испытаниями, что создаёт благоприятные условия для активизации исторического наследия в современной политике. Российские политические и государственные деятели активно используют исторические символы прошлого и историческое наследие, такие как победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, покорение космического пространства и другие значимые события, подчеркивая величие России и объединения народа вокруг общей исторической судьбы. Однако подобная практика вызывает неоднородную реакцию внутри общества: некоторые граждане воспринимают её позитивно, видя в ней повод для национального самосознания и единства, тогда как другие критикуют использование истории в целях пропаганды, утверждая, что официальная версия событий зачастую упрощена.

Одним из наиболее показательных примеров служит празднование Дня Победы 9 мая, ставшего одним из центральных, важнейших государственных праздников. Несмотря на стремление создать атмосферу единения, гордости и сплочённости за победу дедов, праздник сопровождается спорами относительно интерпретаций ключевых моментов Второй мировой войны и роли Советского Союза в победе над фашизмом. Большинство россиян считают День Победы символом возрождения патриотизма и национальной гордости, тогда как другие видят в нём попытку скрыть реальные факты трагедии военного периода. Подобные дискуссии наглядно демонстрируют сложную структуру взаимоотношений общества и власти в сфере исторической памяти.

Китай. Китайская Народная Республика также демонстрирует активную деятельность в области политики памяти. Руководство Китая последовательно внедряет стратегию укрепления чувства национальной гордости и патриотизма, используя исторический опыт китайской цивилизации и успехи социалистического строительства. Центральное место занимают образы героев революции и руководителей Коммунистической партии Китая, создающие положительный имидж руководства страны и укрепляющие поддержку народных масс.

Однако наряду с позитивными тенденциями существуют негативные моменты, связанные с искажением исторических фактов и замалчиванием негативных эпизодов прошлого. Например, отсутствие объективного освещения голода времён Большого скачка и репрессий во времена Культурной революции вызывают недовольство части интеллигенции и общественности. Наряду с официальным восприятием истории существует подпольная культура критики и сопротивления официальной линии, выражающаяся в художественных произведениях, публикациях в социальных сетях и устных рассказах очевидцев трагических событий.

Германия. Феномен политики памяти проявляется и в Германии, где послевоенные годы ознаменовались процессом рефлексии и переоценки нацистского прошлого. Современная немецкая историческая политика направлена на признание вины немецкого народа за преступления против

человечества и принятие ответственности за произошедшие события. Образцовая практика преодоления последствий нацизма стала основой демократического обновления ФРГ и интеграции страны в европейское сообщество.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, сохраняются группы радикально-националистического толка, выступающие против признания немецкой вины и призывающие пересмотреть итоги Второй мировой войны. Особую тревогу вызывает рост популярности ультраправых партий и движений, пытающихся эксплуатировать темы исторической несправедливости и поражения Германии в войне. Противодействие подобным явлениям лежит в плоскости воспитания молодого поколения и пропаганды антифашистских ценностей, демонстрирующих уникальность и ценность германской культуры вне контекста агрессии и насилия.

Особенности политики памяти в российском контексте. Особенность российского контекста обусловлена масштабами территории, многонациональным составом населения и длительностью. Центральным элементом государственной политики в области памяти выступает идея непрерывности российской государственности, охватывающей период от Древней Руси до современности. Россия позиционируется как страна великих свершений и успехов, колыбель талантов и героев культуры, науки и творчества. Вместе с тем сохраняется проблема баланса между потребностью в патриотическом воспитании молодёжи и необходимостью признать недостатки и ошибки прошлых эпох. В частности, историки отмечают недостаток внимания к таким трагедиям, как сталинские репрессии, голод начала XX века и жестокость Гражданской войны. Признание ошибок прошлого сталкивается с опасениями дестабилизировать ситуацию и вызвать критику действующей власти. Так, вопросы реабилитации жертв политических репрессий остаются нерешёнными и вызывают серьёзные споры в научных кругах и обществе в целом.

Правительство Российской Федерации утвердило концепцию государственной политики, направленную на увековечивание памяти жертв политических репрессий [3]. Концепция предусматривает ряд мер, среди которых сооружение музейных комплексов и экспозиций, посвящённых истории политических преследований, а также доступ граждан к документам архивов и другим источникам информации, отражающим репрессивные кампании советского периода.

Политика памяти оказывает существенное воздействие на поддержание социального равновесия и гражданской солидарности. Российская государственная система предпринимает активные шаги по охране и продвижению исторического наследия, создавая специализированные институты, такие как Национальный центр исторической памяти, занимающегося сбором и исследованием исторических материалов, значимых для понимания отечественной истории.

Тем не менее, достижение согласованной позиции по вопросам истории возможно лишь через открытое обсуждение и учет разнообразных мнений представителей различных слоев общества. Просветительские проекты и образовательные инициативы играют решающую роль в формировании объективного восприятия к историческому опыту.

Историческая память призвана соединять народ. Для этого необходимо создавать условия для конструктивного диалога. Только совместными усилиями можно достичь согласия и взаимопонимания в обществе, уважающем свое прошлое и уверенным в своем будущем. Отмеченная в статье динамика, показывает насколько важна работа с исторической памятью, и какая ответственность ложится на плечи историков, политологов, политиков и общественных деятелей. Совместные усилия смогут повысить уровень доверия граждан к государственным институтам и способствовать устойчивому развитию сильной России.

Список литературы

1. Макаров, А. И. Политика памяти как элемент региональной культурной жизни / А. И. Макаров // Власть. – 2008. – № 12. – С. 8-11.
2. Мартиросян, К. М. Символический капитал и воспроизводство социокультурной сферы современного общества: социально-философский анализ: автореферат дис. доктора философ. наук: специальность 09.00.11 Социальная философия // К. М. Мартиросян. – Краснодар: Универ. МВД России. – 2015. – 46 с.
3. Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2015 г. N 1561-р О концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий // Гарант: справочно-правовая система [Официальный сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/> (дата обращения 25.09.2025). – Текст : электронный.

4. Эльмурадов, А. Постколониальная /деколониальная критика и теория международных отношений / А. Эльмурадов // Вестник МГИМО. – 2021. – 14 (3). – С. 23-28.
5. Ярычев, Н. У. Мемориальная культура: от категории к феномену / Н. У. Ярычев // Вестник МГУКИ. – 2022. – 5 (109). – С. 32-39.

Статья поступила в редакцию 14.10.2025

Sevostyanova, I. E. *The Politics of Memory: Tools for Shaping Collective Identity and Political Mobilization*

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of memory politics and its impact on the formation of collective identity and political mobilization in modern society. It considers theoretical approaches to the study of memory politics and highlights its main directions in Russia and other countries, special attention being paid to the Russian experience. The author explores the practice of historical heritage management and emphasizes the importance of open discussion and respect for different positions for the sustainable development of society.

Keywords: politics of memory, historical politics, collective identity, political mobilization, state institutions, historical heritage, ideology, Russian statehood, modernization, patriotism, historical truth, reconciliation, social harmony.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 325

Учитывая недостаток собственных трудовых ресурсов для эффективного развития экономики, в РФ разрабатываются эффективные механизмы учета и контроля иностранных мигрантов. В статье проводится краткий сравнительный анализ последних изменений положений основных документов стратегического планирования Российской Федерации в сфере государственной миграционной политики. Рассматриваются существующие проблемы в миграционных процессах и пути их решения.

Ключевые слова: Концепция государственной миграционной политики, трудовые ресурсы, миграционный процесс, иностранные мигранты, нелегальная миграция.

А. С. Цыганов, старший преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: a.ciganov@sevsu.ru

КОРРЕКТИРОВКА МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В СООТВЕТСТВИИ С ИЗМЕНЕНИЯМИ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РФ

На современном этапе развития глобальных мировых процессов, в первую очередь, проходящих в экономически развитых странах мира (европейские страны, США, Япония, Южная Корея, Китай), отмечается стойкая тенденция к увеличению уровня жизни населения и одновременно естественной его убыли. Данные процессы неминуемо приводят к сокращению числа трудовых ресурсов указанных стран и соответственно к замедлению их экономического роста. Кроме того, сокращение трудовых ресурсов заметно увеличивает нагрузку на трудоспособное население стран. В полной мере наличие таких демографических, экономических и социальных проблем относится и к Российской Федерации. Решение вопросов, связанных с увеличением трудовых ресурсов государства, возможно несколькими способами. Во-первых, возможно улучшить качество жизни и увеличить доходы населения для стимулирования рождаемости и увеличения трудовых ресурсов. Значительная работа в этом направлении в Российской Федерации уже проводится. При этом, как показывает пример развитых стран мира, при довольно высоких качестве жизни и уровне доходов населения рождаемость должным образом не увеличивается и сокращение трудовых ресурсов продолжается. Другим способом восполнения трудовых ресурсов является привлечение в страну трудовых иностранных мигрантов в качестве дополнительной рабочей силы. Однако, как показывает практика, к осуществлению этого способа увеличения трудовых ресурсов государства необходимо подходить очень взвешенно и комплексно по причине наличия ряда сложностей, связанных с вопросами квалификации мигрантов и необходимости их интеграции в российское общество, а также безопасности собственного населения.

Со второй половины 1970-х годов население России начало увеличиваться за счет миграции из других союзных республик бывшего СССР в результате снижения уровня объемов потоков мигрантов из РСФСР ниже уровня обратных миграционных потоков. Миграционный прирост в республику увеличивался в первую очередь по причине возвращения представителей русской национальности и продолжался до начала «перестройки» (1985-86 гг.), после чего значительно сократился [5]. С распадом СССР существенно увеличилась международная миграция, достигнув своего максимума в середине 1990-х годов. Потом в начале 2000-х годов сначала произошла стабилизация миграции, которая затем в конце первого десятилетия 21-го века начала расти, а в дальнейшем стабилизировалась на более высоком уровне. С началом проведения специальной военной операции отмечалось максимальное количество выбытий из России за последние два десятилетия, однако на протяжении 2023 года объем выбытий вернулся к обычным значениям. Уже в 2024 году миграционный прирост населения РФ увеличился почти в 5 раз, превысив 500 тысяч человек. Россия сохраняет миграционные связи со многими странами в мире, однако почти весь миграционный прирост происходит за счет бывших союзных республик. Мигранты, которые прибывают в Россию, в большинстве своем являются

выходцами из бывших республик СССР, ставшими сегодня независимыми странами. Доля иммигрантов среди переехавших на постоянное место жительства в Российскую Федерацию из стран бывшего СССР, так называемого «ближнего зарубежья», в 1997-2010 годах составляла более 95%, после чего стала незначительно снижаться. Так, например, в 2011-2022 годах она уже составляла немногим более 90%, в 2023 году – 89%, а в 2024 году – 84,0%. Несмотря на колебания в отдельные периоды времени численности мигрантов, которые прибывали в Россию, миграционный прирост населения РФ за счет стран ближнего зарубежья сохранялся положительным, начиная с распада СССР и до настоящего времени. При этом, мигранты, которые прибывают в Россию из других стран, так называемого «дальнего зарубежья», составляют незначительную часть от общего числа иммигрантов, принятых к учету на территории РФ. На протяжении нескольких десятилетий население страны в общем устойчиво увеличивается за счет миграционного прироста. В различных российских регионах миграционный обмен между регионами довольно неоднородный, но при этом он достаточно интенсивно влияет на изменение численности регионального населения. Следует отметить, что все федеральные округа увеличили свое население за счет международного миграционного обмена с другими мировыми странами, в первую очередь со странами СНГ. Согласно данным за 2024 год, ситуация с миграционным приростом населения в регионах заметно улучшилась за счет международной миграции. Так, за счет миграционного обмена миграционного обмена с другими странами мира увеличилось население 81 регионов – федеративных субъектов. Необходимо также отметить положительные изменения в миграционной политике РФ, произошедшие за последние годы. Например, в 2023-2024 гг. существенно, более чем на 90%, снизилось количество рассмотрений ходатайств о признании беженцем и заявлений о предоставлении временного убежища на территории России в связи с упрощением процедуры для граждан Украины по приобретению гражданства РФ и проводимыми мероприятиями по документированию граждан новых российских субъектов [5].

Стоит заметить, что в Российской Федерации существовал ряд проблем, которые на протяжении долгого времени влияли на проведение эффективной миграционной политики. К ним возможно отнести недостаточно согласованную работу миграционных ведомств, факты коррупции и чрезмерной бюрократизации. Кроме этого, не в полной мере была организована система по контролю и учету иностранных мигрантов, что приводит к незаконной миграции на территорию России, а также в отдельных случаях к совершению преступлений различного характера, в том числе и террористических актов. Многие приезжающие в нашу страну иностранные граждане не разделяют традиционные российские ценности и не желают интегрироваться в российское общество, в отдельных населенных пунктах в разных регионах страны создаются этнические анклавы, в которых мигранты существуют по своим законам вне правового поля Российской Федерации, происходит их маргинализация. Также отмечаются случаи, когда для оптимизации расходов крупного бизнеса в страну нелегально завозятся трудовые мигранты, которые потом становятся почвой для пропаганды идеологии экстремизма и терроризма и в последующем используются недружественными спецслужбами для совершения терактов. В этом для России заключается экзистенциальная угроза национальной безопасности, которую необходимо нейтрализовать, в том числе при помощи формирования и реализации сбалансированной, грамотной и эффективной миграционной политики.

Для решения вышеуказанных проблем руководством Российской Федерации были приняты и продолжают приниматься ряд мер, в первую очередь которые касаются разработки и принятия концептуальных документов стратегического планирования в сфере государственной миграционной политики.

Так, в базовом документе стратегического планирования, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ в 2021 году, определены национальные интересы и стратегические национальные приоритеты. В числе основных национальных интересов в РФ и в мире на современном этапе указано укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России. А одним из стратегических национальных приоритетов России является защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [4].

В продолжение развития положений базового документа стратегического планирования, в ноябре 2022 года, был утвержден Указом Президента РФ еще один важнейший документ в сфере обеспечения национальной безопасности российского государства, а именно «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В данном документе стратегического планирования конкретно определяются цели, задачи и порядок реализации стратегического национального приоритета по

защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, который определен Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [3].

15 октября 2025 года, непосредственно для решения проблемных вопросов в сфере миграционной политики, Президент России В. В. Путин своим указом № 738 утвердил «Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы». Утвержденная Президентом РФ Концепция миграционной политики является важнейшим государственным документом 2025 года, и продолжает развитие концептуальных основ, определенных положениями документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности и государственной политики по делам национальностей. В Концепции установлены принципиально новые подходы к формированию и реализации миграционной политики, где ее основными направлениями являются сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Кроме того, в Концепции миграционной политики определены приоритеты национальной безопасности над прагматическими интересами отдельных экономических групп. Концепция государственной миграционной политики на 2025-2030 годы является развитием вышеуказанных документов стратегического планирования посредством реализации установок и ценностей по направлению государственной политики в сфере миграции, которые были заложены в этих стратегических документах [2].

Необходимо заметить, что в новой Концепции государственной миграционной политики можно отметить множество новых аспектов, но в первую очередь упор делается на проведение миграционной политики в контексте сохранения и укрепления традиционных российских ценностей и обеспечения национальных интересов РФ. В положениях документа акцентировано внимание на защите и сохранении русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, в том числе конкретизированы нормы Конституции РФ об утверждении прав и свобод человека, гражданского мира и согласия, а также о преемственности государственного развития, признания исторически сложившегося государственного единства, основанного на тысячелетней истории России. В Концепции предлагаются меры для нейтрализации угрозы массовой неконтролируемой миграции общественной безопасности России в свете традиционной идентичности российского общества, особенно в случаях формирования замкнутых этнических сообществ (анклавов) и отсутствия стремления у мигрантов к интеграции. При этом необходимо отметить, что в новой Концепции указывается в числе направлений реализации миграционной политики важнейшее направление по содействию переезду в Россию людей, которые разделяют традиционные российские духовно-нравственные ценности. Так, в пункте 22 указано о принципе избирательности и о создании благоприятного режима для иностранных граждан, которые отвечают нескольким требованиям, а именно: разделяют традиционные российские духовно-нравственные ценности, связывают с Россией свое будущее, способны органично включиться в систему социальных связей и намерены стать полноправными членами российского общества. Таким образом, акцент в новой Концепции миграционной политики делается на продвижении ценностных ориентиров при организации миграции. То есть на первый план при отборе мигрантов, которые планируют постоянно проживать в стране, выходит критерий их приверженности традиционным российским ценностям. В результате планируемых действий должны сформироваться миграционные потоки, соответствующие ценностным ориентирам российского общества и готовые к интеграции в него. Предполагается, что основными кандидатами для становления новыми российскими гражданами должны стать представители Русского мира - русские люди из бывших союзных республик («ближнего зарубежья»). Также в документе отмечено, что именно политика российского государства по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей стала определяющим фактором для переселения иностранных граждан в РФ из государств, пропагандирующих деструктивные неолиберальные идеологические установки [2].

В новой редакции Концепции 2025 года незаконная и неконтролируемая миграция рассматривается в качестве угрозы национальной безопасности РФ. Положения документа направлены на выполнение государственными органами Российской Федерации обязанностей по обеспечению безопасности личности, общества и государства. Так, для лиц, не имеющих законных оснований для пребывания в России предусмотрен режим высылки, в том числе усовершенствованы механизмы административного выдворения и депортации. Также предусмотрено усиление уголовной и административной ответственности за организацию незаконной миграции. Для усиления мер по контролю за миграцией предполагается использование цифровых инструментов, для чего в Концепции определяются направление по технологическому перевооружению для эффективного управления миграционными процессами. Для решения указанных проблем планируется проводить формирование

цифрового профиля иностранного гражданина, внедрять биометрической идентификации, выполнить цифровизацию процессов миграционного учета и заключения трудовых договоров. Вместе с этим для повышения прозрачности, контролируемости и исключения нелегальной составляющей трудовой миграции определено формирование механизма организованного целевого набора иностранных работников, который будет предусматривать привязку мигранта к конкретному рабочему месту у конкретного работодателя [2].

Необходимо отметить, что отдельные мероприятия по ужесточению контроля за миграцией предпринимались в рамках Концепции миграционной политики 2019-2025 годов. Так, в рядом руководителей субъектов РФ были введены ограничения на трудовую деятельность мигрантов в определенных отраслях, в первую очередь в сферах пассажирских перевозок и образования. Усилен контроль при получении российского паспорта, в том числе для исключения фиктивных браков, ограничен 90 днями в течение календарного года срок безвизового пребывания иностранных граждан. Существенно усилен контроль за уровнем знания мигрантами русского языка, в том числе за знаниями русского языка детьми мигрантов при поступлении в образовательные учреждения. С апреля 2025 года все дети мигрантов при поступлении в образовательные учреждения обязаны проходить тестирование по русскому языку. При этом в 2025 году, по данным Рособнранадзора, более 80 % детей мигрантов не смогли выполнить эти новые требования по причине недостаточного знания русского языка, то есть только каждый пятый ребенок из иммигрантских семей был успешно зачислен в образовательные учреждения России [2].

Необходимо отметить, что основные положения «новой» редакции Концепции государственной миграционной политики РФ, в которой определены цель, основные принципы, задачи и основные направления реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, заметно отличаются от Концепции государственной миграционной политики на 2019 – 2025 годы в редакции 2018 года [1]. В общих положениях новой Концепции конкретно указаны основные составляющие миграционной политики, в том числе въезд, выезд, пребывание и проживание иностранных граждан (лиц без гражданства), миграционный учет, получение временного убежища и приобретение гражданства. Кроме этого, в главе I добавлены основные документы стратегического планирования РФ на современном этапе, с учетом положений которых разработана данная Концепция. Во II главе актуализированы условия формирования и реализации миграционной политики, в связи с тем, что в период 2019 – 2025 гг. миграционные потоки в РФ претерпели трансформацию. В настоящее время, учитывая необходимость удовлетворения потребности экономики России, численность иностранных граждан, которые осуществляют трудовую деятельность на территории РФ растет, и эта тенденция роста на период действия Концепции до 2030 года будет сохраняться на перспективу. По сравнению со старой Концепцией в IV главе новой Концепции, в которой обозначены цель, основные принципы и задачи миграционной политики, исключена «сфера демографического развития страны» из цели миграционной политики. Также в новой редакции документа исключены формулировки о проблемах мигрантов, связанных с доступностью социальных, образовательных, медицинских, культурных и иных услуг в качестве фактора, влияющего на миграционные процессы, а при определении основных принципов миграционной политики на первое место поставлен приоритет интересов РФ и ее граждан вместо комплексности и сбалансированности решения задач миграционной политики. В V главе, в которой определены основные направления реализации миграционной политики добавлено положение о создании единой цифровой системы для учета, профилирования и отслеживания мигрантов и использованием биометрии и искусственного интеллекта. Расширены и добавлены новые положения, касающиеся ужесточения регулирования трудовой миграции и борьбы с нелегальной миграцией. В связи с тем, что миграция в документе рассматривается как вопрос национальной безопасности, то в VIII главе при определении механизмов формирования и реализации миграционной политики преимущество установлено для Совет Безопасности и МВД РФ. Также в IX главе установлены ожидаемые результаты реализации миграционной политики, которые в старой редакции отсутствовали, а именно к 2030 году должны достичь снижения показателей незаконной миграции и увеличение иностранных студентов, трудовых мигрантов по оргнабору, постоянных жителей из числа разделяющих российские традиционные ценности, при проведении постоянного мониторинга состояния миграционной ситуации в России [2].

Новая Концепция миграционной политики показывает стремление руководства государства перейти от решения исключительно экономических и демографических проблем страны к новой модели миграционной политики с учетом как вопросов обеспечения национальной безопасности, так и сохранения культурной идентичности и социальной стабильности. Таким образом для исключения ситуаций, могущих привести к дестабилизации обстановки или социального взрыва в российских

городах по причине заселения мигрантами целых районов с установкой в них своих порядков и обычаев, а также для планирования реальных потребностей экономики и исключение неконтролируемого притока иностранцев в страну, согласно положениям новой Концепции на работодателей возлагается повышенная ответственность за привлечение трудовых мигрантов, для чего вводится организованный набор мигрантов. Также ограничена семейная миграция, с введением разрешения на приезд мигрантов только для работы или учебы и запрета приезда их многочисленных родственников. Такие действия обеспечат снижение нагрузки на системы здравоохранения, образование и социальную сферу, что должно повысить доступность социальных, образовательных и медицинских услуг для граждан РФ, а также позволит провести экономию средств региональных и федерального бюджетов.

Таким образом, в Концепции реализуется принцип приоритета интересов граждан Российской Федерации, российского общества и государства. Следует заметить, что проблемные вопросы демографии и экономики страны в аспекте миграционных процессов рассматривается в зависимости от требований национальной безопасности. При этом определено, что основным источником восполнения населения является его естественное воспроизводство, а миграционная политика является вспомогательным инструментом для временной компенсации дефицита трудовых ресурсов в приоритетных отраслях.

В заключении необходимо добавить, что реализация Концепции государственной миграционной политики РФ должна обеспечить создание эффективной комплексной миграционной системы, способной противостоять современным угрозам национальной безопасности и соответствовать целям социально-экономического развития России.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. N 738 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы" : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 23.11.2025). – Текст : электронный.
2. Указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. N 738 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 – 2030 годы" : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 23.11.2025). – Текст : электронный.
3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. "Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 23.11.2025). – Текст : электронный
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.11.2025). – Текст : электронный.
5. Щербакова, Е. М. Миграция в России, предварительные итоги 2024 года / Е. М. Щербакова // Демоскоп Weekly. – 2025. – № 1071-1072. – URL: <https://demoscope.ru/weekly/2025/01071/barom01.php> (дата обращения: 22.11.2025). – Текст : электронный.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025

Tsyganov, A.S. Correction of the Migration Process in Accordance with Changes in the Conceptual Documents of the State Migration Policy of the Russian Federation

Given the lack of domestic labor resources for effective economic development, the Russian Federation is developing effective mechanisms for recording and monitoring foreign migrants. The article provides a brief comparative analysis of the latest changes to the provisions of the main strategic planning documents of the Russian Federation in the field of state migration policy. It examines existing problems in migration processes and ways to solve.

Keywords: concept of state migration policy, labor resources, migration process, foreign migrants, illegal migration.

УДК 327. 323.2

Рассматриваются различные подходы к оценке проекта «Маршрут Трампа во имя мира и процветания» или Зангезурского коридора. Обосновываются возможные геополитические последствия для ключевых акторов региона при реализации проекта.

Ключевые слова: «геополитическая опорная точка», национальная безопасность, проект «Маршрут Трампа во имя мира и процветания», транзитный коридор, Южный Кавказ.

Е. Е. Рябцева, профессор, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: ryabtsevae@yandex.ru

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОПОРНАЯ ТОЧКА

Тренды в мировой политике и международных отношениях развиваются так динамично, что делать долгосрочные прогнозы крайне неосмотрительно. Но сделать попытку проанализировать ситуацию в отдельном регионе, который по аналогии с термином, введенным в научный оборот Хэлфордом Маккиндером в своей статье «Географическая ось истории» (1904 г.), можно смело называть «геополитическая опорная точка» (англ. geopolitical pivot) [14].

Эта геополитическая опорная точка на сегодняшний день – Кавказ, точнее Южный Кавказ или Закавказье, куда входят Армения, Азербайджан и Грузия. Это ключевой регион, события происходящие в этом регионе влияют на экономическую, политическую и, в конечном счете, геополитическую ситуацию оси «Север – Юг». Ключевыми акторами в регионе являются такие крупные государств-цивилизации как Российская Федерация и Исламская республика Иран. Конечно, это и «молодые» государства – Армения (после выхода из состава СССР), Азербайджан (территория Северного Ирана, переданная Российской империи по Гюлистанскому (1813 г.) и Туркманчайскому (1828 г.) договорам; и только в составе СССР, ставшая союзной республикой). Закавказье также является зоной интересов США, Европейского Союза, Турции и в последние десятилетия КНР и Израиля.

8 августа 2025 г. в Белом доме главами государств Армении, Азербайджана и США была подписана декларация об урегулировании конфликта между двумя странами. Текст был парафирован министрами иностранных дел Армении и Азербайджана [1].

Одним из пунктов соглашения является – проект «Маршрут Трампа во имя мира и процветания», который соединит Азербайджан и его нахичеванскую автономию и пройдет по территории Армении. Проект предусматривает прокладку железной дороги, газо- и нефтепроводов, линий электропередачи, интернет-кабелей. По словам Никола Пашиняна, «при реализации инициативы Иран получит железнодорожную коммуникацию от Персидского залива до Черного моря, а Россия – возможность железнодорожной связи с исламской республикой» [2].

По материалам источника CNN, «проект будет находиться под юрисдикцией Армении, а США сдадут землю в аренду консорциуму, который будет отвечать за строительство и управление маршрутом» [15].

В п. 3 декларации также отмечено, что это важно осуществить «на основе уважения суверенитета, территориальной целостности и юрисдикции» Армении и Азербайджана. П. 4 обязывает Ереван сотрудничать с Вашингтоном и третьими сторонами для того, чтобы организовать на армянской территории «Маршрут Трампа ради международного мира и процветания» (Trump Route for International Peace and Prosperity – TRIPP) [9].

Это, конечно, в идеале. На самом же деле, США получит от Армении эксклюзивное право на срок 99 лет развивать транзитный коридор, заниматься инфраструктурой и управлением под защитой американской частной военной компании, отмечает агентство Рейтар.

Идея создания коридора в Нахичевань появилась не сегодня, а стояла на повестке дня с окончания Второй карабахской войны. (Зангезур – историко-географическая область на склонах Зангезурского хребта, разделенная между двумя республиками. Длина коридора около 40 км; он пересечет Сюникскую область Армении неподалеку от границы с Ираном). Железнодорожная дорога между государствами была разобрана, наземное сообщение прекратилось сразу после распада СССР и вначале Первой карабахской войны (1992–1994); сейчас попасть в Нахичевань из Азербайджана можно либо самолетом, либо через Иран. Поэтому пункт об открытии транспортных путей в регионе был

внесен еще в заявление о прекращении огня между Арменией и Азербайджаном 2020 г., которое было подписано при посредничестве России.

Но подходы к пониманию ситуации были разные. Правительство Пашиняна, назвав свой проект «Перекресток мира» (рис. 1), планировало только восстановить железную дорогу, которая останется под юрисдикцией Армении, так как проходит по ее суверенной территории. Суть проекта шире, чем транспортное сообщение между Азербайджаном и Нахичеванью. Его назначение в развитии коммуникаций между Азербайджаном, Арменией, Ираном и Турцией с помощью авто- и железнодорожных маршрутов, трубопроводов, кабелей и линий электропередачи [6].

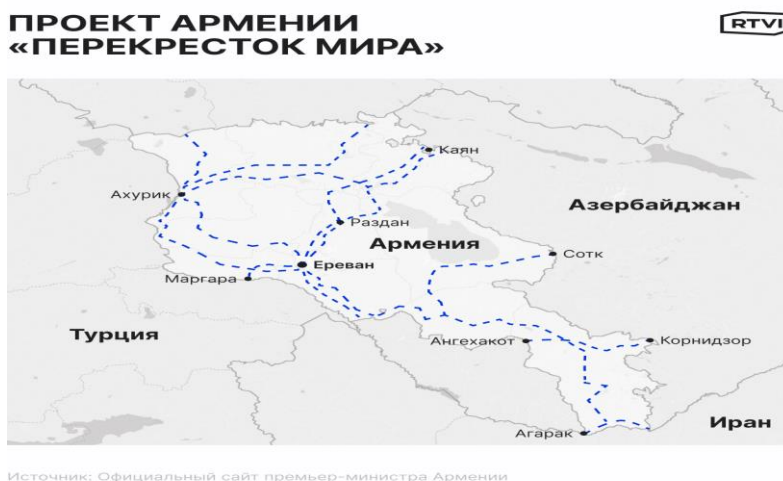

Рисунок 1. Источник: Официальный сайт премьер-министра республики Армения.
<https://www.primeminister.am/ru/>

Азербайджан же очень настойчиво навязывал идею Зангезурского коридора (рис. 2) с фактически экстерриториальным статусом, что давало возможность транспортировать товары через Армению без таможенных сборов и обходить пограничный контроль. Еще в 2021 г. Ильхам Алиев утверждал, что Азербайджан создаст Зангезурский коридор, «хочет того Армения или нет». «Если захочет, то решим проще, если не захочет, решим силой», – заявил президент Азербайджана, подчеркнув, что «азербайджанский народ вернется в Зангезур», который у него «отняли 101 год назад» [7].

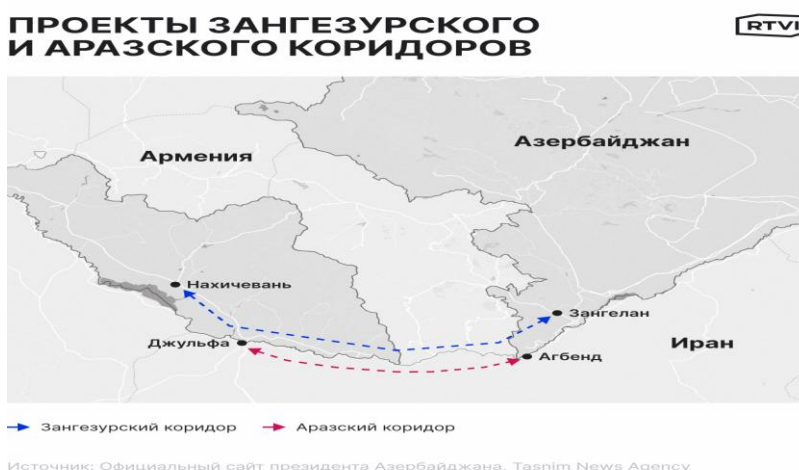

Рисунок 2. Источник: Официальный сайт президента Азербайджанской республики.
<https://president.az/ru>.

В интервью каналу «Аль-Арабия» 27 августа 2025 г. президент Азербайджана И. Алиев заявил: «...Но речь идет не только о соединении между собой частей Азербайджана. Речь идет о строительстве нового транспортного маршрута...Мы, например, тоже хотим стать транзитной страной. Мы хотим, чтобы коридоры пересекали Азербайджан с востока на запад, с севера на юг [8].

Альтернативный проект начал реализовывать Иран еще в 2023 г. Это 107-километровый Аразский транзитный коридор между Джульфой и Агбендом через иранскую территорию вдоль реки Аракс (ее в Азербайджане называют Араз, отсюда и название коридора). Уже началось строительство автомобильного моста через реку Араз. А строительство железнодорожной дороги станет частью международного транспортного коридора «Север–Юг». Эксперты отмечают, что такая схема выгодна Ирану, так как усиливает его роль как регионального транзитного хаба и балансирует влияние в регионе, сохраняя при этом отношения как с Азербайджаном, так и с Арменией [4].

Но в Вашингтоне под патронатом Д. Трампа парафировали документ, основанный на проекте И. Алиева. Как и проект, так и реакция на него неоднозначные. Каковы же выгоды и потери акторов при успешной реализации проекта Баку?

«Фактическое подписание мирного договора между Арменией и Азербайджаном, которое произошло при непосредственном участии США в Вашингтоне, подчеркивает главное – Баку добился всего чего хотел, а Армения в реальности теряет часть территории и субъектности, а в дальнейшем может полностью потерять государственность. Совершенно очевидно, что Пашинян получил гарантии собственной неприкосновенности в обмен на предательство российских интересов на Южном Кавказе», – отметил в беседе с РИА Новости российский специалист по межнациональным конфликтам, директор центра стратегических исследований стран Южного Кавказа Евгений Михайлов [10].

Абсолютно понятно, что «Маршрут Трампа» – это не только и не столько коммерческий проект. Бесспорно, США получают коммерческую прибыль от его реализации. Но не нужно забывать старые добрые «геополитические опорные точки». Южный Кавказ опять становится таким регионом. Если на территории Азербайджана будет функционировать база НАТО [16], то для США и блока НАТО открывается перспектива оснащения и дозаправки самолетов НАТО и нанесения ударов по Ирану и России. В этой связи «Маршрут Трампа» – это не про коммуникацию и коммерцию, это про безопасность как Южного Кавказа, так и Евразийской территории, это про геополитические преимущества. В подтверждении этого тезиса Middle East Eye отмечает, что ситуация кардинально поменялась. «За последнее десятилетие расстановка сил в регионе существенно изменилась, вплоть до того, что иные бакинские спикеры и СМИ недвусмысленно призывают к аннексии части иранской территории» [3].

Кроме того, вызывают опасения крепнущие связи Азербайджана и Израиля. Израиль осуществляет поставки в Азербайджан военное оборудование, «в период с 2016 по 2020 год Израиль обеспечил почти 70% военного арсенала Азербайджана». В тоже время Азербайджан стал одним из ведущих поставщиков нефти и газа в Израиль [13].

С реализацией Зангезурского коридора Иран помимо угрозы военного присутствия на своих границах теряет свое выгодное положение ключевого актора в транспортном маршруте между Азией и Европой.

Иран выступает против проекта транспортного пути между частями Азербайджана на юге Армении в Зангезурском коридоре. Об этом заявил советник верховного лидера исламской республики Али Акбар Велаяти, передает «Хабар Онлайн» [5].

«Разве Южный Кавказ – это ничейная территория, чтобы Трамп мог ее арендовать? Кавказ – одна из самых чувствительных географических точек мира, и этот коридор станет не «транзитным путем в собственности Трампа», а «кладбищем для его наемников», – пообещал Велаяти. Также, по его словам, он уверен, что Россия «стратегически против этого коридора», но Иран и без нее намерен «защищать безопасность Южного Кавказа» [11].

Определенные дивиденды от Зангезурского коридора получит и Турция, руководство которой мечтает о реализации пантюркистского проекта. Коридор соединит Турцию с пространством Центральной (Средней) Азии и далее транзитный путь будет доходить до Китая. Зангезурский коридор – это прямая угроза проекту «Один пояс – Один путь» или как его еще называют «путь Си».

Самым же главным пунктом на повестке дня остается вопрос: как все перечисленные изменения скажутся на позиции России на Южном Кавказе и повлияют ли на ситуацию на Северном Кавказе.

Следует констатировать, что российское влияние: историческая роль и геополитические позиции, – сведены на нет. Армения провозгласила полный отход от пророссийского направления, Азербайджан активно сотрудничает с Израилем и оказывает военную поддержку Украине, отношения с Турцией напоминают игру в жмурки. Нельзя не согласиться с мнением ведущего «Соловьев Live» Сергея Карнаухова: «Наши достижения, наши траты, наша историческая роль на Южном Кавказе сегодня этим соглашением обнуляется. То есть мы сегодня можем с вами без всяких эмоций,

абсолютно интеллектуально констатировать: история России на Южном Кавказе сегодня завершилась, нас там больше нет <...>» [6].

Такое же мнение приводит и агентство Рейтарс. The Economist предполагает, что проект может ослабить Россию в регионе [12].

Но несмотря на красивую картинку в официальных СМИ США, Azerbaijan и Армении, и позиционировании Д. Трампа как миротворца, прекратившего очередной конфликт, главным бенефициаром и главным кукловодом все-таки является Великобритания и «глубинное государство». У Британии остается многовековая стратегическая цель – победить и в конечном счете уничтожить Россию. Это не удастся сделать на Украине. Следовательно, нужны другие методы и другие направления создания «геополитических точек».

Рисунок 3. Источник: © Фото : ndelo.ru

На представленной схеме наглядно видно, что Зангезурский проект является реальным препятствием для торговых потоков, проходящих по «пути Путина» и «пути Си». При успешной реализации своего проекта США смогут осуществлять контроль над логистикой в евразийском регионе. Зангезурский проект становится угрозой безопасности на Каспийском море. Длительный процесс определения правового статуса Каспийского моря закончился принятием 12 августа 2018 г. Конвенции, главным пунктом которой является запрет на базирование в регион военных контингентов некаспийских государств. Теперь это положение Конвенции становится под вопросом. Под угрозой очередное положение международного права.

Уже упомянутый нами Х. Маккиндер, опираясь на теоретиков 19 - начала 20 вв. писал о создании «санитарного кордона» вокруг России из восточноевропейских государств. Эту же идею мы находим у З. Бжезинского, правда, он употребляет термин «буферные государства». Но смысл заключается в том, что Россия постепенно окружается буфером. Кордоном, забором, занавесом (кому, как больше нравится) из недружественных государств. На северо-западе и западе – это Финляндия и Норвегия, Прибалтийские государства и страны Восточной Европы; на юго-западе – Украина и Молдова; на юге и юго-западе – Грузия, Azerbaijan, Армения. При определенной работе, технологии которой хорошо отработаны, на очереди Казахстан, Киргизия и государства Центральной (Средней) Азии. И в настоящий момент геополитической опорной точкой является Южный Кавказ.

Приход на Южный Кавказ США и Великобритании ставит под угрозу транспортные потоки от порта Санкт-Петербург через Кавказ в Иран, а затем в Индию (см. рис. 3).

В преддверии встречи трех лидеров в Вашингтоне и после нее отношения Azerbaijan с Россией резко ухудшились. Помимо откровенной русофобии, фальсификации фактов и недружественных действий против граждан России были приостановлены (или ослаблены) ряд переговоров по ряду крупных проектов с Москвой. Возможно, что в том числе и о проекте международного транспортного коридора «Север – Юг», который по проекту проходит через Azerbaijan, соединяя Россию с Ираном и Индией (важным партнером Армении).

Прискорбно констатировать, что Azerbaijan сделал свой геополитический выбор, определив основным вектором своего развития «западное» направление. Однако, не следует забывать, что несмотря на позитивные официальные оценки со стороны МИД России и нейтральные оценки со стороны МИД Ирана, у таких крупных государств-цивилизаций есть потенциал для ответных действий. И это не обязательно военная составляющая. Стратегическое партнерство предусматривает

целый спектр взаимоотношений в различных сферах. Но для этого нужно осознание национальных интересов и политическая воля. И то и другое у обеих держав есть.

Список литературы

1. Бочаров, Ю. "Маршрут Трампа ради мира и процветания" угрожает Ирану // URL: <https://ria.ru/20250810/iran-2034440960.html?in=t> (дата обращения 10.08.2025). – Текст : электронный.
2. Глава МИД Ирана заявил, что вопрос о Зангезурском коридоре снят с повестки // URL: https://ria.ru/20250811/iran-2034487712.html?rcmd_alg=COL6&rcmd_id=2034307633 (дата обращения 11.08.2025). – Текст : электронный.
3. Григорьев, А. Ближний Восток – Кавказ: пока Иран в замешательстве, Азербайджан и Израиль времени не теряют // URL: <https://vpoanalytics.com/geopolitika-i-bezopasnost/blizhniy-vostok-kavkaz-poka-iran-v-zameshatelstve-azerbaydzhan-i-izrail-vremeni-ne-teryayut/> (дата обращения 09.08.2025). – Текст : электронный.
4. Иран выступил против коридора из Азербайджана в Нахичевань через Армению // URL: <https://smotrim.ru/article/4635355> (дата обращения 09.08.2025). – Текст : электронный.
5. Иран пригрозил превратить «маршрут Трампа» на Южном Кавказе в «кладбище» // URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/08/2025/689757059a794778c639f5ff> (дата обращения 09.08.2025). – Текст : электронный.
6. Лепехина, Е. «Сильнейший удар»: как в России отреагировали на мирную сделку между Азербайджаном и Арменией // URL: <https://rtvi.com/news/silnejshij-udar-kak-v-rossii-otreagirovali-na-mirnuyu-sdelku-mezhdu-azerbaydzhanom-i-armeniej/?ysclid=me75uq7d6i510226295> (дата обращения 09.08.2025).
7. На кого будет работать американский «маршрут Трампа» через Армению // URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/08/2025/689a020c9a794712dd133105> (дата обращения 09.08.2025).
8. Официальный сайт президента Азербайджанской республики // URL: <https://president.az/ru/articles/view/69968> (дата обращения 27.08.2025). – Текст : электронный.
9. Официальный сайт премьер-министра республики Армения // URL: <https://www.primeminister.am/en/press-release/item/2025/08/09/Nikol-Pashinyan-visit-US-declaration/> (дата обращения 09.08.2025). – Текст : электронный.
10. Официальный сайт РИА. новости // URL: <https://ria.ru/20250810/armeniya-2034432847.html?in=t> (дата обращения 10.08.2025). – Текст : электронный.
11. Шумовска, Я. Жирный договор: как Трамп получил транзитный коридор в борьбе за передел Южного Кавказа. // URL: <https://absatz.media/v-mire/129639-zhirnyj-dogovor-kak-tramp-poluchil-tranzitnyj-koridor-v-borbe-za-peredel-yuzhnogo-kavkaza> (дата обращения 09.08.2025). – Текст : электронный.
12. Donald Trump brokers a peace plan in the Caucasus. // URL: <https://www.economist.com/europe/2025/08/09/donald-trump-brokers-a-peace-plan-in-the-caucasus> (дата обращения 09.08.2025). – Текст : электронный.
13. Khabaronline. Официальный сайт: // URL: <https://www.khabaronline.ir/news/2100296/واکنش-بدون-یار-روسیه-با-ایران-زور-زن-نگه-کرد-دور-احداث-بم-ولایتی> (дата обращения 29.08.2025). – Текст : электронный.
14. Mackinder, H. J. The geographical pivot of history The. Geographical Journal. – 1904. № 23. С.421–437. Русский перевод: Макиндер Х. Географическая ось истории Дугин А. Г. Основы геополитики. – М.: Арктогея-центр, 2000. – С. 491-506.
15. Trump clinches Armenia-Azerbaijan deal — along with some personal branding and more Nobel Peace Prize talk // URL: <https://edition.cnn.com/2025/08/08/politics/strategic-armenia-azerbaijan-corridor-named-after-trump> (дата обращения 09.08.2025). – Текст : электронный.
16. While Iran stalls, Azerbaijan and Israel push forward // Middle East Eye. 30 July 2025. // URL: <https://www.middleeasteye.net/news/while-iran-stalls-azerbaijan-and-israel-push-forward> (дата обращения 30.07.2025). – Текст : электронный.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025

Ryabtseva, E. E. *The South Caucasus as a Geopolitical Reference Point*

The article deals with various approaches to assessing the Trump Route for Peace and Prosperity project or the Zangezur Corridor. The author substantiates possible geopolitical consequences for key regional actors during the project implementation.

Keywords: geopolitical reference point, national security, Trump Route for Peace and Prosperity project, transit corridor, the South Caucasus.

УДК 321.01

Исследуется феномен постсекуляризма. Делается вывод, что концепция постсекуляризма Ю. Хабермаса является дискуссионной, что показывает необходимость ее дальнейшего обсуждения. Во-первых, постсекуляризм рассматривается Ю. Хабермасом как следующий этап развития исключительно высокоразвитых обществ. Во-вторых, гипертрофированная толерантность объявляется основополагающим принципом взаимодействия государства и религии. В-третьих, Ю. Хабермас признаёт непредсказуемость результатов взаимодействия государства и религии по принципу толерантности. Автор предлагает считать современное для западной философии понятие «постсекуляризм» тождественным по смыслу понятию «секуляризация».

Ключевые слова: постсекуляризм, секуляризация, религия, толерантность.

К. В. Чирков, аспирант

Севастопольский государственный университет

E-mail: psy@chirkovkv.ru

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ "ПОСТСЕКУЛЯРИЗМ" В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

После того как в Вашингтоне 11 сентября 2001 года произошли четыре организованных теракта, унёсшие жизни 2977 человек из 87 стран мира, появилась необходимость осмысления причин данного события.

Информация об участии в проведении террористической атаки организации, декларирующей приверженность к определённому религиозному направлению, послужила триггером роста популярности термина «постсекуляризм», известного в то время только в узких исследовательских кругах. Акцент на этом термине сделал Юрген Хабермас, считавший, что трагическое событие произошло по причине накопления критической массы напряжения в отношении общества и религии между «поборниками академической науки и представителями церквей» [7, с. 117].

Юрген Хабермас инициировал новую волну дискуссий вокруг понятия «постсекулярное общество». Дискуссионным является ряд таких важных вопросов, как:

1. какую роль играет постсекуляризм в обществе постмодерна?
2. какой смысл этого концепта, какие ключевые признаки и характеристики позволяют говорить о постсекулярности как о качественно новом состоянии?
3. по каким критериям можно определить, что отдельный индивид или общество перешли в постсекулярную фазу?
4. является ли постсекулярная фаза продолжением цепочки досекулярное – секулярное, как: тезис – антитезис – синтез?
5. какие поведенческие, ценностные, институциональные или дискурсивные изменения свидетельствуют о постсекулярности?

Кроме того, обсуждаются возможность и необходимость выработать операциональные признаки и индикаторы, позволяющие эмпирически фиксировать наличие этого состояния.

Таким образом, речь идёт о необходимости концептуального осмысления и эмпирической верификации понятия «постсекулярное» применительно к современным реалиям общества постмодерна, как на уровне индивидуальных установок, так и на уровне общественных структур и процессов в различных государствах

В российской гуманитарной науке ряд проблем, выявленных международным дискурсом (М. Хайдеггер, Х. Казанова, Ю. Хабермас), осветили в работах А. А. Радугин, О. А. Радугина, О. А. Богатова, Д. А. Узланер, А. И. Кырлежев и другие. Анализ степени проработки темы выявил различия в понимании сложного смыслового значения, заложенного Ю. Хабермасом в концепцию «постсекулярного общества».

Философский анализ понятия «постсекуляризм» позволит создать обоснованную и практически применимую концепцию роли религиозных традиций в постмодернистском обществе. Эта концепция может быть использована для изучения состояния религии в современном обществе не

только в общемировом контексте, но, прежде всего, для выявления культурно-религиозной самобытности российского общества.

Дальнейшие исследования концепции постсекуляризма, имеют потенциальную возможность выявить полезные для российского общества тенденции или наоборот, показать неприемлемость для России подобного подхода.

В данной работе автор делает попытку разобраться в глубинных причинах появления в дискуссионном поле постсекулярной проблематики и последствиях реализации концепции «постсекулярного общества», предложенной Ю. Хабермасом. Теоретическое исследование, основанное на общенаучных методах, комплексно затрагивает малоисследованный междисциплинарный аспект научного дискурса вокруг понятия «постсекуляризм».

Понятие «секуляризация» известное с середины XVII века как термин описывающий процесс отчуждения церковной собственности в пользу иного владельца – государства [6, с. 98]. Это понятие получило широкое распространение и утвердилось во многих гуманитарных дисциплинах – юриспруденции, богословии, социологии и других. В широкой аудитории термин начал использоваться для обозначения потери социальной значимости западных церквей во второй половине XX века. В это время отмечается падение активности посещений храмов, рост популярности экзотических и неорелигиозных течений, уменьшается количество желающих принять священный сан, становятся неактуальными с точки зрения либерального общества этические и моральные нормы западного христианства. Несмотря на попытки церкви соответствовать «духу времени», например, *Nostra aetate* (декларация Второго Ватиканского собора о лояльном отношении Католической церкви к иным религиям, провозглашенная 28 октября 1965 года Папой Римским Павлом VI), происходит маргинализация веры в Бога и уменьшение её социальной значимости. Предлагаем, по аналогии с процессами XVII века, прочтение термина «секуляризация» применительно к социальным взаимодействиям второй половины XX века как декларации отчуждения общественного пространства от церкви в пользу государственных и политических институтов.

Практические составляющие процесса секуляризации социального пространства состоят в примате автономных законов и правил, являющихся имманентными по отношению к обществу, которое «понимается в данном случае как совокупность специализированных, «профессиональных» областей жизнедеятельности» [3, с. 52]. При этом религия, наравне с другими акторами, имеет влияние на общество и взаимодействует с его сегментами, однако лишается возможности представлять себя в качестве обязательного измерения для деятельности других направлений. Таким образом, термин «секулярное общество» может быть применим к обществу, в структуре которого религия занимает положение одной из отраслей культуры.

Приоритетными принципами секулярного общества считаются научнообоснованные, и только на основании этого признающиеся разумными: «Природа – Разум выступают здесь в качестве аксиоматической пары, ибо они конгениальны: природа разумна, разум природен; природа видит себя в разуме, разум видит свою сущностную природность» [4, с. 101].

Место сакральной божественной сущности занимает профанная материальная природа, представляющаяся единосущной человеческому разуму. Таким образом, посредством природы, человек приобретает божественный статус. Поскольку природа открывается в результате его деятельности, создаётся иллюзия контроля над ней, повышается авторитет человека-творца, уменьшается фрустрация от взаимодействия с миром. Представления об окружающей бесконечности формируются на основании представления о мире, существующем по понятным законам природы. Через открытие законов приобретает власть над природой, и она становится доступной для познания и возможного изменения. В то время как божественная имманентно-трансцендентная природа, непостижимая для человеческого разума, является причиной постоянной рефлексии и источником перманентной необходимости сознавать ответственность за совершение действий и декларацию намерений.

Парадокс способа описания мира как природного явления состоит в том, что использование концепции чистой природы, идеи нерелигиозного или секулярного восприятия основанного на материальной данности, как и усилия направленные на освобождения взгляда на мир от теологических наслоений, воспринимается как возвращение к самому естеству в его изначальной, чистой форме. Однако на деле является не чем иным, как очередной концептуализацией мира, по своей сути, не отличающейся от прежних религиозных концептуализаций. Этот процесс не освобождает от идеологических конструкций, а заменяет одни иррациональные схемы другими, которые субъективно кажутся более рационалистичными. Таким образом, несмотря на стремление к деидеологизации, на

практике происходит лишь смена одной формы мировоззрения на другую, столь же идеологически насыщенную, хотя и скрытую под маской научности и рациональности [4, с.102].

Описание основных концептуальных идей Ю. Хабермаса о «постсекулярном обществе».

В то время, как христианская доктрина была в целом успешно интегрирована прогрессивными «секулярными» государствами, неолиберальные тенденции западного мира и проблема политизированного ислама вновь актуализировала вопрос о публичном пространстве и реализации права верующих на полноценное участие в общественной жизни в составе организованной религиозной структуры.

Через месяц после трагедии в Нью-Йорке, выступая с речью в церкви Святого Павла во Франкфурте-на-Майне, по случаю вручения ему Премии мира Биржевого союза немецкой книготорговли Юрген Хабермас говоря о причинах теракта, утверждает: «Одну сторону пугал обскурантизм и преисполненный скептическим отношением к науке культ остатков архаических чувств; другая выступала против сциентистской веры в прогресс голого натурализма, разрушающего мораль. Но 11 сентября напряженные отношения между секулярным обществом и религией были взорваны совершенно иным образом» [7, с. 117].

По мнению Ю. Хабермаса, открытый диалог государства с религией и между религиями способен сформировать коммуникативное взаимодействие и обеспечить защиту публичной рациональности. Он определяет такие общественные тенденции термином «постсекуляризм». Возможность подобного рода диалога, по мнению Ю. Хабермаса, формируется способностью религиозных сообществ, основанных на определённых доктринах, выстраивать отношения с мировоззренчески нейтральным, по его мнению, государством, основанным на «профанной морали» и светской науке [7, с.120].

Таким образом, точка зрения Ю. Хабермаса допускает присутствие организованных разнорелигиозных структур в государственной общественной публичной сфере, в той степени, в которой религиозная доктрина одной соответствует критериям другой либо терпима к различиям в этой сфере. Форма и содержание диалога должна поддерживать права человека, основы государственно-правового устройства светского общества и религиозный плюрализм. Религиозным сообществам необходимо отказаться от радикализма и экстремизма, а обществу от воинственного атеизма. В таких условиях может достигаться консенсус религиозных и светских участников диалога по поводу демократических ценностей, что будет являться основой успешного существования постсекулярного общества.

Взаимоотношения религии и государства на примере США и Российской Федерации.

В западном обществе государственные институты не поддерживают официально какую-либо определённую религиозную доктрину, предпочитая дифференциацию общественных и религиозных институтов, однако, согласно определённой научной позиции, назвать их секулярными нельзя. Культура, нравственные и этические нормы любого государства как субъекта складываются на протяжении длительного времени под влиянием, прежде всего, религиозных факторов. В современном мире в обществах западного типа просматриваются религиозно-философские парадигмы, которые были заложены в их основание задолго до XX века. Так, например, согласно шестой статьи Конституции США, ратифицированной 21 июня 1788 года, которую приводят как пример процесса секуляризации в Америке, для занятия любой «должности или общественного поста» не требуется религиозное тестирование. Законодательство США поддерживает свободу вероисповедания. Первая поправка к Конституции США, принятая 15 декабря 1791 года гласит: «Конгресс не должен издавать законы, касающиеся учреждения религии или запрещающие свободное исповедание религии» Этот факт вполне коррелируется с протестантской религиозно-философской доктриной, на основании которой строилась американская общественная система. Секулярные особенности протестантской доктрины связаны с её акцентом на индивидуализацию и рационализацию вероучения, всеобщее священство, избирательное отношение к накопленному религиозному опыту, отрицание необходимости культовых обрядовых традиций – эти и ряд других особенностей протестантизма можно интерпретировать как секулярные или способствующие секуляризации. Шестая статья Конституции США и первая поправка уравнивала в правах последователей зачастую диаметрально противоположных учений в многочисленной протестантской среде. В данном примере принципы государственной «секулярной» политики заменили идентичные им религиозные установки. Такая практика, как показывает пример США, обеспечивает открытый диалог государства и религии, способствует развитию общественноприемлемых отношений между различными религиозными конфессиями. Формирование коммуникативного взаимодействия, основанного на приоритете

демократических принципов и опирающихся на них правах человека, как сказано выше не противоречит религиозным ценностям, а является результатом конфессионального взаимодействия.

Россия как антагонист американского общества, на государственном уровне на протяжении своей истории декларируя приверженность Православию, лояльно относилась к религиозной принадлежности административных функционеров. Это выражалось, в том числе, в политике России по отношению к присоединяемым территориям, «религиозная и языковая ассимиляция и долгое время также административно-правовая интеграция не входили в ее цели, «господствующий» народ не поглощал побежденных» [5, с. 64].

Проведённая Петром I и обнародованная царским указом 21 января 1721 реформа, результатом которой стало ограничение влияния церковных властей на дела государственные, сохранила приоритетность Русской Православной Церкви как выразителя духовности титульной нации. Другие народы имели равные законодательно установленные права, за исключением евреев, поляков-католиков и татар-мусульман [2, с. 15]. Кроме этого, необходимо отметить активное участие государства в сохранении и укреплении Православия как основы государства на протяжении всей государственной истории, кроме периода с 1917 по 1987 год.

В СССР, как в исторической трансформации Российской империи, секуляризм был, скорее, формальным и являлся, как и в XVII веке в Европе, описанием процесса изъятия материальных ценностей и перераспределения людских ресурсов. «Моральный кодекс строителя коммунизма» (1961 г.) – свод догматических принципов и квинтэссенция эволюционного развития коммунистической морали, имеет явные признаки влияния православных нравственных ценностей. Кроме того, в СССР существовали официально организованные паломничества к объектам поклонения, практика ритуальных захоронений и другие признаки религиозности. При этом утверждалось главенство государственной идеологии, имеющей явное сходство с религиозным культом, а любые иные идеологии или верования подлежали жесточайшей дискриминации и уничтожению. Таким образом, Советский Союз сложно назвать полностью атеистическим или дифференцированным секулярным обществом, если мы рассматриваем понятие секуляризации как утрату религией своей социальной значимости. Логичнее говорить о смене объекта религиозного поклонения, замене одной формы мировоззрения на другую, идеологически более насыщенную и значительно более радикальную. Мартин Хайдеггер описывает такой переворот как один из признаков Нового времени – обезбоживание, основу которого составляет перетолкованное христианство [9, с. 58].

Критический анализ терминологии, предложенной Ю. Хабермасом.

Возвращаясь к событиям 11 сентября 2001 года можно, согласно концепции Ю. Хабермаса, предположить, что террористический акт, который стимулировал интерес к дискуссии о постсекуляризме, произошел в государстве, законодательство которого является закрытым к религиозному диалогу. По его мнению, основная проблема состоит в конфликте государства и религии. С этим утверждением нельзя согласиться.

Далее приведём выдержку из знакового доклада учёного, который он сделал на Стамбульских семинарах организованных международной ассоциацией «Восстановление: диалоги цивилизаций», «Против "воинствующего атеизма"»: «"Постсекулярное общество" может сложиться только в государстве, прошедшем путь секулярного развития» [8].

Текст доклада размещён на исламском портале islam-portal.ru где в описании проблемы общества, переживающего «возвращение религии» подчёркивается, что «дело здесь отнюдь не только в проснувшихся неожиданно амбициях политического ислама» [8].

Ю. Хабермас поясняет, что речь идёт об определённых обществах, в основном старого света или их бывших колониях, которые им выделены в качестве высокоразвитых обществ. Может ли такое разделение на категории по степени развития отсылать исследователя к личной истории Ю. Хабермаса, детство которого прошло в нацистской Германии, где он состоял в молодёжной организации НСДАП или имеет другое основание? Вот что говорит докладчик: «Таким образом, этот небесспорный термин может быть применен только к высокоразвитым обществам Европы или таким странам, как Канада, Австралия и Новая Зеландия, где религиозные связи между людьми ослаблялись на протяжении длительного времени, но особенно резко – в послевоенный период» [8].

А это утверждение, похожее на призыв к действию: «Независимо от своего "количественного веса", религиозные сообщества, безусловно, вправе претендовать на полноценное участие в общественной жизни» [8] как будто отражает недавние процессы в Европейских странах, связанные с переосмыслением сексуального контекста.

В этом же русле звучит его мнение относительно демократических принципов: «В демократическом конституционном государстве большинство не вправе предписывать меньшинствам собственную форму культурной жизни (поскольку та отличается от общей политической культуры страны) в виде, так называемой, “ведущей культуры”» [7, с. 117]. Призыв к демократическому государству, которое создаётся на фундаменте народного управления, отказаться от примата мнения народного большинства коррелирует с относительно недавней актуализацией гендерной повестки стран Евросоюза.

Триггером легитимизации проявлений «нетрадиционной» сексуальности на западе послужило исследование Джона Мани. Несмотря на то, что эксперименты доктора Мани закончились человеческими трагедиями, изменение пола стали популяризировать в Европе и по всему миру как некий способ, который позволит привести к фактическому соответствию несформированную сексуальную функцию. Терминологическое определение «гендер», которое впервые использовал Д. Мани в 1955 году сегодня популярно и активно используется в психологических, социальных и других отраслях. Этот термин, также считается небесспорным, и, по-видимому, его обсуждение эмоционально захватывает сторонников гендерного разделения и их оппонентов. Такие выводы можно сделать на основе активной живучести гендерной терминологии в течение уже более пятидесяти лет, в то время как практика её автора была неубедительна [10].

Составив простую аналогию на основании выше изложенного и построив прогноз относительно результата практического применения понятия «постсекуляризм», легко обнаружить предикторы, которые свидетельствуют о непредсказуемости для общества и человека такого подхода, что соответствует выводам самого Ю. Хабермаса. Авторский итог процесса постсекуляризации общества, который состоит в том, что «обе стороны – каждая со своей точки зрения – должны принять такую интерпретацию взаимоотношений между верой и знанием, которая позволила бы им жить вместе на основе взаимной саморефлексивности» [8], им же самим оспаривается далее, как непредсказуемый. Предложение реформировать общественные системы в указанных странах в контексте построения постсекулярного общества, трактуется образом похожим на предложение выпустить джина из бутылки и посмотреть, какими будут последствия этого шага. «Никто не может знать заранее, как отзовется то или иное слово и какое влияние оно окажет на жизнь будущих поколений в плане формирования их идентичности» [8].

Можно предположить, что концепция, в рамках которой используется понятие «постсекуляризм» актуализирована в связи с необходимостью описания стремления к изменению социальных функций в конкретных странах у конкретных религиозных организаций. Ю. Хабермас чутко уловил эти веяния современного мира, которые, возможно, лучше описываются через эволюцию секуляризации, которая сама является спорной с позиции теологического дискурса, как было показано выше. Общее направление социальных тенденций, определенно указывает на наличие религиозно идентифицируемых социумов, деятельность которых направлена на отделение традиционно секулярно идентифицируемых групп от государственных институтов.

Предположительно представление о термине «постсекуляризм» как варианте описания модели участия религиозного фактора в государственной и общественной жизни способствовало признанию этой концепции учёными. Также можно предположить, что усилия, прилагаемые к изысканию и пропаганде новых моделей общественных построений, указывают на периодически возникающую в европейском консорциуме идею о реформе во имя реформы. Стремление интегрировать религиозные доктрины, сложившиеся в иных по многим признакам обществах, для оздоровления социальных процессов может свидетельствовать об имеющемся у ряда учёных мнении об бездуховности современной Европы или о том, что традиционные для запада религиозные вероучения не принимаются там как благотворно влияющие на общественный климат. В то же время, сохранение отвергнутой в своё время, но европейской по происхождению парадигмы религиозных отношений в США является фундаментом, как принято считать, самого демократического и самого мощного государства.

Концепция постсекуляризма Ю. Хабермаса является дискуссионной, однако актуальность дискутируемых в научном обществе концептов не вызывает сомнения.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2022. – 1376 с.
2. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) / В. С. Дякин // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 130-142 (дата обращения: 31.10.2025). – Текст : электронный.

3. Кырлежев, А. Постсекулярная концептуализация религии / А. Кырлежев // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30, № 2. – С. 52–68 (дата обращения: 22.10.2025). – Текст : электронный.
4. Кырлежев, А. Постсекулярное: краткая интерпретация / А. Кырлежев // Логос. – 2011. – № 3(82). – С. 100–106 (дата обращения: 21.10.2025). – Текст : электронный.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства., 2003. – 547, [1] с.
6. Фетисова, Т. А. Дмитрий Узланер. В каком смысле современный мир может быть назван постсекулярным / Т. А. Фетисова // Вестник культурологии. – 2009. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dmitriy-uzlaner-v-kakom-smysle-sovremennyy-mir-mozhet-byt-nazvan-postsekulyarnym> (дата обращения: 30.10.2025). – Текст : электронный.
7. Хабермас, Ю. Вера и знание / Ю. Хабермас // Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М.: ООО «Издательство „Весь Мир“», 2002. – С. 117–130 (дата обращения: 31.10.2025). – Текст : электронный.
8. Хабермас, Ю. Против «воинствующего атеизма» / Ю. Хабермас // Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? Исламский портал: [сайт]. – URL: <https://islam-portal.ru/communication/stat/100/1411/> (дата обращения 31.10.2025). – Текст : электронный.
9. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Время и бытие. Статьи и выступления. – СПб.: Наука, 2007. – С. 58. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003377467_168377/ (дата обращения: 31.10.2025). – Текст : электронный.
10. Холина, С. Е. Гендерный эксперимент: Брюс, Бренда или Дэвид? / С. Е. Холина // Медицинский научный журнал «Синописис». – 2024. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-eksperiment-bryus-brenda-ili-devid> (дата обращения: 31.10.2025). – Текст : электронный.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025

Chirkov, K. V. *The Problem of Defining the Concept of Post-Secularism in Modern Western Philosophy*

The article examines the phenomenon of post-secularism. It concludes that Jürgen Habermas's conception of post-secularism is controversial, which underscores the need for further discussion. First, Habermas views post-secularism as the next stage of development exclusively for highly advanced societies. Second, he identifies hyper-inflated tolerance as the foundational principle of state-religion interaction. Third, Habermas acknowledges that the outcomes of state-religion engagement based on tolerance are unpredictable. The author proposes regarding the contemporary Western philosophical concept of post-secularism as semantically equivalent to secularization.

Keywords: post-secularism, secularization, religion, tolerance.

УДК 248.2(075.4)

В статье исследуется феномен религиозной веры. Делается вывод, что она имеет два уровня. На уровне рациональной веры человек зависит от своего Эго, его мыслей и чувств. Он не доверяет Абсолюту, оценивая и контролируя происходящее. Только мистический уровень веры освобождает человека от ограничений Эго. Мистическая вера характеризуется уничтожением Эго и отличается абсолютным доверием и безусловной отдачей. Фундаментальное отличие имманентного понимания веры заключается в том, что вера приобретает форму доверия к истинному «Я» человека. Основным методом мистического познания является медитативное созерцание имени Абсолюта, приобретение знания путем неэмоционального гнозиса. Трансцендентно-имманентные мистические традиции создали представление о надприродном Абсолюте. Поэтому религиозная вера приобретает форму доверия к трансцендентной внешней силе. Основным методом мистического познания становится молитва, которая рождается в сердце, наполненном безусловной любовью.

Ключевые слова: вера, Абсолют, мистика, имманентный, трансцендентный.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

ФЕНОМЕН МИСТИЧЕСКОЙ ВЕРЫ

Религиоведение, как научная дисциплина, возникло в конце девятнадцатого века и с самого начала его важнейшей задачей был поиск общих основ феноменов религии и религиозности. Неслучайно двадцатый век отличается ростом интереса к религиозно-мистическим учениям, которые начинают рассматриваться как носители общего, универсального начала всех религий мира. В трудах зарубежных и отечественных авторов были исследованы сущностные характеристики мистического феномена, проведен сравнительный анализ мистических традиций Востока и Запада. По-прежнему, компаративный анализ является одной из самых актуальных методологий современного религиоведения. Поскольку, изучая общие и индивидуальные особенности каждого учения, мы в итоге можем сделать выводы о сущностном ядре религиозного опыта, который является целью исследовательского интереса.

Одним из важнейших проявлений религиозного и мистического опыта является вера в Абсолютную реальность, к единению с которой стремятся мистики всех времен и народов. К исследованию особенностей мистической веры обращались в своих работах С. Булгаков, Д. Годман, У. Джемс, В. Лосский, О. Хаксли и другие. Они преимущественно анализировали веру как религиозный и психологический феномен или отношение к вере в различных мистических традициях мира.

О. Хаксли обращает внимание на многозначность понятия «вера». Постепенно все виды веры восходят к религиозной, которая является квинтэссенцией предшествующих четырех форм. Сначала на первом уровне мы имеем дело с доверием одного человека другому, на втором – с верой в авторитеты, на третьем – с верой, как уверенностью в истинности определенных предположений, удостоверить в которых мы не имели еще возможности, но что мы можем сделать, если таковая возможность появится. Только вера четвертого типа является религиозной, потому что «волевое согласие с идеями, истинность которых изначально не поддается проверке, существует в религии и только в религии» [11, с. 254-255]. Но этот тип веры дополняет все предыдущие, и, зачастую, воспринимается как высший. Но на самом деле, как отмечает О. Хаксли, он предполагает акт разума, принужденного к согласию волей, некое силовое вмешательство воли, стремящейся *заставить* разум думать определенным способом. Именно поэтому возможен высший, пятый тип веры, предполагающий, что «не будет никакой необходимости в вынужденном согласии с положениями, истинность которых изначально не поддается проверке», потому что «верующий, если он выполнит необходимые условия, сможет проверить сам» [11, с. 256].

В истории религии существуют учения, которые говорят о возможности познания Абсолютной реальности и приобретение конечного знания. Они получили название «мистических». Мистика является сущностным ядром каждой религии, той основной целью, к которой должен стремиться каждый верующий.

Целью статьи является сравнительный анализ понимания веры в имманентных и трансцендентно-имманентных мистических учениях Востока и Запада с целью выявления их общих и индивидуальных особенностей.

Представления о религиозной вере в имманентных мистических учениях. К имманентным учениям относятся религиозно-мистические традиции Индии и Китая, среди которых наиболее известны направления веданты, йоги и буддизма.

Основы индийской философии были заложены в учении «Вед», которые утверждают существование объективной духовной реальности Брахмана и субъективного индивидуального духовного начала человека, Атмана, заключенного в его теле. Имманентный характер учения подчеркивается тождественностью Брахмана и Атмана.

С точки зрения веданты, у человека возможны два типа сознания – сознание Я-Тела и сознание Атмана. Первый из них подразумевает исключительное внимание к потребностям телесным, второе – осознание первичности духовного начала. Именно Атман провозглашается истинной природой человека, в то время как самоотождествление себя с Телом рассматривается как своеобразный сон сознания и источник всех страданий.

Целью мистической практики учений, сформировавшихся на основе «Вед», является постоянное пребывание сознания в Атмане, что полностью устраняет зависимость от Я-Тела. Это реализация призыва «Атманум видхи», то есть «Познай себя». «Веды» предлагают мистический путь знания (джняна), который приводит к познанию истинной реальности и отбрасыванию всего иллюзорного. В «Шветашватара Упанишаде» читаем следующее: «Подобно тому, как загрязненное пылью зеркало [снова] ярко блестит, когда оно очищено, так же, поистине, и наделенный телом, узрев сущность Атмана, становится единым, достигшим цели, свободным от страданий» [9, II:14;15]. Таким образом, именно знание дает освобождение и лежит в основе мистической веры.

Если веданта делает акцент на разработку теоретических вопросов, то йога – это религиозная практика. И здесь мы видим большое разнообразие йогических традиций, каждая из которых разрабатывает свой путь достижения цели мистической практики. Например, джняна-йога (то есть «йога познания») достигает «единения» с Абсолютом путем особого гностического знания (на санскрите «джняна»). Ее основоположник Шанкарачарья полагала, что все другие методы, а именно — любовь и преданность Богу, незаинтересованное деяние, прекращение деятельности сознания – не позволяют достичь освобождения. Философ разграничивает знание и незнание. С его точки зрения, незнание (авидья), «это не столько воображение, сколько неспособность проводить разграничение (авивека) между реальностью и видимостью» [6, с. 527].

Шанкара полагал, что иллюзия (майя) и незнание тождественны. Отсутствие понимания первичности Атмана является свидетельством неверного пути развития разума. В этом случае разум обслуживает тело и попадает в сансарическое рабство. Авидья характеризуется страданием и страхом: «Хоть на малость допуская инобытие индивида, с Высшим Атманом различье — подвергают себя страху». «Смерть за смертью наступает для обманутого майей, кто здесь множественность видит» [13, 48, 52]. Только просветленный мудрец понимает, что «Вечный не есть движущийся мир; он отличен от него» [12, 61]. Шанкара разработал оригинальный метод достижения истинного знания – медитативное созерцание по принципу «быть мне объектом», который отличается от других йогических практик. Его особенностью является не обычное повторение имени Брахмана, но переживание и ощущение Брахмана. Обычное повторение имени является не более, чем работой разума, а переживание Абсолюта ведет к мистическому опыту единства.

Философ советовал убраться отождествление сознания со страдающим субъектом и осознать Атман: «Сидя в уединенном месте, бесстрастно, вполне владея силами чувств, устрями всю свою душу на Самость и не допускай никакой другой мысли, как только о Вечном» [12, 37]. Во время практики он предлагал осознавать, кто является источником мыслей — Атман или Я-Тело. И если мысли и чувства порождались не Атманом, рекомендовал их просто отбрасывать.

Среди традиций йоги особое место занимает бхакти-йога (от санскрит. «быть преданным»), которая предлагает познавать Абсолют не путем гнозиса и созерцания, но с помощью абсолютной любви, преданности и доверия. Ее основы были изложены в Бхагавадгите («Песни богов»), часто называемой «пятой Ведой» индуизма. Бхакти-йога утверждает, что гнозис и медитативное созерцание полезны только в начале пути, однако они не могут дать истинного познания Бога. В Бхагавадгите Кришна говорит Арджуне: «Постичь Меня, Верховную Личность Бога, таким, какой Я есть, можно только с помощью преданного служения» [2, XVIII:55]. В другом месте читаем: «Тот, кто сосредотачивает свой ум на Моей личностной форме и занят поклонением Мне, полный горячей духовной веры, того Я считаю самым совершенным» [2, XII:2]. По мнению бхактов, этот путь приносит освобождение от

страданий, которые приносит телесно-материальный мир: «[Если человек] живет словно мертвый, отказавшись от всех мирских желаний, и служит своему Господину, то Хари оберегает [своего] слугу от страданий» [3, с. 20; 48]. Бхакти предполагает абсолютное доверие Богу и безусловную отдачу Его воле.

Если джняна-йога предлагает бесстрастное и незмоциональное переживание имени Абсолюта, то бхакти-йога делает это очень чувственно-эмоционально. Во-первых, центром переживания объявляется сердце человека: «Люди в храмах склоняют голову перед [Божеством]. [Но] Хари обитает в [твоем] сердце» [3, с. 178]. Во-вторых, очень частое повторение имени Бога (джапа) приводит к экстатическому любовному единению, в котором поклоняющийся и Абсолют становятся единым целым. Эмоциональный экстаз называется «любовным опьянением» (према), а поведение «опьяненного» во многом напоминает поведение сумасшедшего. Кабир писал так: «Волшебный напиток Рамы — сок Любви; пьющий [его чувствует] безграничную сладость. Кабир: [но] напиток трудно [получить, потому что] Калал просит [взамен] голову» [3, с. 55].

Как видим, индийские религиозные традиции разделились на традиции гностического знания и традиции абсолютной любви, преданности и доверия. И только в XX веке появилось оригинальное учение, в котором предпринята попытка синтезировать оба метода. Это джняна-йога Шри Раманы Махарши. Мистик называет пребывание сознания в Атмане «само-Реализацией», а метод, который ведет к этому состоянию — самоисследованием. Метод Махарши напоминает метод Шанкары: он также предлагает отделять мысли Атмана от мыслей Я-Тела и отбрасывать последние. Так осуществляется постоянное пребывание в Первоисточнике — Атмане.

Вторым методом воссоединения с Абсолютом в этом мистическом учении является «бхакти» (абсолютная отдача Богу). Отдача предполагает полное перепоручение ответственности за себя Богу, поскольку основной проблемой человека, по мнению Махарши, является «чувство делателя». «Но это — заблуждение, так как всё делает Высшая Сила, а человек — только Ее инструмент. Приняв такую точку зрения, он освобождается от волнений, в противном случае — добивается их». Чувство «я — делатель» есть рабство [1, с. 128-129]. Махарши советует освободиться от идеи, что существует какая-либо индивидуальность, способная действовать независимо от Бога. Возникает понимание «сам по себе я беспомощен, только Бог всемогущ, и полностью положиться на Него — это единственное, что меня обезопасит». Философ говорил так: «Независимо от Пути вы должны утратить себя в Абсолюте. Отдача будет полной только при достижении стадии: «Ты есть всё» и «Да будет Воля Твоя» [1, с. 124].

Бхакти (отдача), по мнению Махарши, также как самоисследование способствует постоянному пребыванию в Атмане, поскольку предполагает, что у человека отсутствуют собственная воля и желания. Он учил не обращать внимания на испытания и неприятности, поскольку «если вы просите сделать желанное вам, то это уже не отдача, а приказ Ему. Нельзя подчинять Его себе и при этом думать, что вы уже отдались. Он знает, **что** является наилучшим, а также **как и когда** это наилучшее сделать. Всё полностью оставьте Ему. Ноши — Его, а у вас теперь нет забот, все ваши тревоги — на Нем. Такова отдача, и это есть бхакти» [1, с. 126]. Абсолютная отдача подразумевает, что человек настолько доверяет Богу, что разрешает делам идти самотеком.

Махарши также подчеркивает имманентность Брахмана и Атмана: «Отдача — это возвращение к исходной причине своего бытия. Не обманывайте себя, воображая первопричиной какого-то Бога вне вас. Ваш исток — внутри. Отдайте себя ему. Это значит, что вам следует найти источник и погрузиться в него» [1, с. 127]. Поэтому он предупреждал, что любые иные отношения с Богом, например, в качестве преданного, почитателя, слуги — это иллюзия сознания. Истинная преданность и вера — быть тем, кем человек является на самом деле, то есть Атманом. Вера в данном случае приобретает форму доверия к самому себе, вернее, к своему истинному «Я».

Представления о религиозной вере в трансцендентно-имманентных мистических учениях. Рассмотрение представлений о религиозной вере в трансцендентно-имманентных мистических учениях проведем на примере христианских мистических учений, сформировавшихся на основе православия и католицизма. Прежде всего, отметим, что они подчеркивают разнотворность Творца и творения, никогда не говорят об их тождественности. Человек является носителем образа и подобия Бога, которые может в себе раскрыть путем мистической практики. Это путь веры в существование трансцендентной надмировой силы, которая создала мир, но не отстранилась от него, но присутствует в каждом дне. Но Абсолют, несмотря на свою надмирность и трансцендентность, может стать имманентным своему творению, приблизится к нему. Основным методом трансцендентно-имманентной мистики является молитва как диалог совершенной личности Бога и несовершенной личности человека.

Христианские мистики обращали внимание на существование двух уровней веры. Первый из них характерен для людей, которые еще полны страха, потому что живут не потребностями духа, но потребностями тела. Католический мистик Майстер Экхарт писал о том, что «в каждом человеке живут два человека. Один называется внешним, это — чувственность. Сему человеку служат пять чувств, но сам внешний человек действует силой души. Другой человек именуется внутренним человеком, это — сокровенный человек» [14, с. 215].

«Внешний человек» обращается к Богу для того, чтобы победить страх, который порождает его чувственные образы. На этом уровне веры доминирует обычное упование на Бога. По мнению Сен-Лорана, «обычное упование теряется перед отчаянием. Оно может победить только небольшое беспокойство» [7, с. 18]. Такая вера крайне непрочная, потому что если приходит настоящая буря, опасность поглощает все внимание человека: «Мы отворачиваемся от Господа, чтобы вперить взгляд в *собственные* наши страдания и опасности, которые нам грозят. Мы колеблемся и тотчас начинаем тонуть. Искушения одолевают нас. Долг кажется утомительным, строгость его отталкивает, неотвратимость гнетет. Воображение донимает нас своими соблазнами. Помыслы наши смущены, чувства встревожены, плоти нет покоя... И мы перестаем владеть собой, мы впадаем в грех, впадаем в отчаяние, что опаснее самого греха» [Там же, с. 13].

Первый уровень можно назвать также «верой просительной», потому что человек сам решает, что для него хорошо, а что плохо. И он, как правило, обращается к Богу с просьбами решить те или иные его проблемы. По мнению Исаака Сирина, есть два типа молитвы. Первый, низший тип – это «молитвапросительная», порожденная тревогой и страхом [4, с. 237].

Это также вера рациональная, потому что человек живет иллюзиями разума, постоянно контролируя и оценивая происходящее. Это не дает человеку расслабиться, постоянно держит его в напряжении. По мнению Нила Доналда Уолша, «именно сомнение в абсолютном результате создало вашего самого великого врага – страх. Если вы ставите под сомнение результат, то вы сомневаетесь в Творце – вы сомневаетесь в Боге». Но «если вы сомневаетесь в намерениях Бога и способности Бога создать этот абсолютный результат – как вы вообще можете хоть когда-нибудь расслабиться?» [10, с. 36]. Большинство верующих в моменты испытаний обращаются к Богу меньше, чем когда бы то ни было.

Корень этого тотального недоверия и страха – отсутствие любви в жизни человека. Человек создает реальность, основанную на страхе и направляемую идеей страшного, мстительного Бога. Именно поэтому абсолютное доверие к Богу неразрывно связано с любовью к Нему. Уникальность христианства как философско-религиозного учения заключается в утверждении, что сущностью Бога есть любовь. И цель христианской мистической практики состоит в том, чтобы человек, как образ и подобие Бога, шел путем абсолютной любви. Говоря словами Ефрема Сирина, «в ком любовь, тот не боится; потому что любовь вон изгоняет страх» [8, с. 18].

Любовь выводит человека на качественно новый уровень веры – мистический. Отличием мистической веры является абсолютное доверие. Доверие бывает до такой степени «твердым, постоянным и устойчивым, что ничто в мире не может не то чтобы подорвать его, но даже поколебать» [7, с. 20]. При этом человек начинает понимать, что «если посылаемое не представляется нам в настоящее время полезным, то последствия совершенно ясно удостоверяют, что истинно полезно нам не то, чего сами желаем, но то, что устрояет Бог» [5, с. 36]. Такая безусловная вера побеждает и страх, и тревогу, потому что побеждает сомнение в воле Бога.

Мистическая вера способствует изменению образа молитвы, которая постепенно восходит от молитвы-прошения к молитве-благодарности. Абсолютное доверие уничтожает любые личные желания, потому что человек полностью веряет жизнь Богу. «Господь однажды сказал избранной Им душе: “Одна малая молитва: Я вверяю себя Тебе, - наполняет Сердце Мое восхищением, потому что она обнимает собой доверие, веру, любовь и смирение”» [7, с. 74].

Православная мистика исихазма сформировала учение о высшей молитве, которую называет умно-сердечной, поскольку она призвана соединить ум и сердце человека. Основным местом ее совершения является сердце как центр и средоточие высших чувств и добродетелей – любви и веры.

Выводы. Таким образом, в религиозных учениях мира сформировалось представление о двух уровнях религиозной веры. Вера постепенно поднимается от веры рациональной к своей высшей форме – мистической. Для рациональной веры характерна привязанность человека к своему Эго. Когда человек живет своими чувствами и разумом, он не доверяет Абсолюту. Это вера со множеством условий, которые формируют разум, оценивая и контролируя происходящее.

Только второй, мистический уровень веры, который предполагает возможность познания Абсолюта, является высшим. Он освобождает человека от ограничений Эго и преодолевает

рациональное отношение к Абсолюту, наполненное страхом и недоверием. Мистическая вера рождается из любви к Абсолюту и отличается абсолютным доверием и безусловной отдачей.

Фундаментальное отличие имманентного понимания веры заключается в том, что в имманентных мистических традициях признается тождественность объективного и субъективного духовного начал. Вера в этом случае приобретает форму доверия к истинному «Я» человека. Основным методом мистического познания является медитативное созерцание имени Абсолюта, приобретение знания путем неэмоционального гнозиса. Чувственно-эмоциональное отношение к Абсолюту допускается только в бхакти-йоге.

Трансцендентно-имманентные мистические традиции создали представление о внеприродном Абсолюте, нетождественном человеку. Поэтому религиозная вера приобретает форму доверия к трансцендентной внешней силе. Основным методом мистического познания становится молитва, которая рождается в сердце, наполненном безусловной любовью.

Список литературы

1. Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши / сост. Д. Годман; пер. с англ. О. М. Могилевера. – М. – Тируваннамалай: Изд-во К. Кравчука. – Шри Раманашрам, 2002. – 351 с.
2. Бхагавадгита / пер., введ. ст. Б. Л. Смирнова. – Ашхабад, 1978. – URL: <https://kargopolov.spb.ru/assets/books/bhagavad-gita.pdf> (дата обращения 25.10.2025) – Текст : электронный.
3. Кабир. Золотые строфы / Кабир; пер. с авадхи и браджа, ком. и вступ. ст. Н. Б. Гафуровой. – М.: Наталис; Рипол Классик, 2004. – 383 с.
4. Лосский Вл. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. – К., 1991. – С. 95 – 260.
5. Преподобный Нил Сорский о восьми главных страстях и о победе над ними. – М.: Центр «Благо», 1997. – 64 с.
6. Радхакришнан, С. Индийская философия. В 2-х т. Т.2. / Сарвепалли Радхакришнан; [пер. с англ. Н. В. Воробьева, Г. И. Заиченко, С. А. Кучиной и др.]. – М.: МИФ, 1993. – 731 с.
7. Сен Лоран, Тома. Книга доверия./ Тома де Сен Лоран. – Paris, Lumieres sur, l'Est, 1993. – 76 с.
8. Сирий, Ефрем. Духовные наставления./ Ефрем Сирий. – М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1998. – 304 с.
9. Упанишады / Перевод с санскрита А. Я. Сыркина. – URL: <https://samskrtam.ru/parallel-corpus/upanishady.html> (дата обращения 24.10.2025) – Текст : электронный.
10. Уолш, Нил Доналд. Беседы с Богом: необычный диалог. Кн.1./ Нил Доналд Уолш. – К.: «София», М.: «Гелиос», 2002. – 336 с.
11. Хаксли, О. Вечная философия./ Олдос Хаксли. – М.: «Рефлбук», К.: «Ваклер», 1997. – 336 с.
12. Шри Шанкара, Чарья. «Атма Бодха» / Шанкара Чарья // Путь Шивы: антология древнеиндийских классических текстов / сост. Стрельцов К. Г., Русских Н. П., пер. с санскрит. Ригин А. – Киев: Б.И., 1994. – С. 166–174.
13. Шанкара. Незаочное постижение; пер. с санскрит. Д. Б. Зильбермана / Шанкара // Вопросы философии. – 1972. – № 5. – С.125–129.
14. Экхарт, М. Об отрешенности / М. Экхарт; сост., пер. со средневерхненемецкого М. Ю. Реутина. – М.; СПб.: «Университетская книга», 2001. – 432 с.

Статья поступила в редакцию 22.10.2025

Zhirtueva, N. S. The Phenomenon of Mystical Faith

The article examines the phenomenon of religious faith and concludes that it operates on two levels. At the level of rational faith, a person depends on the Ego – on their own thoughts and emotions. Such a person does not trust the Absolute but instead evaluates and seeks to control what is happening. Only the mystical level of faith liberates the individual from the limitations of the Ego. Mystical faith is characterized by the dissolution of the Ego and distinguished by the absolute trust and unconditional surrender. The fundamental distinction of the immanent understanding of faith lies in the fact that faith takes the form of trust in a person's true Self. The primary method of mystical cognition is a meditative contemplation of the name of the Absolute – the acquisition of knowledge through non-emotional gnosis. Transcendent-immanent mystical traditions have developed the concept of a supranatural Absolute. Therefore, religious faith takes the form of trust in a transcendent external power. The principal method of mystical cognition is prayer, which arises from a heart filled with unconditional love.

Keywords: faith, the Absolute, mysticism, immanent, transcendent.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (091)

Статья посвящена рассмотрению исторических процессов, их направленности, причинам и возможным последствиям. Основное внимание уделено изучению различных подходов к решению этой проблемы в отечественной философии. Определены предмет и основные проблемы отечественной философии истории. Более пристальное внимание в статье уделено анализу оценки философами места и роли России в мировом историческом процессе.

Ключевые слова: История, исторический процесс, цивилизация, государство, народ.

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук.

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ О СУЩНОСТИ И ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Философский анализ исторических процессов, их направленность, причины и возможные последствия являлись одной из характерных черт русской философии. Отмечая неоднозначность термина «философия истории», Э. Л. Радлов подчеркивал, что не каждое философское исследование истории можно относить к философско-историческим. Задачей философии истории должно быть системное обоснование сущности и цели хода истории в целом. Анализ отдельного исторического процесса или эпохи нельзя относить к философии истории без указания их связи со всей историей. Русский философ подверг критике попытки отнести к области философии историческую методологию или анализ исторических текстов, по мнению мыслителя, не раскрывающих смысла и сущности истории. Радлов объяснял, подобно тому, как в индивидуальном сознании люди отличают содержание сознания от акта или процесса, так и в истории, со стороны идеального содержания историк может выделить борьбу веры и разума, а со стороны процесса борьбу потребностей и страстей.

Раскрывая онтологические основания исторических процессов, Л. П. Карсавин подразделил философию истории на три части. Во-первых, теория истории, предметом которой является анализ первоначал исторического бытия. Теория истории – это основа научного подхода к истории. Во-вторых, философия истории в ее узком понимании. Задача этой части заключается в поиске основополагающих начал исторического бытия и возможности их познания. В-третьих, метафизика истории, изучающая конкретный исторический процесс в целом для точного выявления его смысла. Карсавин не соглашался с анализом истории через обоснование ее причин, что, по его мнению, не дает возможности рассмотреть исторический процесс в целом, его динамику как результат действий вневременного и внепространственного субъекта.

Первым представителем отечественной философии истории Радлов, как и Н. А. Бердяев, считал старца Филофея Псковского. Русский мыслитель учил, что в истории не может быть ничего случайного. Происходит смена царств, которые в соответствии с Божественным промыслом являются результатом деяний народа, избранного Богом для реализации своего замысла. Москва представлялась Филофею средоточием всего христианского мира, а великий князь московский – царем всех христиан. Отмечая религиозность учения Филофея о третьем Риме, Радлов утверждал, что ход истории ведет к абсолютному порядку, поэтому учение имеет философско-исторический характер. В свою очередь, Бердяев обратил внимание на зависимость в учении направленности истории, с одной стороны, от развития православной веры, с другой стороны, от воли монарха. Монарх в учении Филофея – не только носитель гражданской власти, но и власти духовной. Русский философ писал: «От идеи Третьего Рима идет русское мессианское сознание и проходит через весь XIX век, достигает своего расцвета у великих русских писателей и мыслителей» [1, с.121].

Иларион трактовал историю как процесс приобщения различных народов к христианской вере. Ход истории любого народа – это поступательная смена двух стадий: «закона» и «благодати». На первой стадии народ учится быть свободным и принимать решения. На второй народ осознает силу права и проявляет готовность к великим свершениям.

О влиянии на ход истории и возможность достижения цели указывал И. Пересветов. По его мнению, историческая правда становится реальностью, тогда как она осуществляется волей абсолютного монарха. Защитниками идеи неограниченной власти монарха были также Иван Грозный и Феофан Прокопович, утверждающие, что власть государя проистекает от Бога. Любое историческое событие приобретает, только в том случае если в нем проявляется сила власти монарха, а значит и Божественная воля.

Концепцию «Москва – третий Рим» можно определить, в качестве особой формы социального прогноза, выраженная в построении социально-исторической модели на основе анализа конкретных тенденций, как реальных, так и нет. Не случайно, что концепция нашла свое дальнейшее развитие в трудах ряда отечественных мыслителей, например, Данилевского, Киреева, Тихомирова.

По мнению, Н. Я. Данилевского Россия, объединив русский народ, образовала сильное государство в отличие от всех других славянских народов. Сохранив православную веру, Российское государство стало преемником восточной Византии. Русский народ, тем самым, становится хранителем Православия и богоизбранным народом. Богоизбранность, философ определял в духе Филофея как сохранение истин веры, нравственной и духовной чистоты.

Особую роль отводилась Москве, признавая ее за истинный религиозный и политический центр, не только России, но и всего славянского мира. Куда бы ни расселялись русские люди, центром их народной жизни все-таки остается старая Русь-Москва, а высшая власть продолжает олицетворяться в лице русского царя. Расширение государства, усиление его прочности и могущества составляют как считал философ, только одну сторону политической деятельности. Другой стороной, является установление правомерных отношений граждан между собою и к государству, то есть, установление гражданской и государственной свободы, без способности к которой нельзя признать народ вполне готовым к здравым политическим решениям. Сила Русского государства заключается в сохранении приоритета общенародного интереса над индивидуальными стремлениями и потребностями. Благодаря этому качеству, Россия сохраняет свою самобытность, синтезируя политическую, культурную и религиозную жизнедеятельность.

А. А. Киреев – автор политической доктрины неославянофильства. По его мнению, историческое развитие России связано с особым подходом к организации общественного устройства, с учетом ее национальных особенностей. Сила государства не может и не должна заключаться в стремлении к захвату чужой территории и попыткам порабощения других народов. Сила государства в единстве, составляющих его элементов. Российское государство воплотило в себе лучшие традиции своих предшественников, упрочив связь сильной самодержавной власти, Православной церкви и народа. В этой связи мыслитель видел выражение религиозных и политических идеалов русского народа, историческую взаимосвязь между поколениями.

Исторически, укрепление самодержавной власти в России объяснялось спецификой ее социального строительства. Русское общество представляло собой исторически сложившееся единство, различным образом, взаимодействовавших между собой сословий. Каждое из них не имело самостоятельной политической силы. Причина этого заключалась в отсутствие государственной воли и активности. Поэтому, как считал мыслитель, Россия нуждалась в политическом центре, способном объединить общество, учитывая настроения различных групп населения. Таким центром и становится Москва.

Россия – это не просто государство, а государство-церковь. Неразрывная связь государства и церкви, как считал мыслитель, выражала единство политической и духовной власти. Если самодержавная власть защищает материальную независимость граждан, то церковь – их духовную свободу. Сила православной церкви, по мнению мыслителя, заключалась в удалении как от авторитета римского первосвященника, уничтожающего всякую нравственную свободу христианина, так и от протестантской церкви, уничтожающей всякий авторитет. Киреев подчеркивал, что ни римский католицизм, ни протестантизм не могут удовлетворить религиозные потребности русского народа. Следуя традициям принципа соборности, мыслитель утверждал, что только в Православии нашло свое отражение истинное единство свободы и авторитета.

Сила России заключена в ее народе. Именно народ, по мнению мыслителя, является оплотом связи политической и духовной власти, самодержавия и Православия. Народ для Киреева – это независимая и нравственная личность, отстаивающая свои интересы.

Как считал Л. А. Тихомиров, Россия не могла не быть монархическим государством. Уже в языческий период, идея монархии, соединенная с политикой племен, привела к зарождению Русского государства. Затем она была усилена византийским Православием. Более того, утверждал мыслитель,

каждый русский человек, в душе, монархист. По своему характеру, русские люди нуждаются в единоначалии и не способны подчиняться никакой другой власти кроме, абсолютной монархии.

В своей полемике с В. С. Соловьевым, Тихомиров указывал, что «Россия есть семья народов, собранная вокруг православного русского народа, в котором не мало разделений в понимании веры и Церкви и судьбы которого зависят от того, удержится ли господствующим истинное понимание веры и церкви» [4, с.315]. Основу союза народов составляют религиозность и объединяющий всех граждан нравственный идеал. Православная вера поддерживала идею царизма. Нравственный идеал укреплял социальный строй, единство различных сословий.

Россия – это братский союз государства и церкви, усиленный союзом между людьми. Любой союз не может не опираться на нравственную основу. Поэтому, подчеркивал мыслитель необходимость защиты общественных нравственных устоев приводит к связи государства с церковью. Отказ от религиозных основ может привести к разложению государства. Христианство защищает духовные интересы граждан, их собственность, семейные отношения и, поэтому, не может находиться вне политики. Правда, как подчеркивал Тихомиров, церковь не должна быть служительницей узких интересов политических партий.

Тихомиров отрицал факт возможности построения всемирного государства. По его мнению, этому процессу, препятствует ряд причин. Первая причина связана с разнообразием политических форм власти и противоречиями между ними. Вторая причина – природа свободы личности. Человеческое общение требует нравственного единения. Оно, в свою очередь, свободно, т.к. связывает тех, кто этого желает и нарушается теми, кто этому противостоит. Поэтому свободное нравственное единение не может способствовать созданию государства, не имеющего силы воздействия. Воздействие предполагает власть, а без власти государство бессильно.

Не является условием возникновения всемирного государства и культурное единение народов. Как утверждал Тихомиров, оно не может быть связано с идеей общей власти, а без этого последствия культурного сближения имеют, совершенно, другие цели. Общественные идеалы, скорее, ведут к усилению необходимости существования отдельного государства, чем к сближению наций. Чем творчески развиваются общественные идеи блага внутри нации, тем труднее для нее отказаться от своей самостоятельности. Поэтому, сделал вывод мыслитель, если возникнет возможность создания всемирного государства, то, только, по причине господства одного из сильнейших государств и путем объединения остальных.

Для отечественной философии истории периода 18 – начала 19 веков характерной чертой становится постепенный отказ от анализа влияния религиозных основ на ход исторического процесса. История определяется как закономерная смена стадий в развитии человечества. Так, С. Е. Десницкий считал, что в жизни любого народа можно выделить четыре стадии с разным отношением к собственности.

Первую стадию, или состояние народа, мыслитель назвал «звероподобной». Она характерна для первобытного времени, когда люди жили ловлей диких зверей и собирательством плодов. Явного понимания о праве собственности у них не было, поэтому реального права владеть вещью у них не было. На второй стадии, названной мыслителем состоянием народов, живущих скотоводством, право собственности постепенно зарождается. Оно имеет общий характер, но не распространяется на землю или жилище. Так как собственность в целом носит общественный характер, то права отчуждать свою вещь на этой стадии еще не возникает. Третья стадия характерна для народов, живущих земледелием. На этой стадии возникает осознание, что собственность на землю может носить длительный характер, обогащаться за счет движимого имущества и передаваться по наследству. Высшей стадией, по мнению Десницкого, является коммерческое состояние. На этой стадии развиваются все виды права, лежащие в основе собственности: право употреблять свою вещь, право взыскивать свою вещь и право отчуждать свою вещь другому человеку.

Одним из первых, кто поставил вопрос о необходимости философского подхода к истории, был П. Я. Чаадаев. По его мнению, история как анализ фактов исчерпала себя. Сами исторические факты еще не свидетельствуют о достоверности событий, необходимо изучать логику исторической науки, позволяющую раскрывать смысл и цель развития истории.

Основным содержанием истории является история человеческого духа, выраженная не в перемене фактов, а в цепи идей, связанных между собой. Мыслитель утверждал: «Каждый факт должен выражаться идеей... Эту историю создает не история, а сила вещей. История приходит, находит ее готовой и раскрывает ее» [5, с.144]. Такой подход, как утверждал Чаадаев, позволяет избежать неправильных утверждений и ложных выводов.

Цель мировой истории – достижение Царства Божьего на земле. Но этот путь характерен, только, для западных католических государств, тогда как восточные страны от него далеки. В этом, по мнению мыслителя, заключается Божественное провидение. Отрицая самобытность исторического пути развития России, Чаадаев все-таки считал, что русский народ внесет свой вклад в мировую историю и духовное возрождение народов.

С позицией Чаадаева не был согласен Н. Я. Данилевский. Мыслитель считал, что все народы в своем развитии проходят ряд стадий, но этим логика истории не исчерпывается. Формы исторической жизни людей не только видоизменяются и совершенствуются, но и различаются по «культурно-историческим типам». Именно они и составляют «естественную схему истории». Существовая в соответствии с механизмом действия исторических законов, «культурно-исторический тип» преобразуется, достигает полноты своего развития, но при этом высшая точка остается недостижимой.

Русский мыслитель отрицал существование «общечеловеческой цивилизации». По его мнению, более правильным понятием является «всечеловеческое» и то при условии совместного развития всех «культурно-исторических типов». Поэтому нет необходимости утверждать реальность общей теории строительства политических и гражданских обществ.

Россия не является составной частью Европы, так как русский народ отличается от европейских религиозной стороной культурной жизнедеятельности, что составляет основу славянского типа. Именно славянский тип, как считал Данилевский, может стать первым, полным «культурно-историческим типом».

Отрицая идею бесконечного прогресса, В. С. Соловьев выделил три силы, влияющие на историческое развитие человечества. Действие первой силы направлено на подчинение человечества одному верховному началу. Вторая сила, противоположная по своему действию, способствует развитию индивидуальных форм жизни, их свободе. Крайним проявлением действия этой силы является всеобщий эгоизм и анархия. Третья сила придает положительное содержание первым двум, влияя на развитие человечества как единого целостного организма.

Современное человечество, по мнению русского философа, подразделяется на три мира. Мусульманский мир находится под влиянием первой силы. Все подчинено абсолютной воле Бога, поэтому человек бессилён, а мусульманский мир в течение долгого времени реально не развивался. Западная цивилизация, как второй мир, связана с действием второй силы. Она быстро развивается, охватывая разнообразные «частные формы» проявления, так как христианство более жизнеспособно, чем ислам.

Третья сила, наполненная положительным смыслом, способствует постепенному осуществлению истины христианства, построению Царства Божьего на земле. В связи с этим, народ, владеющий этой силой, как считал Соловьев, свободен от любой формы ограничения. Таким народом является русский народ. Осуществление великой исторической задачи не удалось ни Византии, ни Риму. Византия только номинально признавала истину Православия, а в реальности ее развитие опиралось на иные начала. Рим, следуя по неправильному пути, утратил идею единства человечества и, в результате, столкнулся с противостоянием церкви и государства. Россия, как олицетворение Третьего Рима, может быть посредником между человечеством и высшим миром. Русский философ был убежден: «Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и ее ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова» [3, с.30].

Не соглашаясь с Данилевским, Соловьев утверждал, что осуществление задачи русским народом, в конечном итоге, приведет, пусть разными путями, народы к единению, что, в результате, будет способствовать становлению человечества как действительного субъекта всемирной истории.

Идеи Соловьева были развиты Н. А. Бердяевым. Если история имеет смысл, то этот смысл носит религиозный характер. Поэтому с философской точки зрения, решение вопроса о направлении и цели мирового исторического процесса представляет определенную трудность. История человечества имеет смысл потому, что в ее центре находится судьба Иисуса Христа, олицетворяющего космическое значение человека. Христос явился как единая и уникальная точка мировой истории, в которой проявляется самоосуществление человечества, его освобождение от действия стихийных сил физической природы. После Христа мировая история пошла по пути сопротивления всему «греховному порядку проявления природных начал». Поэтому, как считал русский философ, смысл истории заключается в освобождении человеческих сил для борьбы добра и зла.

Цель истории заключается не в анализе причин страданий, а в творческой победе над злом, что, в результате, является основанием действительного понимания смысла жизни. По мнению философа, весь процесс дохристианской истории означал поиск осознания путей к Богу, через признание значения

миссии Христа. Бердяев писал: «История не может иметь смысла, если она никогда не окончится, если не будет конца, смысл истории и есть движение к концу, завершению и исходу» [2, с.171].

Самой трудной задачей философии истории философ считал анализ природы индивидуального, который не поддается рациональному познанию. В результате построение науки истории и установление законов, по аналогии с естественными науками, не представляется возможным.

Как и большинство отечественных философов, Бердяев отводит особую роль в мировом историческом процессе России и русскому национальному духу. Россия выполняет функцию основы существования православно-христианского мира, гаранта безопасности единства славянских народов.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. О русской философии / Н. А. Бердяев. – Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1991. – Ч.1 – 288 с.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: М.: Правда, 1989. – 607 с.
3. Соловьев, В. С. Сочинения. В 2 т. Т.1 / В. С. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – 688 с.
4. Тихомиров, Л. А. Избранные труды и статьи / Л. А. Тихомиров. – Харьков: Фолио, 2008. – 610 с.
5. Чаадаев, П. Я. Сочинения / П. Я. Чаадаев. – М.: Правда, 1989. – 655 с.

Статья поступила в редакцию 14.10.2025

Chugunov, S. V. *Domestic Philosophy on the Essence and Problems of the Philosophy of History*

The article examines historical processes, their direction, causes, and possible consequences. The subject and main problems of Russian philosophy of history have been identified. It focuses on various approaches to this problem in Russian philosophy. The author provides a more detailed analysis of philosophers' assessments of Russia's place and role in global history.

Keywords: history, historical process, civilization, state, people.

УДК 94; 94(47)

Рассматривается теоретико-философское наследие Н. Я. Данилевского. Выделяется идея о практическом воплощении теории культурно-исторических типов в парковом ансамбле, созданном в имении «Миатка». Философский парк, рожденный Данилевским, требует активных усилий по мемориализации его наследия. Применяется методология концепции «мест памяти» П. Нора по сохранению и защите теоретического и практического наследия русского философа.

Т. В. Вакулова, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulo1@yandex.ru

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО И НЕОБХОДИМОСТЬ СОХРАНЕНИЯ «МЕСТ ПАМЯТИ»

Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! —
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.
Постигая, что мир только право живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградой скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал.

А. А. Фет «Памяти Н. Я. Данилевского»

Актуальность темы связана с тем, что 19 ноября 2025 года исполняется 140 лет со дня смерти русского мыслителя Николая Яковлевича Данилевского (1822-1885), который является основоположником важнейшего направления в философии истории — теории культурно-исторических типов.

Н. Я. Данилевский «в своем фундаментальном труде «Россия и Европа», опередил на полстолетия поиски мировой историософской мысли» [2, с. 5]. Учёный, который опроверг европоцентристскую, однолинейную схему развития мировой истории и обосновал идею множественности и разнообразия культурно-исторических типов. По словам Ф. М. Достоевского, именно он «автор настольной книги для всех Русских». Мыслитель, который, по словам К. Н. Леонтьева «дал нам нечто вроде научной основы для избрания дальнейшего самобытного исторического пути».

Всемирно известная теория культурно-исторических типов представляет собой оригинальную концепцию цивилизационного развития России и мира и составляет основу философского наследия мыслителя, включает его идеи не только в области теории культурно-исторических типов, но и геополитики, истории, социологии, культурологии, эстетики и общественно-политической философии. Наиболее полно философские взгляды Данилевского изложены в его работе «Россия и Европа» опубликованной сначала на страницах российского журнала «Заря» в 1869 году, а затем в 1871 в книге.

Согласно теории автора книги, история человечества представляется как история развития отдельных культурно-исторических типов, история локальных цивилизаций. Философ выделяет одиннадцать культурно исторических типов: египетский, китайский, ассири-вавилонно-финикийский, индийский, иранский, романо-германский (европейский), халдейский или древнесемитский, римский, новосемитский или арабийский, греческий, еврейский. Нарождающимся типом считал славянский культурно-исторический тип, придавал ему особое значение в мировом развитии. Данилевский сравнивал Российское государство с прочной «скорлупой», защищающей ядро — самобытный культурно-исторический тип / цивилизацию, подчёркивал, что без ядра и скорлупа не

нужна [3]. Анализируя культурно-исторические типы, как формы земного существования человечества, философ приходит к выводу, что культурно-исторические типы/цивилизации существуют и развиваются параллельно. Каждый тип имеет свои ценности и обладает своей самобытностью, независимо от достигнутого им научно-технического уровня развития.

Н. Я. Данилевский считал, что «деление истории на древнюю, среднюю и новую не исчерпывает её богатого содержания, а формы исторической жизни человечества не только изменяются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческим типам» [3, с. 88]. При этом, исследователь полагает, что «деление по степеням развития» есть только подчиненное, главное же должно состоять в отличении культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» [3, с. 88]. Данилевский считал, что всемирная история является историей развития самостоятельных культурно-исторических типов общества и тогда, в рамках этих цивилизаций можно выделять их древнюю, среднюю и новую историю.

Согласно концепции Данилевского, историческая жизнь народов проявляется в четырех видах культурной деятельности. Во-первых, в деятельность религиозной, во-вторых, в деятельности культурной (в узком смысле этого понятия) в науке, искусстве, промышленности. В-третьих, в деятельности политической, и в-четвертых, в деятельности общественно-экономической, которая «объемлет собою отношения людей между собой не непосредственно, как нравственных и политических личностей, а посредственно – применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их» [3, с. 515-516].

Данилевский выделяет стадии и законы развития культурно-исторических типов, они отражают закономерности, по которым развиваются все цивилизации, и связаны с особенностями духовной природы народов. К стадиям относят: зарождение, рост, плодоношение и гибель.

Выделяют четыре закона развития, первый из которых гласит, что народы, говорящие на одном языке или относящиеся к одной языковой группе, могут стать «культурно-историческим типом», если они духовно способны к историческому развитию. Второй закон гласит, что для зарождения и развития цивилизации необходима политическая независимость народов, принадлежащих к самобытному культурно-историческому типу, т.к. без политической автономии невозможно развивать культуру, сохранить обычаи и традиции, создавать материальные и духовные ценности. Третий закон о том, что основания цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждая цивилизация в процессе жизни вырабатывает основы своего развития при влиянии чуждых, ей предшествовавших или современных цивилизаций. При этом закон не означает, что между культурно-историческими типами невозможно взаимодействие. Данилевский выделяет виды такого взаимодействия: 1) «пересадка», как пространственное распространение влияния определённого типа, 2) «прививка» культурная ассимиляция и 3) «внешнее почвенное удобрение на растительный организм» стимулирующее влияние менее развитого культурно-исторического типа на более развитый. Четвертый закон говорит о том, что цивилизации только тогда достигают полноты, разнообразия и богатства в своем развитии, когда разнообразны этнографические элементы, составляющие цивилизацию. Это относится только к тем культурно-историческим типам, которые создавались на базе нескольких родственных народов, говорящих на близких друг другу языках. Оптимальная политическая форма для всестороннего развития культурно-исторического типа – федеративная система.

Говоря о взаимодействии Европы с Россией их межкультурном противостоянии, Данилевский пишет о войне Европы против России и победе России в этой войне, об этом так же пишет и английский исследователь Арнольд Джозеф Тойнби, в своей работе «Постижение истории». При этом, война рассматривается Данилевским как осуществление воли Божьей и обязательное условие для окончательного становления славянского культурно-исторического типа, как высшего из всех известных в истории. Бог направляет развитие человечества от примитивного к цивилизованному, от бессознательного к сознательному, через основные законы развития цивилизаций. Закономерным результатом развития мировой истории, является именно славянский культурно-исторический тип. Вся философия истории Данилевского коренится, прежде всего, в культуре православия и тех законах, которые действуют в ходе развития мировых цивилизаций, но Данилевский вложил в логику развития цивилизаций еще и дух, который влияет на ход истории. Славянский культурно-исторический тип и славянские народы являются богоизбранными, но могут впасть в грех «европеизации», идолопоклонства западу и не исполнить воли Божьей. Подражая Европе, славяне усваивают греховный эгоизм, утилитаризм и либерализм. Спасение – в создании

Всеславянского союза и войне с Европой [3]. Феномен философии Данилевского заключается в том что, изучая и анализируя в своих работах материальный мир и открывая законы его развития, философ научным путем пришел к выводам, совпадающим со Священным Писанием и Священным Преданием.

Философско-научное наследие Данилевского так же хранится в его трудах как научных, так и практических. Сегодня переиздаются его книги, результаты практических исследований. В советское время работы мыслителя не публиковались. Сегодня, всемирно известная книга «Россия и Европа: Взгляд на культурное и политическое отношение Славянского мира к Германо-Романскому» [3] многократно переиздавалась (1871, 1888, 1889, 1895, 1991, 1995, 2022, 2023), в ней философ не только выдвинул новую теорию всемирно-исторического процесса, но и по-новому сформулировал две проблемы: «Запад и Россия», «Россия и славянский мир». Актуальность идей изложенных в книге сегодня усиливается, т. к. сбылись предсказания сделанные автором. Гипотеза философа показала глубину теории, а идеи, направленные против глобализма, подтвердили исследовательскую интуицию автора и глубокий сравнительный анализ истории и особенностей культуры цивилизаций России и Европы. Философское наследие Данилевского глубоко и является достоянием не только России, но и мировым достоянием, поэтому требует своего сохранения.

Практическим воплощением теории культурно-исторических типов Данилевского является созданный философом уникальный парковый ансамбль, в крымском имении «Мшатка». Парк высаженный мыслителем, отражает его философские взгляды на природу и «отдельные уникальные человеческие сообщества», названные автором культурно-исторические типы. Отметим, что крымские имения, созданные в имперский период России, были неповторимыми в своей культуре быта, как были неповторимы люди, которые их создавали [1].

Имение было куплено Данилевским в 1867 году, за премиальные деньги, полученные за его исследования в экспедиции под руководством Карла Бера. Важно отметить, что Данилевский дважды получал награды Русского географического общества, Малая золотая медаль в 1862 году, и Большая золотая, или Константиновская, медаль в 1866. Награды, полученные Н. Я. Данилевским и денежные премии, которые полагались к этим наградам и определили судьбу семьи и дали им возможность купить недорогое южнобережное имение в Крыму.

Имение включало в себя более 100 гектаров земли на морском берегу недалеко от Фороса, а по соседству сохранилось опустевшее селение «Мшатка», что и дало впоследствии название имению. Земля была заброшена, в центре усадьбы были руины барского дома, который был razoren и сожжёнными французскими солдатами во время Крымской войны в 1854-1855 годы. Русский философ и друг Данилевского Николай Николаевич Страхов в своём труде «Борьба с Западом» [5] так писал об этом: «Николай Яковлевич ни за собою, ни за женою не имел никакого недвижимого имущества; нечаянно представился ему случай купить на Южном берегу Мшатку, большое запущенное имение графа Кушелева-Безбородько, продававшееся очень дёшево. Тут был огромный сад, когда-то старательно возделанный, был виноградник, были развалины барского дома, сожжёнными французами в Крымскую войну, и был маленький дом управляющего. Данилевские для покупки собрали все свои деньги, и с 1-го июня 1867 года семья их уже жила в Мшатке» [5].

Хотя имение долго было заброшенным, однако, Николай Яковлевич, являясь ботаником по образованию и естествоиспытателем по профессии, блестяще справился с восстановлением сада и всего парка. Около трети всей купленной земли занимал лес и кустарники. Только двадцать с лишним десятин годились для ведения сельского хозяйства и три десятины земли занимал парк. В парке, от прежних хозяев остались посадки кипарисов, небольшие рощицы маслин, миндаля и несколько маленьких виноградников. Данилевские привели в порядок хорошо сохранившейся дом управляющего, и поселились в нём: А развалины бывшего барского дома, разобрали что бы позже построить свой новый дом, однако средств так и не хватило и Данилевские прожили в бывшем доме управляющего до самой революции 1917 года.

Данилевским в имении за 15 лет было высажено до трехсот видов деревьев и кустарников со всего мира, эти растения были акклиматизированы ученым для опровержения теории Дарвина. Тут растут редкие экземпляры киликийской, кефалинийской, калифорнийской пихты, экзотические кипарисы, североамериканские таксодии, либоцедрусы. Рощи с разнообразными видами сосен, среди которых единственные в настоящее время на южном берегу экземпляры сосен Жеффрея и Бунге, а также кедры, магнолии, османтусы.

Парк по замыслу философа, делился на отличающиеся по содержанию и смысловой нагрузке части, имевшие собственные названия, как символы цивилизаций: Пирамиды, Каменный сад, Весенний сад, Гефсиманский сад, Кипарисовый зал, Мавританский фонтан, Ключевой источник.

Созданный Данилевским парк можно читать как карту с отмеченными на ней эпохами и цивилизациями. Каждый уголок, олицетворял определённый культурно-исторический тип с характерными для него растениями. Олицетворением египетского культурно-исторического типа были пирамиды, расположенные в ста метрах выше усадьбы. Китайский культурно-исторический тип представлен не менее удивительным уголком – россыпи камней, окруженные диковинными растениями, привезенными из далекого Китая. Здесь, среди грядок и причудливых валунов, золотились плоды хурмы, впервые завезённой в Крым Данилевским. Дерево Хурмы живо по сей день. Образы древнесемитического, индийского и иранского культурно-исторических типов представлены редкими плодовыми деревьями. «Весенний сад», олицетворял ассирийско-вавилонский культурный тип. Дерево граната обыкновенного представляет иранский культурно-исторический тип. Еврейский культурно-исторический тип, развивший религиозную идею единого Бога, представлен в парке Данилевского – Гефсиманским садом, с его водопадом, серебристыми оливами, символом мира и молитвы, и стройными кипарисами. Греческий тип представлен кипарисовым залом – любимым местом отдыха Николая Яковлевича Данилевского. Поляна, обрамленная стройными колоннами пирамидальных кипарисов, напоминала склоны Парнаса – обители муз и вдохновения. Римский культурный тип находил свое отражение в строгих стенах его кабинета и библиотеки, где философ размышлял о будущем политическом устройстве славянского мира. Аравийская цивилизация олицетворена Мавританским фонтаном. В изящном сооружении отразилась вся сущность культурно-исторического типа, в котором Вода, дар Бога в пустыне, играла главную роль. Существенным результатом германо-романской цивилизации Данилевский считал науку о природе. Плодовый сад – как символ, это лаборатория всех европейских естествоиспытателей, где формировались и опытным путем проверялись ее ступени и фазисы «собираания материалов, искусственные системы, части эмпирических законов, общий рациональный закон». В парке нашлось место представителям «не вполне проявившим себя» мексиканской и перуанской цивилизаций – целым зарослям стелющейся опунции, юкки, агавы. Символом славянского культурно-исторического типа является крымский горный источник Чохрах. Вода из Чохраха по сложной системе каналов растекается по всему парку, оживляя греческие кипарисы и мексиканские кактусы – подобно тому, как славянская культура, по замыслу философа, должна была объединить лучшие достижения человечества. Но была у этого источника и другая, грозная ипостась. В сезон дождей тихий Чохрах превращался в бурный поток, способный вызывать оползни и менять ландшафт. Эта двойственность родника – созидательная и разрушительная – прекрасно отражала идеи последних глав «России и Европы», где славянству предрекалась роль обновителя устаревшего мирового порядка. Особенно символичным было то, что родник находился в самом центре усадьбы – подобно тому, как славянская идея занимала центральное место в историософии Данилевского. В этом смысле весь парк «Мшатки» представлял собой модель будущего культурного миропорядка, где славянство играло бы объединяющую роль.

В XXI веке особенно ясно происходит осмысление провидческого смысла образа парка созданного в имении «Мшатка», а место это остается пропитано духом философа и мыслителя. Восстановление и сохранение философского парка – важнейшая задача современного общества.

Парк культурно-исторических типов «Мшатка», рожденный Н. Я. Данилевским, сегодня является «местом памяти» и требует активных усилий по его сохранению и мемориализации. Природно-культурный парк является ярким символом, в котором на практике отображается теория культурно-исторических типов, парк является совместным творением философа и природы, самобытным культурно-природным ландшафтом, связанным с историей формирования русской культурной идентичности и жизнью выдающегося философа.

Когда, в 1980-х годах, французским учёным Пьером Нора было введено в научный оборот понятие «место памяти» (*lieu de memoire*), под ним понималось единство духовного и материального мира, которое со временем, и исключительно по воле самих людей, становится символическим элементом наследия национальной памяти общества. «Места памяти» сам Нора определяет как «места, на которых складывается память сообщества» [5, s. 11]. Ключевая функция таких «мест» – сохранять память группы людей, они, по мнению Нора, воплощают в себе также национальную память. «Местами памяти» могут быть сами люди, события, предметы, здания, географические места, памятники природы, парки, дворцово-парковые ансамбли, праздники, книги, песни, торжества в честь людей или событий, прощальные речи, похвальные слова, которые «окружены символической аурой» [5, s. 26]. П. Нора считает, что их главная роль – символическая. Места памяти призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. Важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения, и что это значение может меняться. Главная функция «мест памяти» сохранять память людей о своей истории.

Со временем, методология концепции «мест памяти» получила распространение в науках, её применение стало важным инструментарием не только для изучения истории, но и философии, для формирования национальной и цивилизационной идентичности. Определенный интерес концепции «места памяти» представляет и для изучения философского наследия Данилевского, в частности научных дискурсов, вокруг теории культурно-исторических типов.

Политика уничтожения памяти, существовала в различных цивилизациях. Уничтожение памяти связано не только со свержением памятников, сожжением книг, но и с приданием забвению теорий. В греческой цивилизации, например, существовало понятие «проклятие памяти». Чтобы имя высокопоставленного патриция поскорее забылось, уничтожались все его изображения, скульптуры, изымались монеты, где был профиль этого человека. Из летописей и законов исчезали любые упоминания о нем. В период существования «Советской цивилизации», советское государство (1922–1991) стояло на позициях формационной, марксистской теории, а теория культурно-исторических типов Данилевского была предана забвению, Данилевский и его идеи назывались реакционными и были вычеркнуты из памяти. Не существовало памятников, музеев посвященных деятельности ученого, не издавались его труды, дом в котором жил Данилевский в Крыму не сохранился, на территории имения «Мшатка» был пионерский лагерь. На могиле Данилевского и членов его семьи, была костровая пионерская площадка. Вырванными из национальной памяти были не только идеи и теория, но всё что связано с именем.

В истории любой цивилизации происходит выбор между «сохранять» или «не сохранять». Длительный период «не сохранения» ведет к утрате исторической памяти, культурных традиций, языка, самоидентичности, т.е. к гибели самой цивилизации и поглощению ее другой цивилизацией, с более устойчивой во времени силой «сохранения». После распада СССР, марксистская теория несколько утратила свою актуальность, началось постепенное возрождение иных идей. Философия Данилевского отвечала на поставленные временем «вызовы», и давала «ответы», объясняя механизм взаимодействия цивилизаций, которые проявляются не только в экономической сфере, но и в духовной деятельности, проявляющейся во всех сферах общественного развития.

Философское наследие Н. Я. Данилевского принадлежит традиции русской философии, которая является неотъемлемой частью мировой, обладает при этом своим уникальным лицом. Философские идеи Данилевского оказывают положительное влияние на формирование мировоззренческих и нравственных ориентиров общества. Именно фундаментальное философское знание позволит ответить на современные «вызовы» сохранить и укрепить российское общество в его многообразии.

Список литературы

1. Галиченко, А. А. Мшатка. – Симферополь : Бизнес – Информ, 2008. – 32 с.
2. Горе победителям / Вступительная статья, примечания, приложение А. В. Ефремова. – М.: «АЛИРЬ, ГУП «ОБЛИЗДАТ», 1998. – 416 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский ; [Сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева]. – Москва : Книга, 1991. – 573 с.
4. Страхов, Н. Н. Борьба с Западом / Составление и комментарии А. В. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 576 с.
5. Nora, P. Zwischen Geschichte und Gedächtnis / P. Nora. – Berlin, 1990. – 101 S.

Статья поступила в редакцию 15.11.2025

Vakulova, T. V. *The Philosophical Legacy of N. Y. Danilevsky and the Need to Preserve “Places of Memory”*

The article deals with the theoretical and philosophical heritage of N.Y. Danilevsky. The author highlights the idea of the practical embodiment of the cultural and historical type theory in the philosophical park ensemble made in the Mshatka Estate. The Philosophical Park made by Danilevsky requires active efforts to memorialize his legacy. The methodology of the concept of "places of memory" by P. Nora is applied to the preservation and protection of the theoretical and practical heritage of the Russian philosopher.

Keywords: philosopher, cultural and historical type, civilizational theory, philosophical park, “places of memory”.

УДК 284(477.75)+928

В статье рассматривается жизненный путь и церковное служение Генриха Дитриха, первого постоянного пастора немецко-швейцарской колонии Цюрихталь. Раскрывается роль Базельского и Цюрихского миссионерских обществ в назначении пасторов в евангелическо-лютеранские общины Крыма. Материалом исследования служат источники на немецком языке, оставшиеся вне поля зрения отечественной историографии. Приводятся переводы фрагментов писем Дитриха, которые не только проливают свет на некоторые малоизвестные обстоятельства и страницы биографии швейцарского пастора, но и предоставляют важные сведения по раннему периоду существования колонии Цюрихталь и Цюрихтальского евангелическо-лютеранского прихода.

Ключевые слова: Генрих Дитрих, пастор, евангелическо-лютеранская церковь, Цюрихталь, Золотое Поле, немецкие колонии, Крым, Базельское миссионерское общество, Цюрихское миссионерское общество.

А. Е. Лобков, доцент, канд. филол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aelobkov@mail.sevsu.ru

С. А. Покрышук, студентка

Севастопольский государственный университет

E-mail: s.pokryshchuk@mail.ru

ГЕНРИХ ДИТРИХ – ПЕРВЫЙ ПОСТОЯННЫЙ ПАСТОР КОЛОНИИ ЦЮРИХТАЛЬ В КРЫМУ

Несмотря на наличие достаточного количества сведений о немецкоязычной колонии Цюрихталь (ныне с. Золотое Поле), которая по сравнению с прочими крымскими колониями была изучена тщательнее всего, биография ее первого пастора Генриха Дитриха (Heinrich Dietrich) в исследовательских работах до сих пор детально не рассматривалась. К примеру, в истории пасторского служения в Южном крае России Т. Ф. Мейера имя пастора Дитриха упоминается без каких-либо биографических подробностей [13, S. 463]. В статье Г. Петри о священниках из Швейцарии, служивших в немецких колониях, сведения о цюрихтальском пасторе крайне скудны [17, S. 189]. Единственная попытка создать краткий биографический очерк о Дитрихе, была предпринята в статье швейцарского краеведа-любителя Вилли Фишера «Швейцарская колония Цюрихталь в Крыму и ее первый священник Генрих Дитрих из Шверценбаха» [10]. Основным источником сведений, положенных в основу его статьи, выступают 13 писем, отправленных Дитрихом из Цюрихталя в Базельское миссионерское общество, в архиве которого они сейчас и хранятся. К сожалению, Фишер использует данные из корреспонденции выборочно и порой интерпретирует их по-своему. К тому же, полный текст писем до сих пор не опубликован. Настоящая статья призвана восстановить по крупницам, насколько это возможно, путь жизни Дитриха, историю его служения Богу и общине.

Генрих Дитрих родился 4 сентября 1794 г. в местечке Шверценбах кантона Цюрих в крестьянской семье. Известно, что с 13 лет Дитрих работал батраком, а в 1817 г., когда Швейцарию охватил массовый голод, с ним произошло духовное преобразование: «из благодарности к Спасителю я решил посвятить Ему свою жизнь и, если на то будет Его воля, служить Ему среди язычников» [10, S. 30]. Так, уже в 1818–1821 гг. он учился в Базельском миссионерском институте, готовясь к проповеднической деятельности среди язычников и мусульман.

Однако для Дитриха была уготована совсем другая судьба. В 1819 г. в Цюрихе возникло миссионерское общество, одной из главных причин появления которого было возобновление письменных контактов кантона с бывшими соотечественниками, эмигрировавшими в Крым и основавшими в 1805 г. колонию Цюрихталь. В письмах, приходивших из Цюрихталя, содержалась просьба прислать Цюрихские Библии, сборники духовных песен и школьные учебники. Но отправкой душепасительных и учебных книг дело не ограничилось. Цюрихское миссионерское общество, осознавая необходимость духовного окормления общины крымской колонии, не имевшей своего постоянного пастора, обратилось в Базельское миссионерское общество с просьбой назначить одного из учеников пастором Цюрихталя. Так, в мае 1821 г. Цюрихское миссионерское общество объявило сбор благотворительных средств в пользу будущего пастора и на покупку книг для общины Цюрихталя. Выбор руководства Базельского миссионерского общества пал на Генриха Дитриха, что вполне

логично, так как он сам был уроженцем кантона Цюрих. Более того, было принято решение послать в Крым еще одного ученика – Дурса (Урсуса) Бёрлина (Börlin), уроженца кантона Базель, точное место службы которого – колония Нейзац – стало известно лишь по его приезду в Россию.

В 1810–20-х гг. британские протестантские миссионеры неоднократно пытались распространить христианство среди татар Крыма. В 1821–1825 гг. в Бахчисарае даже действовала постоянная шотландская миссия во главе с Дж. Дж. Каррутерсом (Carruthers) [11]. Базельское миссионерское общество поддерживало тесные отношения с британскими миссионерами, в 1825 г. один из выпускников – Л. Кёниг (König) был направлен в Бахчисарай к Каррутерсу с целью знакомства с особенностями проповеди Божьего Слова для мусульман, однако затем из Крыма был переведен на Кавказ. Очевидно, это было связано со скромными успехами в деле распространения христианства. В свою очередь пасторам в немецкоязычных колониях в силу большой численности общин и их удаленности друг от друга просто не хватало ни времени, ни сил, чтобы заниматься миссионерской деятельностью среди мусульманского населения Крыма. Так что руководство Базельского миссионерского общества, определив Дитриха и Бёрлина проповедниками и школьными учителями в немецкоязычные колонии Крыма, также поручило им «использовать любую возможность, чтобы быть полезными своим соседям-татарам и подготовить почву для того, чтобы один из братьев был отправлен к ним учителем» [11, S. 171].

Кроме Г. Дитриха и Д. Бёрлина к поездке в Россию готовились еще три выпускника миссионерского института – Г. Бенц (Benz), Р. Ф. Гогенакер (Hohenacker) и Г. Курфес (Curfeß), определенные для работы на Кавказе. 9 января 1822 г. руководство Базельского миссионерского общества обратилось к пяти воспитанникам с духовными наставлениями и наказами, которые будущие проповедники должны были учитывать в своей деятельности [14].

Перед отъездом в Россию Г. Дитрих навестил родной кантон. Он встречался с родственниками переселенцев из округа Аффольтерн и с пастором городка Рифферсвилль И. К. Фези (Fäsi), проявлявшим заботу о бывших соотечественниках. 3 февраля 1822 г. на торжественном собрании Цюрихского миссионерского общества один из его основателей, профессор теологии и пастор Собора Богоматери в Цюрихе, Георг Гесснер (Geßner) благословил Дитриха на пасторское служение. Цюрихскому миссионерскому обществу удалось собрать значительную сумму в 588 гульденов и 17 шиллингов (около 1250 руб.), чтобы снабдить Дитриха всем необходимым для пасторской деятельности и оплатить дорожные расходы до места служения [16, S. 16].

В феврале 1822 г. пятеро воспитанников миссионерского института отправились из Базеля в Санкт-Петербург, где их ожидали руководители миссионерской группы – Ф. М. Заремба (Zarembo) и А. Г. Диттрих (Dittrich), которые в течение 8 месяцев при царском дворе улаживали формальности, необходимые для деятельности в Крыму и на Кавказе.

В докладной записке Ф. М. Зарембы и А. Г. Диттриха от 3 ноября 1821 г. на имя А. Н. Голицина, возглавлявшего Министерство духовных дел и народного просвещения, содержится просьба о разрешении пасторского служения в колониях Крыма двум выпускникам Базельского миссионерского института. Необходимость такого служения была мотивирована следующим образом: «Окруженные татарами со всех сторон и живущие среди них изолированно, колонисты все более и более смешиваются с ними; магометанские суеверия передаются детям с молоком матери; нравственное разложение разного рода проникает в них и делает из них не только бесполезных, но и вредных подданных; они до такой степени привыкают к татарам, что, если им с юности не помочь хорошо организованным попечением и воспитанием, если их не приблизить к Откровениям живого Бога, который с каждым днем все больше становится им чужд, они рискуют отдалиться от Церкви, к которой принадлежат по естеству, даже внешне, не говоря уже об их внутреннем состоянии и жизни» [6, S. 471]. Записка также содержала пункты, в которых оговаривались правовые и материальные условия для работы евангелических священников в колониях.

В ответе министра сообщалось, что базельские проповедники смогут получить разрешение на пасторское служение в колониях, если будут соблюдены следующие условия:

- 1) официальное рукоположение в духовный сан;
- 2) исполнение обязанности пастора колонии как минимум в течение шести лет;
- 3) отказ от именованья «миссионер» и выполнение основного пасторского служения среди членов своей евангелической общины, а не среди мусульман и язычников.

Лишь в этом случае им были гарантированы:

- 1) все права и денежные вознаграждения, полагающиеся евангелическим священникам в немецких колониях России;
- 2) 130 дукатов на оплату путевых расходов;

3) свободное исповедание лютеранской или реформатской веры священниками и членами общин в соответствии с законами Российской империи [7, S. 473].

10 апреля 1821 г. Заремба и Диттрих удостоились аудиенции у Александра I, на которой евангелическо-лютеранским проповедникам была официально разрешена деятельность в Крыму и на Кавказе. Выпускники-проповедники прибыли в Санкт-Петербург 18 апреля. Здесь 29 апреля от горячки скончался Г. Курфес. По неизвестным причинам посвящение Дитриха и Бёрлина в пасторский сан в Санкт-Петербурге не состоялось. Через А. Н. Голицина удалось добиться разрешения императора на то, чтобы Консистерия позволила провести обряд ординации в Москве [2]. Поэтому 14 мая базельские проповедники направились в Москву.

26 мая 1822 г., в праздник Святой Троицы, Дитрих и Бёрлин были ординированы в пасторы лютеранским священником П. И. Кольрейфером (Kohlreiff) в церкви Св. Михаила в Москве. Перед ординацией Бёрлин прочитал проповедь, выбрав ее темой фрагмент из Евангелия от Иоанна «Симон Ионин! любишь ли ты Меня» [3, S. 140]. В обряде приняли участие все проповедники Базельского миссионерского общества – Ф. Заремба, А. Г. Диттрих, Г. Бенц и Р. Ф. Гогенакер. Дата посвящения в сан (16 мая), указанная в «Хронике евангелических общин Москвы» А. В. Фехнера – ошибочна, однако все же связана с пребыванием миссионеров в Москве; в этот день отмечался праздник Вознесения Господня, и А. Г. Диттрих прочитал общине церкви Св. Михаила «истинно евангелическую проповедь»

Отъезд в Крым, первоначально запланированный на 29 мая, пришлось отложить, так как Дитрих слег с сильной горячкой. Его лечил немецкий врач Ф. Ф. Рейс (Reuss), профессор химии в Московском университете и один из самых уважаемых членов евангелической общины церкви Св. Михаила.

О том, как Дитрих добрался до Крыма и как его встретили в колонии, можно узнать из письма пастора в Базель, написанного в Цюрихтале (от 23 августа 1822 г.): «Благословен Господь, по Своей великой милости и любви приведший меня наконец сюда, после многих, часто мрачных, но и радостных переживаний; куда давно стремилось мое сердце, где Он открыл для меня широкое поле возможностей, чтобы я мог сделать что-то в Его честь, которой во многих местах пренебрегают.

До Москвы, где я и брат Бёрлин были посвящены в сан, мы доехали, как вы уже знаете, успешно. Острая ревматическая лихорадка, напавшая на меня там, отложила наш отъезд до 15 июля, но дальнейшее путешествие прошло так гладко, что мы преодолели расстояние до Симферополя, расстояние в 200 немецких миль, за 10 дней. 28-го числа я сопровождал брата Бёрлина в колонии Нейзац и Фриденталь, которые располагаются в 7 милях к востоку от Симферополя и насчитывают около 60 семей; в этот приход входит также третья колония, Кроненталь, которая располагается примерно в 9 милях от Нейзаца, а также немцы Симферополя и Севастополя, которых в совокупности может быть до 100 семей. 30-го числа я расстался с моим любимым братом Бёрлином и погожим вечером прибыл в Цюрихталь, который находится в 10 милях к востоку от Симферополя. Жители были очень рады, когда увидели, что их пастор наконец-то прибыл. В Цюрихтале проживает 67 семей, к этому приходу также относятся Гейльбрун, расположенный в полумиле отсюда, и Судак, находящийся в 4 милях к югу, на берегу Черного моря. Кроме того, в колониях близ Каффы, примерно в 4 милях отсюда, живут 14 семей, которые мне необходимо посещать несколько раз в год, и где я должен проповедовать. 4 августа я произнес приветственные проповеди в Цюрихтале и Гейльбруне, и могу сказать, что в обоих местах они сопровождались благословением Господа. Люди, насколько я успел их узнать, кажутся трудолюбивыми и мирными, особенно в Цюрихтале, как мне представилось, я увидел много душ, жаждущих Слова Божиего. Полагаясь на помощь Господа, я начал проповедовать каждое воскресенье в обоих местах и проводить занятия по катехизации там, где завершал последнюю проповедь. С сожалением я осознаю, что большинство молодых людей в возрасте до 20 лет не умеют читать и не могут ответить даже на самые простые вопросы. У них до сих пор не проводилась катехизация.

Общины очень рады, что у них теперь есть священнослужитель, так как раньше в их среде было много беспорядка, который я постараюсь пресечь. Я намерен уделить особое внимание исправлению образования в Цюрихтале, где буду жить. Там собирают богатые урожаи фруктов, но картофель удается плохо из-за редких дождей, а о разведении садовых растений даже и думать не приходится. Поскольку Нейзац расположен в районе предгорья, дожди там идут в достатке, и все наоборот; там основными продовольственными культурами являются картофель и овощи [4, S. 222–223].

Подобное письмо, датированное концом августа 1822 г., Дитрих отослал и Г. Гесснеру в Цюрих: «Цюрихталь расположен в нескольких часах езды от города Феодосия, на степной равнине, которую можно пересечь за час, между горной грядой и холмистым степным краем около 40 футов высотой; его разрезает небольшая речка, вдоль которой и построена деревня, состоящая из двух частей, расположенных примерно в 1000 шагах друг от друга. В центре возвышается церковь. В Цюрихтале

проживает 67 семей, из которых 43 реформатских, 12 лютеранских и 12 католических. Все они весьма единодушны в вопросах веры. Католики прилежно посещают нашу церковь, а поскольку у них нет учителя, они отдают своих детей в нашу школу.

В часе езды от Цюрихтале находится Гейльбрун, община которого входит в цюрихтальский приход. Там проживают 38 семей, в основном – вюртембержцы. По воскресеньям здесь читается проповедь, а занятия по катехизации поочередно проводятся в каждой общине. Кроме того, несколько раз год я обязан проповедовать в Судаке, насчитывающем 12 семей и в колонии вблизи Каффы, а также в самом городе; дорога до каждого из этих поселений составляет 30 верст и занимает около 6 часов.

В Цюрихтале особенно много хороших людей, которые действительно жаждут Слова Жизни. Описывая этот народ, могу сказать только одно: это очень добрые, трудолюбивые и мирные люди, в первую очередь швейцарцы и вюртембержцы. В целом, нынешнее поколение должно быть намного лучше, чем те, кто переселился сюда изначально; многие из тех людей надеялись на легкую жизнь, не связанную с тяжелой работой. Из них осталось только 6–8 стариков. Зато теперь здесь много молодых семей, каждая из которых имеет свой дом и свое хозяйство; все они живут довольно хорошо. В Цюрихтале выращивают множество зерновых культур, однако корма для скота совсем не растут, потому что летом почти никогда не бывает дождей. Эта местность подвержена ужасной напасти – нашествию саранчи; в прошлом году она уничтожила все, траву и плоды, и в этом году она тоже нанесла большой ущерб» [16, S. 6–7].

Первые два года служения Дитриха были омрачены тяжбой о сохранении за собой места пастора в Цюрихтале и о выделении денежного жалования в размере 600 рублей в год.

Вскоре после прибытия Дитрих получил официальное письмо от Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России с требованием незамедлительно покинуть Цюрихталь и занять место пастора в другой немецкой колонии за пределами Крыма (колония Рорбах Одесского водворения). Напротив, пастору Бёрлину предписывалось окормлять протестантов во всех немецких колониях Крыма. Объяснялись такие перемены тем, что для всех поселений, насчитывающих около 650 душ, будет достаточно одного пастора.

Дитрих, опираясь на поддержку общины, отказался покидать свое место до соответствующего приказа от Евангелическо-лютеранской генеральной консистории в Санкт-Петербурге и в свою очередь обратился к вице-президенту консистории с просьбой о покровительстве.

В ответном письме Попечительный комитет вновь заявил об отсутствии второго места пастора для Крыма и отказал Дитриху в выплате жалования. А в письме, отправленном в адрес предстоятелей общины, комитет писал, что с пониманием относится к желанию оставить пастора, способствующего укреплению морального состояния общины, и предлагает взять расходы на содержание священнослужителя на себя, а также выделить ему 35 десятин земли и выстроить в течение двух лет дом.

Очевидно, власти понимали, что такое требование означало большие расходы для общины, и надеялись, что они откажутся от собственного пастора. Однако община сумела договориться с Дитрихом о небольшом денежном жаловании, а взамен земли стала выделять ему 24 шеффеля зерна и корм на содержание шести лошадей, необходимых для поездок по филиалам прихода.

Вместе с тем обращение Дитриха к духовным властям в Санкт-Петербурге, очевидно, имело последствия, так как в начале 1824 г. Попечительный комитет известил Дитриха о том, что признает необходимость присутствия двух пасторов в колониях в Крыму и утверждает его в должности, однако назначает ему выплату полагающегося жалования только с 1 сентября 1823 г.

Переписка между Департаментом государственного хозяйства МВД, Попечительным комитетом об иностранных поселенцах Южного края России и суперинтендантом евангелической церкви в Южном крае России Карлом Августом Бёттигером (Böttiger) о месте пастора в Цюрихтале сохранилась в деле 1571 (6.05.1822–21.03.1825) фонда №6 «Попечительный Комитет об иностранных поселениях Южного края России» в Государственном архиве Одесской области.

Из нее следует, что назначение Дитриха пастором в Цюрихталь произошло без ведома Попечительного комитета. И хотя в конечном итоге комитету пришлось согласиться, он добился, чтобы в дальнейшем Министерство внутренних дел определяло пасторов в приходы, подведомственные Попечительному комитету, только после предварительного согласования [1, с. 85–86].

Недовольство Попечительного комитета относительно назначения Дитриха можно понять, но здесь речь идет об особенном случае, так как Базельское миссионерское общество по просьбе и при финансовой поддержке Цюрихского миссионерского общества специально послало своего воспитанника в колонию, значительную часть которой составляли колонисты-выходцы из кантона Цюрих.

В феврале 1824 г. Дитрих писал: «Наконец-то буря улеглась, и управление колониями утвердило Цюрихталь как отдельный окружной приход, Попечительный комитет письменно подтвердил мне это. В комитете предприняли все возможное, чтобы удалить меня отсюда, но поскольку у меня на руках было решение о назначении из министерства, то им не удалось заставить меня покинуть колонию. Я также был обеспокоен судьбой общины, ведь если бы я поддался давлению, то Цюрихталь, вероятно, никогда не получил бы статуса отдельного прихода. Это было бы очень огорчительно в силу большой удаленности Крыма» [10, S. 33].

Противостояние Попечительному комитету способствовало единению молодого пастора с общиной: «Долгая борьба и многократное оспаривание решений, которые как общине, так и мне приходилось и еще предстоит подавать, во многом стали причиной того, что мы тесно сблизились» [10, S. 35]

В начале пасторского служения в колонии Дитриху пришлось столкнуться с такими страданиями и страстями, что не раз он хватался руками за голову от отчаянного бессилия. Из писем видно, что он не только пытался утешать паству Словом Божиим, но и стремился помочь своим прихожанам делом, отыскать особые пути к их сердцам. Колонисты страдали от болезней, жаркого климата, нашествий саранчи и другого рода напастей, порождавших сомнения и подвергающих испытанию веру. В сентябре 1822 года Дитрих написал в Базель: «Больше всего мне не хватает знаний медицины. В Гейльбруне многие страдают лихорадкой, некоторые – в очень тяжелой форме, а я в этом совсем не разбираюсь. Как было бы хорошо, если бы в миссионерском институте проводилось начальное обучение по этому предмету» [10, S. 32]. А в начале августа 1823 г. Дитрих сообщил о нашествии саранчи: «Она покрыла землю подобно снегу. Татары практически лишились какого-либо пропитания, так что целые деревни были покинуты. В Цюрихтале и Гейльбруне сохранилось немного картофеля, но ничего более. Каждое утро люди просили меня служить молебен; и до сих пор я это делаю» [10, S. 33].

В другом письме он с горечью признал: «В любом случае, проповедником в колонии быть не так легко, как можно было бы подумать. Ты совсем один, а вокруг люди из разных слоев общества, из разных мест Германии, те, в общении с которыми скорее нужна не ученость, а умение разбираться в людях и смекалка. Ведь нередко дело приходится иметь как с отъявленными безбожниками и богохульниками, так и с настоящими фантазерами, в общении с которыми требуются смирение и мужество, простота и ум. Это мне известно из личного опыта, так как именно таких качеств мне часто не хватает, когда в них возникает нужда» [10, S. 34].

Первые два года Дитриху также пришлось работать учителем в школе, пока не удалось найти подходящего человека на эту должность. Как известно, Базельское миссионерское общество также поручило ему завязывать дружеские отношения с местным татарским населением с целью дальнейшей миссионерской деятельности. Поэтому в его письмах в Базель встречаются фрагменты, описывающие нравы татар: «Неподалеку от Цюрихталя находится татарская деревня. В другой деревне, в часе езды отсюда, есть довольно хорошая школа для татарских юношей. Цюрихтальские крестьяне и татары хорошо уживаются, почти как братья. Также немцы предпочитают вести дела с ними, а не с русскими, потому что, как они говорят, татары их не обманывают» [10, S. 32]. Или: «Они чистоплотны и гостеприимны, а когда приходится у них останавливаться, что бывает довольно часто, меня удобно размещают на полу и вкусно кормят» [17, S. 189]. Вместе с тем Дитрих отмечал, что нелюбезность татар не позволяет им принять Божественное слово: «татары не хотят знать больше того, что уже знают»; мешал также авторитет мусульманского духовенства – «Они почти что обожествляют своих мулл, тогда как последние лгут им и обманывают их» [17, S. 189].

Благополучное разрешение вопроса с местом службы и жалованием, а также появление собственного дома открывали возможность для переезда в Цюрихталь невесты Дитриха. Одним из требований, которые предъявлялись к будущим пасторам Крыма, было наличие жены. Поэтому еще перед отъездом из Швейцарии Дитрих и Бёрлин заручились согласием своих избранниц, что они приедут к ним в Крым, как только будут решены все материальные вопросы (Дитрих – Вильгельмины Магдалины Рейс (Reuss), родившейся 28 февраля 1796 г. в Бракенхайме в Бадене, Бёрлин – Хелены Мюллер (Müller) из Базеля). И вот, спустя два года, в середине мая 1824 г., Дитрих и Бёрлин отправились в Одессу. Невесты прибыли туда лишь 14 июня 1824 г., а на следующий день суперинтендант Одесской консистории К.А. Бёттигер обвенчал их, и уже 17 июня молодожены отправились в Крым.

Дитрих писал: «Теперь я очень счастлив и особенно оттого, что совсем не ожидал встретить верную и настоящую последовательницу Господа, обладающую таким большим умом и характером. Ей здесь очень нравится, она говорит, что Цюрихталь выглядит как чудесная вюртембергская деревня»

Утверждение В. Фишера, что Вильгельмина Рейс являлась дочерью врача Рейса, лечившего Дитриха в Москве, – ошибочно [10, S. 34]. Оно никак не согласуется с имеющимися биографическими сведениями о немецком враче [15, S. 12].

В марте 1825 г. в семье Дитриха родился мальчик, названный Генрихом, который, однако, в августе того же года скончался. Вскоре после смерти сына Дитриха постиг еще один тяжелый удар: 18 апреля 1826 г. в Нейзаце в результате несчастного случая погиб пастор Бёрлин. Дитрих совершил над своим многолетним товарищем похоронный обряд.

Помимо пасторской деятельности Дитрих был вынужден вести еще и хозяйство, так как доходы пастора, находившегося на содержании паствы, в силу нашествия саранчи и неурожайных лет уменьшились и не могли обеспечить существование семьи, которая к тому же 18 октября 1826 г. пополнилась вследствие рождения дочки Вильгельмины Хелены. Неудивительно, что здоровье пастора, который уже на протяжении нескольких лет страдал приступами перемежающейся лихорадки, ухудшилось. В начале сентября 1827 г. Дитрих отправился в немецкую общину Судака для служения и одновременно лечения морскими ваннами. Однако, приехав туда, он сразу слег с горячкой и скоропостижно скончался 4 сентября 1827 г., в день своего тридцатитрехлетия [18, S. 342–343], [5, сестер в Эслингене (Великое герцогство Баден). В 1831 г. она повторно вышла замуж за Иоганнеса Куллена и скончалась 23 октября 1832 г. спустя несколько дней после родов. После смерти жены Куллен отправился в Цюрих, где встретился с Гесснером, церковным главой кантона, и с сестрами Дитриха, у которых сумел отсудить право на опеку над малолетней дочерью скончавшегося цюрихтальского пастора – Вильгельминой Хеленой Дитрих [12, S. CXXII–CXXIV].

Пастор Эмиль Кибер (Kyber), служивший в Цюрихтале в период с 1831 по 1858 г., дал высокую оценку деятельности своего предшественника: «Новая эпоха процветания началась для нашей колонии в 1822 году, когда сюда из Швейцарии прибыл первый постоянный пастор, которого звали Генрих Дитрих. Наступила неожиданная перемена, повсюду царили порядок, трудолюбие, благосостояние. Строительство небольшой церкви было завершено незадолго до приезда Дитриха. Вскоре рядом с ней были выстроены красивый дом пастора и просторная школа. Еще в двух приходских общинах для богослужебных целей были построены молельные дома. Дитрих во всем служил примером и со всей строгостью обличал проникшие в общину пороки. Особая заслуга принадлежит ему в деле улучшения церковного пения. К сожалению, его благословенные деяния были прерваны преждевременною смертью; он скончался в 1827 году в возрасте 33 лет, но последствия его деяний видны до сих пор. Без него Цюрихталь, вероятно, никогда не стал бы таким, каким он является сейчас – образцовой колонией в Крыму» [8, S. 294].

В заключение отметим, что работа по изучению жизненного пути и церковного служения Генриха Дитриха, конечно, далека от завершения. Настоящая статья содержит только начальные ее результаты, поэтому нам представлялось важным в первую очередь привлечь внимание специалистов по истории немецкой колонизации Крыма к судьбе швейцарского пастора с целью выявления и изучения архивных документов (в России и в Швейцарии) и других источников, проливающих свет на его жизнь и деятельность. Одним из дальнейших шагов могла бы стать публикация комментированного перевода писем Дитриха к руководству Базельского миссионерского общества.

Список литературы

1. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, 1799–1876. Т. 2: Аннотированная опись дел 1819–1826 гг. – Одесса : Астропринт, 1999. – 240 с.
2. Auszug aus einem Schreiben des lieben Missionars August Dittrich von Moskwa vom 24. Mai 1822 // Neueste Nachrichten aus dem Reiche Gottes. 7. Jg. – Berlin : gedr. Bei Trowitzsch und Sohn, 1823. – S. 138–140.
3. Auszug aus einem Schreiben der lieben Brüder R. Fr. Hohenacker und August Dittrich von Sarepta vom 29. Juni 1822 // Neueste Nachrichten aus dem Reiche Gottes. 7. Jg. – Berlin : gedr. bei Trowitzsch und Sohn, 1823. – S. 140–146.
4. Auszug aus einem Schreiben des Kolonisten Predigers Heinrich Dietrich in Zürichthal auf der Halbinsel Krimm vom 23. August 1822 // Neueste Nachrichten aus dem Reiche Gottes. 7. Jg. – Berlin : gedr. bei Trowitzsch und Sohn, 1823. – S. 222–223.
5. Auszug aus einem Briefe des lieben Bruders Fletnitzer in Odessa vom 23. September 1827 // Neueste Nachrichten aus dem Reiche Gottes. 12. Jg. – Berlin : gedr. bei Trowitzsch und Sohn, 1828. – S. 55–56.

6. Copie des Memoirs in Betreff der deutschen und schweizerischen Colonisten in der Krimm // Magazin für die neueste Geschichte der evangelischen Missions- und Bibelgesellschaften. Siebenter Jahrgang. Drittes Quartalheft. – Basel : Verlag des Missions-Institutes, 1822. – S. 469–472.
7. Copie eines Erlasses von Seiten des Ministeriums der geistlichen Angelegenheiten und des öffentlichen Unterrichtes, an die evangel. Prediger, Zarembo und Dittrich // Magazin für die neueste Geschichte der evangelischen Missions- und Bibelgesellschaften. 7. Jg. 3. Quartalheft. – Basel : Verlag des Missions-Institutes, 1822. – S. 472–474.
8. Die evangelische Gemeinde der Kolonie Zürichthal in der Krimm (Nach einem Briefe des Herrn Pastors Kyber zu Zürichthal) // Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Rußlands. 3. Bd. 1. Heft. – Dorpat : gedr. in der Universitäts-Buchdruckerei bei J. C. Schünmann's Wittwe, 1841. – S. 291–294.
9. Fechner, A. W. Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau: Zum dreihundertjährigen Jubiläum der Evangelisch-Lutherischen St. Michaelis-Gemeinde. Bd. 2 / A.W. Fechner. – Moskau : J. Deubner, 1876. – 750 S.
10. Fischer, W. Die Schweizerkolonie Zürichthal auf der Krim und ihr erster Pfarrer, Heinrich Dietrich von Schwerzenbach / W. Fischer // Volketswil. Eine jährliche Dokumentation. – Bd. 17. – 1978. – S. 20–39.
11. Krimm. Schottische Missions-Gesellschaft. Deutsche Missions-Gesellschaft. 1821. // Magazin für die neueste Geschichte der evangelischen Missions- und Bibelgesellschaften. Achter Jahrgang. Zweytes Quartalheft. Die Länder des mittelländischen Meeres und Ober-Asiens. – Basel : Verlag des Missions-Institutes, 1823. – S. 170–171.
12. Kullen, S. Fünf und Fünfzig Erbauungsstunden des entschlafenen Johannes Kullen, Institutsvorstehers in Kornthal, sammt seinem Lebensabriß und Anderem aus seinem Nachlaß / S. Kullen. – Kornthal : Rettungsanstalt, 1852. – CL, 461 S.
13. Meyer, T. Die Pastoren der evangelisch-lutherischen Kirche in Südrußland von 1789 bis 1910 / T. Meyer // Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Rußland. – Bd. 63. – 1910. – S. 446–528.
14. Missions-Instruktion // Magazin für die neueste Geschichte der evangelischen Missions- und Bibelgesellschaften. Siebenter Jahrgang. Zweytes Quartalheft. Amerika. – Basel : Verlag des Missions-Institutes, 1822. – S. 309–322.
15. Nachkommen des August Reuß, Amtmanns zu Horrheim u. Hofmeisters am Stromberg, geb. 1671, gest. 1745: mit vorangeschickter Uebersicht der Ascendenten und Seiten-Verwandten desselben, bis auf den Stamm-Vater Wolfgang Reuß. – Stuttgart : F. Wolters, 1831. – 43 S.
16. Nachricht und Rechenschaft des Zürcherschen Missions-Vereins an die menschenfreundlichen Contribuenten: 1824. Zürich, 1824. 16 S.
17. Petri, H. Zürichthal auf der Halbinsel Krim und Schweizer als Pfarrer in südrussischen Gemeinden / H. Petri // Theologische Zeitschrift. – Bd. XIX. – 1963. – H. 3. – S. 180–194.
18. Zöglinge der Basler Missionsschule im Dienst auswärtiger Missions-Gesellschaften oder der evangelischen Kirche // Magazin für die neueste Geschichte der evangelischen Missions- und Bibelgesellschaften. – Basel : Verlag des Missions-Institutes, 1828. – S. 341–373.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025

Lobkov, A. E., Pokryshchuk, S. A. *Heinrich Dietrich – the First Permanent Pastor of the Colony of Zürichthal in Crimea*

The article explores the life path and sacerdotal service of Heinrich Dietrich, the first permanent pastor of the German-Swiss colony of Zürichthal. It reveals the role of the missionary societies of Basel and Zurich in dispatching pastors to Evangelical Lutheran communities in Crimea. The research is based on the documents in German that have been missed out by Russian historiography. Fragments of the letters written by Dietrich are included, which not only cast light on some little-known events and details of Swiss pastor's biography, but also provide valuable information about the early history of the colony of Zürichthal and the Zürichthal Evangelic Lutheran parish.

Keywords: Heinrich Dietrich, pastor, Evangelical Lutheran Church, Zürichthal, Zolotoe Pole, German colonies, Crimea, Basel Missionary Society, Zurich Missionary Society.

УДК 930.2(470+494)“1836/1844”:81’255

Эпистолярное наследие генерала Карла Карловича Фези – ценный исторический источник о быте и нравах русской армии первой половины XIX века. Два его письма, содержащие описание пребывания в Крыму в 1836 и 1844 годах, могут быть небезынтересны исследователям крымской истории и российско-швейцарских отношений. Посещение К.К. Фези немецко-швейцарской колонии Цюрихталь способствовало поддержанию контактов швейцарских колонистов с кантоном Цюрих и появлению такого ценного источника по истории колонии, как письмо цюрихтальского пастора Эмиля Кибера главе цюрихской церкви Георгу Гесснеру. Приводится перевод писем на русский язык и дается комментарий к фрагменту, где говорится о визите Фези в Цюрихталь. Сведения Фези сопоставляются с текстом о Цюрихтале из путеводителя Ш.А. Монтадона (1834) и краткой справкой по Цюрихтальскому евангелическо-лютеранскому приходу Э. Кибера (1839). Такое сравнение позволяет увидеть различия в подаче сведений и определить ценность каждого из источников.

Ключевые слова: российско-швейцарские связи, исторический источник, немецкие колонии, Крым, Цюрихталь, Золотое Поле, К.К. Фези, Эмиль Кибер, Георг Гесснер.

А. Е. Лобков, доцент, канд. филол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aelobkov@mail.sevsu.ru

ПИСЬМА О КРЫМЕ ГЕНЕРАЛА К. К. ФЕЗИ: ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ШВЕЙЦАРСКИХ СВЯЗЕЙ

Российско-швейцарские культурные связи имеют богатую историю и неоднократно становились предметом пристального изучения как отечественной, так и швейцарской историографии. Однако, несмотря на наличие большого объема научной литературы, потенциал исследований российско-швейцарских отношений отнюдь не исчерпан. Во многом это касается и связей Крыма со Швейцарией. Большой интерес представляет изучение истории швейцарских колонистов, переселившихся в Крым в начале XIX века и основавших колонию Цюрихталь (Zürichtal; ныне село Золотое Поле). Малоисследованной остается также история швейцарцев, осевших в городах. Например, купец Леонгард Вейерман (Weyermann) из Санкт-Галлена поселился в Керчи вместе с женой и двумя детьми. Один из сыновей, Леонгард, открыл там гостиницу, другой, Иоганн Якоб, – в Феодосии. Швейцарцы присутствуют и среди выдающихся личностей, которые внесли большой вклад в развитие культурной среды Таврического края; наиболее узнаваемые имена из их числа: Ш. А. Монтандон (Montandon), К. И. Эшлиман (Aeschlimann), Л. П. Колли (Kolli) и Е. Ф. Галлер (Haller). Для крымской истории значимы и записи швейцарских путешественников – Даниэля Шлаттера (Schlatter), Фредерика Дюбуа де Монпере (Montrépeux), Самуэля Бруннера (Brunner), содержащие впечатления от природы Крыма, от быта и нравов народов, его населяющих.

К таким заметкам могут быть отнесены два письма Иоганна Каспара Фези (Johann Kaspar Fäsi, 1795–1848), уроженца Цюриха, побывавшего в Крыму в 1836 и в 1844 гг. Фези – один из наиболее известных швейцарцев, снискавший славу на русской военной службе подобно своим соотечественникам Франсуа Лефорту (Lefort, 1656–1699) и Антуану Анри Жомини (Jomini, 1779–1869). Как показывает исследование историка Й. Зоома (Soom), в царской России число швейцарцев среди офицеров, дипломатов и придворных чиновников было значительным [20]. Отметим также, что организатор вызова швейцарских колонистов в Крым – Ганс Каспар Эшер (Escher, 1755–1831), уроженец Цюриха, также являлся майором Московского драгунского полка.

Карл Карлович Фези (как его стали именовать в России) поступил на русскую военную службу в чине капитана (в некоторых источниках его фамилия может звучать как Фезе или Фезя, а имя и отчество – Карп Карпович). В Российской империи он сделал блестящую карьеру, отличившись в 1831 г. при подавлении Польского восстания, а также при покорении горских народов Кавказа в 1836–1842 гг. Особенно прославился Фези во время кампании 1837 г. в сражениях против Шамиля. Горцы сложили о нем песню, которая затем, в переводе на русский язык, зазвучала и в казачьих станицах – «Горе нам! Фезя к нам с войском стремится: / Где бы нам, как бы нам, братцы, укрыться» [6, с. 161–162], [4]. Напротив, в цикле баллад и песен о Шамиле «Солдатская песня» поэта Бориса Брика рассказывается о неудачах генерала «Фезе» в поимке легендарного предводителя горцев [2, с. 198–199].

Фези неоднократно получал серьезные ранения, но всегда возвращался в строй. Его боевые заслуги были отмечены множеством наград (орденами Анны I степени с императорской короной, Владимира II степени, Георгия IV степени, Белого орла, прусским орденом Красного орла 2 ступени со звездой, золотой шпагой с алмазами и надписью «за храбрость»), которые можно видеть на двух редких, малоизвестных парадных портретах, ныне хранящихся в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве [7] и в Национальном музее Швейцарии в Цюрихе [23]. Имя Фези и его заслуги прочно закреплены в словарях и исторических сочинениях [8], [9], [10]. Его письма, содержащие характеристику быта и нравов русской армии, были изданы в России [3] и в Швейцарии [23]. К сожалению, в печатных изданиях писем содержатся ошибочные прочтения отдельных слов или названий мест, обусловленные, очевидно, неясностью рукописного текста. По этой причине представляется необходимым издание текстологически выверенных писем в новом переводе на русский язык и с научным комментарием.

Большая часть жизни Фези была связана со службой в западных землях Российской империи и на Кавказе. Но во время разъездов он дважды побывал и в Крыму. Может показаться, что эти кратковременные визиты не заслуживают особого внимания, а сведения, содержащиеся в письмах, – незначительны и второстепенны. Однако, как думается, для истории нет разделения на первостепенное и второстепенное; есть факты, и чем больше мы знаем, тем более полными и объективными являются наши представления о прошлом.

В 1836 г. Фези был переведен с Западной Украины на Кавказ, его назначили командиром 20 пехотной дивизии. Путь к новому месту службы (Анапа) пролегал через Крым. В конце августа 1836 г. он проехал по маршруту Перекоп – Симферополь – Карасу-Базар – Феодосия – Керчь, посетив по дороге и немецко-швейцарскую колонию Цюрихталь. В письме из Тамани от 3 (15) сентября 1836 г. он писал:

«Поездка по Крыму была интересной, хотя мне и не удалось увидеть его самые красивые места – на Южном побережье. Дорогой, в Николаеве, я видел верфи российского флота, в Перекопе – древний татарский вал, перекрывавший перешеек, по дороге оттуда в Симферополь – татарский народ с верблюдами, которых, подобно волам, запрягают в повозки попарно.

Симферополь – столица Крыма, обустраивающаяся на европейский манер. Отсюда до Феодосии, справа и слева от почтовой дороги, на расстоянии 1–2 часов, в отдельных небольших долинах находится несколько немецких колоний: Нейзац, Фриденталь, Розенталь, Кроненталь, Гейльброн и одна швейцарская – Цюрихталь! Мимо нее я проехать не мог, хотя и спешил. Там 74 двора, небольшая реформатская церковь, дом пастора, где проживает курляндский священник, школа, 48 швейцарских и 28 баденских и вюртембергских семей. Я встретил семью Шнебели из Метменштеттена, семью Каспара Нефа из Валлизеллена, семью Дубс из Бонштеттена. Они покинули Швейцарию в 1803–1806 гг. и основали колонию, которая впоследствии была расширена за счет вюртембергцев и пр. Дела у них идут хорошо, они довольны; лишь только жалуются на недостаток земли; но именно это кажется мне доказательством того, что у них все обстоит благополучно. Судя по домам, можно сказать, что немцам живется лучше, чем швейцарцам, и они лучше ведут хозяйство. Они сказали мне, что со времени переселения их впервые посещает швейцарец.

Феодосия, или Каффа, ранее была столицей местных генуэзских владений. До настоящего времени здесь можно видеть многочисленные руины башен и стен. Керчь, древняя Пантикапея, поистине являет собой классическую землю; здесь на каждом шагу наталкиваешься на руины. В акрополе на вершине горы находится огромная скала с несколькими углублениями, получившая название трон Митридата. Говорят, что именно здесь он лишил себя жизни. Из древностей, которые были найдены и которые продолжают находить, был создан музей, где хранится много интересных вещей. Раскопки курганов (могильных холмов), которыми город окружен со всех сторон, все еще продолжаются. Там находят саркофаги со скелетами, урны с прахом, одеяния и украшения погребенных, зачастую – золотые. Это может служить доказательством того, что все курганы, которые встречаются на протяжении от Хотина до Одессы, также являются могильными холмами греческого и римского времени» [23, S. 215–216]. (См. также перевод В. Н. Жилинского [3, с. 172–174]).

Второй раз Фези побывал в Крыму в 1844 г. В это время он был начальником первой дивизии первого пехотного корпуса, расположенного в Царстве Польском. В письме из Тульчина от 6 (18) ноября 1844 г., в котором Фези описывает летние разъезды, имеется и упоминание о поездке в Крым по маршруту Одесса – Севастополь – Евпатория – Саки – Бахчисарай – Ялта – Одесса:

«В Одессе я погрузился на 60-ти пушечный фрегат и под начальством одной адмиральши, которую сопровождало множество дам, отправился в Севастополь. Оттуда на паровом фрегате я переправился в Евпаторию. В этом татарско-караимском городе находится прекрасная новая

караимская синагога. Фактотум раввина, некий Тиркович [скорее, речь идет об Аврааме Самуиловиче Фирковиче], объяснил мне, “что караимы являются потомками двух племен, оставшихся в Вавилонском плену, поэтому они не принимали участия в распятии Христа”. Оттуда я отправился по суше в деревню Саки, где находятся грязевые купальни. В течение трех дней [правильнее – восьми дней] в полдень под палящим солнцем я ложился под открытым небом в черную как смоль яму из ила или грязи (состоящей из соли, серы, йода, брома и тому подобного), и меня этой грязью укрывали или зарывали в нее. Однако это лечение так ослабило меня, что по совету врачей я был вынужден прекратить курс раньше времени и спешно уехать, чтобы восстановить силы, принимая холодные морские ванны.

Путь на Южное побережье, в Ялту, где я намеревался лечиться такими купаниями, пролегал через Бахчисарай, старую столицу крымских ханов, дворец которых представляет большой интерес, так как недавно был отреставрирован, и выглядит так, как, должно быть, выглядел в их времена. У меня была возможность осмотреть его подробно, так как я жил в нескольких комнатах этого дворца. Во время пребывания в Ялте, новом уездном городе, я несколько раз совершил загородные прогулки, чтобы познакомиться с Южным побережьем Крыма, славящимся в России красотой своей природы. Действительно, это самая живописная местность европейской части России, но Крым значительно уступает Альпам и Кавказскому краю. В Одессу я вернулся на пароходе. По пути мне довелось видеть место, где, по преданию, стоял храм Дианы, в котором жила Ифигения во время своего пребывания в Тавриде. Показывают также пещеру, где укрывались Орест и Пилад» [23, S. 229–230]. (См. также перевод В. Н. Жилинского [3, с. 202–203]).

Для нас наибольший интерес представляет отрывок из первого письма, где идет речь о посещении Фези колонии Цюрихталь. Круг материалов по истории колонии ограничен, поэтому ценно любое свидетельство, раскрывающее бытовые и нравственные аспекты жизни колонистов. Особенно это касается источников личного происхождения, зачастую содержащих субъективный взгляд и оценку, но своей непосредственностью восприятия оживляющих события далекого прошлого.

Отметим, что данный фрагмент письма Фези, был напечатан в цюрихской газете [13]. Очевидно, что в Швейцарии проявляли интерес к своим соотечественникам, переселившимся в Крым. Установление письменных контактов швейцарских колонистов со своей родиной произошло только в 1817 г. В редких письмах они просили о пересылке Библий и учебников. На одну из таких просьб в 1819 г. обратил внимание Ганс Каспар Фези (Fäsi, 1755–1834), священник в городке Рифферсвиле округа Аффольтерн кантона Цюрих (и, вероятно, родственник генерала Фези). Он обратился в Цюрихское библейское общество (основано в 1812 г.), которое вместе с Цюрихским миссионерским обществом (основано в 1819 г.) активно способствовало снабжению колонии душевспасительными книгами, а также отправке в 1822 г. в Цюрихталь первого постоянного пастора – Генриха Дитриха (Dietrich), уроженца кантона Цюрих и выпускника Базельского миссионерского общества. Дитрих проповедовал в Цюрихтале в период с 1822 по 1827 гг. Выпускником Базельского миссионерского общества был и второй пастор колонии (в 1828–1831 гг.) – Христиан Фридрих Килиус (Kylius).

Обратим особое внимание на следующие моменты в фрагменте первого письма.

Во-первых, важно упоминание курляндского священника. Речь идет об Эмиле Кибере (Kyber, 1804–1873), уроженце Риги, выпускнике теологического факультета Дерптского университета, с 1831 по 1858 гг. – пастора Цюрихталя, а с 1858 по 1873 гг. – Николаева; с 1845 по 1873 гг. он также являлся пробстом 2-го евангелическо-лютеранского округа Южного края России и Бессарабии.

Посещение Фези колонии в 1836 г. могло стать поводом для возобновления контактов колонистов с Цюрихом. Вероятно, связи с Цюрихским миссионерским обществом оборвались после перевода пастора Килиуса в Нейзац в 1831 г.

Известно, что в конце 1839 г. пастор Кибер написал цюрихскому теологу Георгу Гесснеру (Gessner) письмо, в котором проинформировал его о материальном и духовном положении колонистов. Гесснер являлся одним из самых активных и авторитетных членов Цюрихского библейского и Цюрихского миссионерского обществ; во многом именно благодаря ему Цюрихталь обрел первого постоянного пастора. В феврале 1840 г. в «Швейцарской евангелической церковной газете» была опубликована небольшая заметка о Цюрихтале, в которой излагались основные положения письма Кибера [18]. В конце заметки редакция газеты объявила о сборе душевспасительных и учебных книг для пересылки в Цюрихталь. Через месяц газета сообщила о том, что необходимое количество книг собрано и что в ближайшие дни они будут отправлены в колонию [12]. Вскоре в газете был опубликован текст письма Георга Гесснера в адрес колонистов, которое было приложено к книжной посылке [25]. А через год газета напечатала благодарственное письмо от пастора Кибера, рассказавшего еще и о том, как были распределены присланные книги [19].

В полном виде письмо Кибера к Гесснеру 1839 г. было опубликовано в 1848 г. в одном из изданий Цюрихского ученого общества [16]. Позднее это письмо, с небольшими стилистическими и содержательными изменениями, легло в основу еще двух публикаций Кибера о колонии Цюрихталь – в первом номере «Сообщений и известий для евангелического духовенства России» за 1841 г. и в мартовском номере «Занимательного листка для немецких поселенцев Южного края России» 1848 г.

Вторым интересным моментом представляется упоминание Фези о встрече с соотечественниками, переселившимся в Крым из кантона Цюрих – семьями Шнебели, Неффа и Дубса.

Упоминание этих семей можно найти в ревизской сказке колонии Цюрихталь за 1816 г.:

1) семья Рудольфа Шнебели (36 лет, родом из Оттенбаха, округ Аффольтерн) с женой Катариной (42 года) и сыном Рудольфом (10 лет);

2) две семьи Нефф:

Генриха Нефф (14 лет, родом из Валлизеллена) и

Каспара Неффа (41 год, родом из Валлизеллена) с женой Сюзанной (38 лет) и детьми Катариной (18 лет), Регулой (13 лет) и Мельхиором (3 года);

3) две семьи Дубс (Дупс):

Генриха Дубса (26 лет, родом из Бонштеттена, округ Аффольтерн) с женой Анной (28 лет) и детьми – Рудольфом (7 лет), Кристиной (4 года), Фридерикой (1 год 2 месяца), братьями Якобом (19 лет) и Иоганном (18 лет) и

Рудольфа Дубса (род. 5 марта 1755 г. в Бонштеттене) с женой Сюзанной Губер (род. 27 апреля 1766 г.) и шестью детьми, младшая из которых – дочь Сюзанна (род. 28 августа 1803 г.) [Stumpp].

Опираясь на список семей, покинувших Бонштеттен в 1803 г., можно установить имена и других детей Рудольфа Дубса – Элизабет (род. 1 февраля 1786 г.), Ганс Генрих (род. 17 января 1790 г.), Ганс Якоб (род. 1 июля 1792 г.), Верена (род. 2 апреля 1797 г.), Иоганнес (род. 23 июня 1799 г.) [24].

В архиве кантона Цюрих сохранились свидетельства о редких письменных контактах между властями кантона и крымскими колонистами. Как правило, это официальные документы, затрагивающие наследственные вопросы. В том числе имеется несколько бумаг, связанных с семьей Шнебели. Так, в 1861 г. власти предприняли попытку выяснить судьбу Рудольфа Шнебели. В их распоряжении имелось письмо Шнебели из Цюрихталя от 25 ноября 1816 г., где сообщалось о его браке с Вереной Губер (Huber) из Бонштеттена, от которой у него родился сын; а после ее смерти – о женитьбе на вдове Иоганна Галмана из Метменштеттена, от которой у него родился еще один сын [21]. На запрос властей Цюриха о судьбе Шнебели был получен следующий ответ от пастора колонии Цюрихталь А. Тидемана (от 31 мая 1861 г.): «вдовец Иоганн Рудольф Шнебели из округа Аффольтерн кантона Цюрих в Швейцарии по данным местной церковной книги скончался в колонии Цюрихталь 10 февраля (по старому стилю) 1855 г. в 12 часов ночи в возрасте 75¼ лет от старческой немощи и похоронен на кладбище колонии пастором Кибером. От второй жены у него остался сын по имени Генрих Шнебели, проживающий в Цюрихтале и имеющий 4 сыновей и 4 дочерей. По его словам, еще при жизни отец нередко писал письма на родину, и сам он [Генрих] трижды посылал их туда, но ни разу не получил ответа» [21]. 21 ноября 1871 г. Генрих Шнебели подал прошение в правительство кантона о выплате ему доли наследства, причитавшегося его отцу [21]. Спустя два года, 4 октября 1873 г. ему были высланы 714 франков 69 раппов [21].

Таким образом, Иоганн Рудольф Шнебели был дважды женат: в первый раз на Верене Губер, от которой у него родился сын Рудольф Шнебели, а во второй раз на Катарине Галман (Gallmann), урожденной Гофштеттер, от которой у него родился сын Генрих Шнебели; у последнего в браке с Анной Марией Дупс родилось четыре сына (Вильгельм, Генрих, Иоганн Якоб и Якоб) и четыре дочери (Катарина, Элизабет, Анна Мария и Магдалена).

И в-третьих, стоит также обратить внимание на замечание Фези о благополучном состоянии дел в колонии. В 1805 г. казна закрепила за Цюрихталем 2131 десятину земли. Однако к началу 1830-х гг. колонисты начали испытывать ее нехватку. В 1833 г. они получили государственный кредит на покупку прилегающих к колонии 1300 десятин, в 1843 г. приобрели еще 1500 десятин уже из собственных денег

Интересно также сопоставить фрагмент письма Фези о колонии с двумя близкими ему по времени и практически равными по объему текстами со сведениями о Цюрихтале. Первый текст из «Путеводителя путешественника по Крыму» (1834) Шарля Анри Монтадона: «Цюрихталь, по-татарски – Чейлав [Джейлав], расположен в степной местности на речке Индол в 30 верстах от Феодосии и в 5 – от станции Креничка; там расположены 74 дома, реформатская церковь, дом пастора, школа и красивый общественный фонтан. Эта колония состоит из 48 швейцарских и 28 немецких семей (всего

371 человек), занятых исключительно сельским хозяйством. Посадки молодого винограда насчитывают 16 000 лоз. В саду, примыкающем к дому пастора, есть источник серной воды такого же свойства, как и в Судак» [17, р. 347–348].

Второй текст – справочные сведения за 1839 г. о Цюрихтальском евангелическо-лютеранском приходе Санкт-Петербургского консисториального округа, подготовленные на основе отчета пастора Эмиля Кибера: «Цюрхталь [Цюрихталь] в Таврической губернии. Пастор Кибер. В этот приход входят деревни колонистов Цюрхталь, Гейльброн [Гейльбрун], Судак и Ортус [Отузы], местечко Старый Крым, города Феодосия, Керчь и Карасубазар, в которых в общей сложности проживает 112 семей, насчитывающих 590 душ; не учтены души верующих, проживающих отдельно в разных местах на Южном побережье. Здание церкви в Цюрхтале существует с 1820 года, но оно не вмещает всех прихожан. Здание школы достаточно просторно. В Гейльблоне также есть церковь и школа, построенные в 1823 году. В крепости Судак в качестве здания церкви используется старая генуэзская капелла. В остальных городах для церковных нужд используются комнатные помещения. В Керчи также ощущается необходимость строительства евангелической капеллы. Посещаемость богослужений довольно высокая. Желательно, чтобы в церковных отношениях между Цюрихталем и Гейльброном были бы более четко прописаны положения о главной и филиальной церквях. Школьное обучение проводится не специальными школьными учителями, а самими хозяевами общины. Число учеников составляет 150 человек. Успехи в катехизации изрядны. Конфирмировано: 9 юношей, 10 девушек» [15, S. 327].

Сопоставляя разные типы текстов, в нашем случае – личное письмо, путеводитель и справку по Цюрихтальскому приходу, можно видеть различия в подаче сведений и ценность каждого из источников.

Отметим, что текст из путеводителя носит явно функциональный характер, в нем приводятся справочные сведения и указываются достопримечательности. Ценность источника в том, что в нем упоминается о появлении виноградарства в колонии. Удивительно, что составитель путеводителя Шарль Анри Монтадон, сам будучи швейцарцем, не уделил своим немецкоязычным соотечественникам особого внимания. Может быть, это связано с тем, что он являлся уроженцем франкоязычного кантона Невшатель.

Справка по Цюрихтальскому евангелическо-лютеранскому приходу носит деловой характер и содержит перечисление общин, сведения о численности прихожан и наличии церквей, об образовательном и религиозном состоянии дел. Ценность источника – указание на имеющиеся противоречия между двумя соседними колониями (Цюрихталем и Гейльброном) о статусе церквей, так как в Гейльблоне, хотя и числилось меньшее количество домохозяйств, но наблюдалась гомогенность в конфессиональном плане (только лютеране), а также имелись каменная церковь и дом пастора.

Значимость письма Фези заключается в его личностном характере. В нем изложен непосредственный и субъективный взгляд постороннего человека, оценившего жизнь бывших соотечественников на новом месте.

В заключение снова отметим, что письмо Фези 1836 г. является еще одним источником, проливающим свет на историю первого периода существования колонии Цюрихталь (1805–1856 гг.), и, возможно, объясняет возобновление контактов между колонистами и кантоном Цюрих в 1839–1840 гг. (письмо пастора Э. Кибера и посылка душещепательных книг из Цюриха в Цюрихталь).

Список литературы

1. Биографический очерк генерал-лейтенанта Фези // Северная пчела: Газета политическая и литературная. – 22 ноября 1848. – №263. – С. 1051–1052; – 23 ноября 1848. – №264. – С. 1056.
2. Брик, Б. Шамиль: баллады и песни / Б. Брик // Новый мир. – 1940. – №2–3. – С. 197–209.
- Быт и нравы русской армии после 1812 года: По письмам генерала Фези из Польши и с Кавказа / Пер. с редкой рукописи и обраб. шт.-кап. В. Н. Жилинский. – СПб. : В. Березовский, 1912. – VIII, 208 с.
4. Генералу Фези [песня, поющая в ст. Слепцовой Владикавказского округа; с нотами] // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 15. – Тифлис : Тип. Канцелярия Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1893. – Отд. I. – С. 113–114.
5. Лобков, А. Е. Основные источники для изучения истории первого периода существования немецкоязычной колонии Цюрихталь / А.Е. Лобков, С.А. Покрышук // Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов. Вып. 31. – Севастополь : Севастопольский государственный университет, 2025. – С. 88–92.
6. Потто, В. Гаджи-Мурат: Биографический очерк / В. Потто // Военный сборник. Т. LXXVI. – СПб. : Тип. Департамента уделов, 1870. – С. 159–187.

7. Селинова, Т. А. Роман Вильчинский / Т. А. Селиванова // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1986. – Л. : Наука, 1987. – С. 312–322.
8. Фезе, Карл Карлович // Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. XXI: Фабер-Цявловский. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1901. – С. 35–37.
9. Фези, Карп Карпович // Военный энциклопедический лексикон. Т. XIII. – СПб. : Тип. Гл. штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1857. – С. 668–670.
10. Фези, Карп Карпович // Энциклопедия военных и морских наук. Т. VIII. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1897. – С. 82–83.
11. Фези, Карп Карпович // Список генералам по старшинству. Исправлено по 17-е марта. – СПб. : В Военной тип., 1844. – С. 144.
12. Anzeige [Büchersendung für die Kolonie Zürichthal] // Schweizerische evangelische Kirchenzeitung. – 20. März 1840. – №12. – S. 48.
13. Auszug aus dem Briefe eines reisenden Zürchers (vom 4. October 1836) // Zürcherische Freyzeitung. – 23. December 1836. – №52. – S. 2.
14. Bericht der Gemeinde Zürichthal vom 20. März 1848 // Die Gemeindeberichte von 1848 der deutschen Siedlungen am Schwarzen Meer / Bearb. v. M. Woltner. – Leipzig : S. Hirzel, 1941. – S. 45–48.
15. Das Kirchenwesen im St. Petersburgischen Consistorialbezirke // Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Russlands. 2. Bd. 1. Heft. – Dorpat : J.C. Schünmann, 1839. – S. 319–337.
16. [Kyber, E. Ein Brief an G. Gessner aus dem Jahre 1839] // XI. Neujahrsblatt zum Besten des Waisenhauses in Zürich auf das 1848, herausgegeben von der Gelehrten Gesellschaft. – [Zürich, 1848]. – S. 11–13.
17. Montandon, C. H. Guide du voyageur en Crimée / C. H. Montandon. – Odessa: Imprimerie de la ville, 1834. – 384 p.
18. [Notizen aus dem Schreiben des Predigers Kyber aus Zürichthal] // Schweizerische evangelische Kirchenzeitung. – 28. Februar 1840. – №9. – S. 37.
19. [Schreiben des Pastors Kyber aus Zürichthal vom 20. Dezember 1840] // Schweizerische evangelische Kirchenzeitung. – 4. Juni 1841. – №22. – S. 92.
20. Soom, J. „Avancement et fortune“: Schweizer und ihre Nachkommen als Offiziere, Diplomaten und Hofbeamte im Dienst des Zarenreiches / J. Soom. – Zürich : Hans Rohr, 1996. – 424 S.
21. Staatsarchiv des Kantons Zürich. URL: <https://www.zentraleserien.zh.ch/home>
22. Stumpp, K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862. – 5. Auflage / K. Stumpp. – Stuttgart : Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland, 1991. – 1018 S.
23. Usteri, E. Aus der Korrespondenz des Generallieutenants Fäsi / E. Usteri // Zürcher Taschenbuch auf das Jahr 1936. – Zürich : Verlag Buchdruckerei an der Sihl A.-G., 1935. – S. 169–234.
24. Verzeichnis der ausgewanderten Haushaltungen der Gemeinde Bonstetten des Zunftgerichts Ottenbach im District Horgen // Actum 1803: Geschichten aus dem Zürcher Regierungsprotokoll zum kantonalen Neubeginn vor 200 Jahren. – Zürich : Chronos Verlag, 2003. – S. 150–151.
25. Zürichthal in der Krimm [Begleitschreiben von G. Gessner vom 12. März 1840] // Schweizerische evangelische Kirchenzeitung. – 15. Mai 1840. – №20. – S. 80; – 22. Mai 1840. – №21. – S. 83–84.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025

Lobkov, A. E. *Letters by General Fäsi about Crimea: The History of Relations between Russia and Switzerland*

The epistolary legacy of General Karl Karlovich Fäsi is a valuable historical source on the everyday life and morals of the Russian army in the first half of the 19th century. Nevertheless, two of his letters, describing the sojourns in Crimea in 1836 and 1844, may be of interest to scholars studying Crimean history and Russian-Swiss relations. K.K. Fäsi's visit to the German-Swiss colony of Zürichthal contributed to maintaining contacts between the Swiss colonists and the Canton of Zurich, as well as to the creation of such valuable document on the history of the colony as a letter from Emil Kyber, the pastor of Zürichthal, to Georg Gessner, the head of the Church of Zurich. The translation of the letters into Russian is provided, along with commentary on the fragment focusing on Fäsi's visit to Zürichthal. The information provided by Fäsi is compared with the text about Zürichthal from the guidebook by C. H. Montandon (1834) and the brief account of the Evangelical Lutheran congregation of Zürichthal by E. Kyber (1839). This comparison reveals differences in the presenting information and defines the value of each document.

Keywords: Russian-Swiss relations, historical source, German colonies, Crimea, Zürichthal, Zolotoe Pole, K.K. Fäsi, Emil Kyber, Georg Gessner.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(497.1)''1964/1969''

В статье описан процесс реорганизации Союза коммунистов Югославии в 1964–1969 гг., а также его влияние на центробежные процессы в политической системе страны. Рассматриваются предпосылки и этапы внутрипартийных реформ, инициированных руководством СКЮ в условиях нарастающих экономических трудностей и межреспубликанских противоречий. Особое внимание уделяется изменениям в партийных уставах. Автор подробно анализирует дискуссии и борьбу различных групп влияния в руководстве СКЮ, выявляет механизмы перераспределения полномочий между союзным центром и республиканскими организациями, а также последствия этих процессов для партийной дисциплины и кадровой политики. В результате исследования установлено, что реформы 1964–1969 гг. привели к существенному ослаблению союзного центра и усилению роли республиканских организаций и заложили институциональные предпосылки для ослабления и распада югославской федерации.

Ключевые слова: децентрализация, демократизация, Югославия, реформы, политическая борьба, Союз коммунистов Югославии.

Ю. В. Шахин, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: y-v-shahin@yandex.ru

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА КОММУНИСТОВ ЮГОСЛАВИИ (1964-1969 гг.)

Союз коммунистов Югославии являлся правящей партией федеративной Югославии на протяжении нескольких десятилетий и играл системообразующую роль в ее политической жизни. Несмотря на несколько волн политики демократизации СКЮ неизменно оставался несущей конструкцией политической системы. Для изучения политических процессов в Югославии и особенно вопроса о центробежных тенденциях, разорвавших это государство, обращение к истории правящей партии важно и существенно. Между тем, изменения, которые претерпел СКЮ, во многих исследованиях уходят в тень вопросов конституционно-правового характера. Отечественные исследователи обращают внимание на новшества, закрепленные конституциями или конституционными поправками, но совсем мало внимания уделяют новым явлениям в партийных уставах. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел и проследить центробежные явления в устройстве СКЮ на протяжении 1960-х гг. Именно в те годы произошли качественные изменения, ослабившие союзный центр.

Впервые вопрос о необходимости реформирования СКЮ поставил перед его членами генеральный секретарь Й. Броз-Тито. На III пленуме ЦК СКЮ 27 ноября 1961 г. он отметил, что «в течении последних нескольких лет у некоторых коммунистов, и в первую очередь у некоторых на руководящих должностях как-то притупилась партийность и ответственность за свои поступки. Из-за этого дело все чаще доходит до известных уклонов, и, вновь это подчеркиваю, особенно у коммунистов, которые находились на различных ответственных местах, и в экономике, и в администрации и где бы то ни было» [2, с. 157-158]. Тито не стал конкретизировать эти недостатки, ограничившись напоминанием, что о них говорилось неоднократно, и по их поводу даже рассылались письма (очевидно, речь шла о письмах, которые составил Исполком ЦК СКЮ в 1953 и 1958 г.) На этом основании Тито выдвинул тезис, что в СКЮ необходимы организационные изменения. Судя по другим

высказываниям того же времени, он хотел, чтобы реформы укрепили внутрипартийную дисциплину, однако их реальная направленность разошлась с ожиданиями признанного лидера партии.

В 1962-1963 гг. никаких формальных изменений в устройство СКЮ и распределение полномочий между его органами не вносилось. Высшее партийное руководство было тогда занято восстановлением внутренней дисциплины, преодолением экономических проблем и подготовкой новой конституции. Единственное новшество касалось введения механизма номенклатурной ротации, который требовал от высших руководителей поочередно менять различные государственные, партийные и общественные должности. Для государственных органов он был закреплён конституцией 1963 г., а его нормативное закрепление в партии приходится на следующий год.

16 марта 1964 г. прошёл VI пленум ЦК СКЮ, посвящённый подготовке VIII съезда. Пленум поставил задачу разработки нового устава и провозгласил курс на дальнейшую демократизацию партийной жизни [12, с. 35-36, 38]. Сторонники углубления децентрализации активизировались и направили свой натиск на центральные органы СКЮ, чтобы увеличить права и полномочия республиканских организаций. Уже летом 1964 г. под их влиянием был подготовлен проект нового партийного устава, который усиливал кадровую роль республиканских ЦК. Во-первых, менялась очередность проведения съездов: как правило съезд СКЮ должен был проходить после республиканских. Во-вторых, политические секретари республиканских ЦК вводились теперь в ЦК СКЮ в силу занимаемой должности, а ЦК СКЮ должен был формироваться по республиканским квотам, для которых республики сами предлагают свои кандидатуры [1, л. 40, 49, 66-67]. Идея республиканских квот не нашла поддержки, а остальные нормы были вынесены на рассмотрение съезда и утверждены им. Помимо усиления роли республик новый устав предполагал некоторые меры демократизации внутрипартийной жизни, в частности, возможность выдвижения нескольких кандидатов на выборах и обязательное обновление не менее четверти членов руководящих органов.

Выступая на VIII съезде с докладом об изменениях в уставе СКЮ Л. Колишевский объяснял, что права республиканских организаций расширяются, дабы они могли находить в специфических местных условиях «наиболее целесообразные пути проведения общей политики» СКЮ. Эта мера повысит уровень демократизма при обеспечении единства партии, обеспечит равную ответственность республиканских организаций за социалистическое развитие, укрепление равноправия, братства и единства народов страны. В этом же духе устав объяснял необходимость проведения республиканских съездов перед общесоюзным стремлением усилить самостоятельность и ответственность республиканских организаций [3, с. 209, 227]. Итак, первые шаги по реорганизации СКЮ обернулись в 1964 г. усилением республиканского влияния.

В 1965 г. изменения в устройстве СКЮ не обсуждались: внимание высшего партийного руководства было сконцентрировано на подготовке и проведении масштабной общественно-экономической реформы. Реформа вопреки большим ожиданиям пошла не по плану и вызвала нарастающие трудности в экономике и политической жизни, среди которых в контексте нашей темы особенно важно отметить обострение межреспубликанских конфликтов. Тогда в начале 1966 г. в политическом руководстве среди наиболее ревностных приверженцев реформы возникла мысль, что дело не в порочности изначального плана, а в несовершенстве политических механизмов, с помощью которых он проводится в жизнь.

В январе 1966 г. эти реформаторы провели неформальную встречу на Брионских островах с Тито. Мы не знаем полного состава ее участников. Достоверно известно, что там присутствовали ведущий партийный теоретик Э. Кардель, связанный со словенским номенклатурным кланом, В. Бакарич, возглавлявший Союз коммунистов Хорватии, а также двое влиятельных выходцев из Сербии — П. Стамболич, возглавлявший правительство Югославии, и М. Попович, занимавший должность генерального секретаря Союзной конференции Социалистического союза трудового народа Югославии. Не исключено, что во встрече участвовал ещё один сербский политик — М. Тодорович, но у этой версии нет прямых подтверждений в источниках. Все эти люди были горячими приверженцами реформы 1965 г., а кроме того они считали одним из главных препятствий на пути преобразований организационно-политического секретаря ЦК СКЮ А. Ранковича. Участники встречи убедили Тито в необходимости начать перестройку руководящих партийных органов. Идея реорганизации, судя по последующим свидетельствам, предполагала замену центральных комитетов на президиумы, в состав которых должны входить специальные исполкомы, а также перестройку вспомогательных органов ЦК [6, с. 81, 82; 9, с. 71].

В феврале Тито созвал заседание секретариата Исполкома ЦК СКЮ и объявил о планах реорганизации, придуманных на Брионях. Разработку реорганизации поручили Ранковичу, хотя, судя по дневниковым записям, идея вызывала у него не восторг, а только замечания. Ранкович сделал

оговорки, что нужно считаться с действующим уставом СКЮ, определить содержание работы, состав и число членов новых органов. Предложенное число членов президиума Ранкович посчитал слишком большим [6, с. 82].

25-26 февраля 1966 г. состоялся первый этап III пленума ЦК СКЮ. Вопреки всем тогдашним разговорам о необходимости демократизации внутривластной жизни вопрос реорганизации на пленуме не был поставлен. Единственный человек, у которого можно было найти намек на затеваемую реформу, был Тито. Он сказал, что одним из основных препятствий в проведении реформы 1965 г. были руководящие органы СКЮ, которые либо оставались пассивными, либо делали нечто противоположное интересам реформы [13, с. 9]. Но 7 марта Исполком ЦК СКЮ постановил собрать в мае очередной пленум специально для обсуждения реорганизации партии. В связи с этим в марте-апреле в ЦК СКЮ и ЦК республик прошла дискуссия. В ходе обсуждения были выдвинуты идеи о депрофессионализации партийной работы и организационной перестройке не только высшестоящих, но местных партийных организаций. Как следует из сводки, подготовленной в ЦК СКЮ 23 апреля 1966 г., участники дискуссии не смогли выработать единую позицию даже по отправным тезисам. Во время обсуждения в республиках они все дружно отвергли президиумы в своих ЦК. Также разошлись мнения, нужно ли ограничить реорганизацию руководящими органами или спустить ее на более низкий уровень, чтобы увеличить влияние членов СКЮ на кадровую политику. Наконец обнаружились разногласия технического характера: так Кардель считал, что нужно создать организационный сектор, который будет выполнять решения ЦК и доводить их до членов, а Ранкович полагал, что для этого нужен секретариат. Также Кардель считал, что члены Исполкома должны быть одновременно членами президиума и составлять однородную команду, способную проводить принятые президиумом решения. Не удивительно, что после получения таких разнородных результатов, дальнейшая дискуссия замерла [6, с. 82; 9, с. 45-46, 71, 83, 351].

В мае 1966 г. Исполком ЦК СКЮ обобщил результаты дискуссии и подготовил план реорганизации, в котором не предусматривалось создание президиумов в республиканских ЦК. Это должно было ослабить союзный центр. Тогда Ранкович, известный своей склонностью к централизму, решил сделать на этом акцент. В конце мая за три дня до предстоящего заседания Исполкома ЦК СКЮ он написал письмо Тито, изложив свои размышления по поводу реформы, и показал, что от ее первоначального плана ничего не остается. При этом Ранкович заявил, что излагает просто сопутствующие мысли, а так-то примет любой вариант решения. Тито неожиданно прислушался к этим соображениям и на заседании Исполкома предложил отказаться от реорганизации. Его конечно же поддержали все республиканские и союзные лидеры [6, с. 82-83].

Триумф Ранковича оказался недолгим, потому что вскоре в политической жизни страны произошел неожиданный разворот. 16 июня Тито заявил на заседании Исполкома ЦК СКЮ, что спецслужбы незаконно прослушивают высших руководителей страны, а политическую ответственность за это несет Ранкович. Указав, что спецслужбы двадцать лет работали под его контролем, но не под контролем ЦК и общества, Тито предложил: «Чтобы другие дела, над которыми мы до сих пор работали, могли быть правильно и хорошо решены, я имею в виду реорганизацию ЦК и вообще партии, необходимо всё то, о чем я сейчас говорю, предварительно прояснить» [9, с. 47]. В этом шпионском скандале до сих пор есть много неясного, но наиболее вероятно, что Тито решил отстранить Ранковича, потому что согласился с политическим объяснением экономических неудач, которое предлагали наиболее ревностные сторонники реформы 1965 г., и вступил с ними в тактический альянс. Поэтому отстранение Ранковича от власти дало мощный толчок децентрализации партии.

Громче всех за возобновление реорганизации СКЮ выступал Тодорович, представлявший группу номенклатуры сербского происхождения, которая была враждебна Ранковичу. О пользе реорганизации партии он заявил уже 16 июня, когда высшее руководство страны находилось под свежим впечатлением от выдвинутых против Ранковича обвинений и еще не выдвигало каких-то инициатив, а 22 июня горячо призвал возобновить реформу СКЮ. Он мотивировал это тем, что партия стала препятствием в реализации текущей политики. Стамболич тоже призвал к реорганизации партии, чтобы успешно провести в жизнь общественные задачи реформы. Следом за ним реорганизацию поддержали Кардель и Л. Колишевский. Тито во время выступления Тодоровича бросил реплику, что реорганизация СКЮ должна включать республиканский уровень, и Тодорович его на словах поддержал, но дальше слов дело не пошло [9, с. 50, 77, 79, 82, 83, 87, 89].

Поскольку Тодорович громче всех требовал реформировать партию, ему поручили возглавить соответствующую комиссию, а на ближайший пленум решено было вынести два вопроса: об органах госбезопасности и о партийной реформе. IV пленум заседал 1 июля, и первый вопрос там полностью затмил второй. Реорганизация СКЮ по существу не обсуждалась. Противники децентрализации были

деморализованы, и сторонники навязали свой курс без сопротивления. Даже Тито изменил свое первоначальное мнение: 2 июля на заседании Исполкома ЦК СКЮ говоря о реорганизации он все время призывал оглядываться на мнение республик, а как мы выше показывали, там видели реорганизацию иначе, чем в ЦК СКЮ [9, s. 282, 352].

19 сентября после общественного обсуждения и переговоров с республиками комиссия Тодоровича представила Исполкому ЦК СКЮ проект реорганизации высших органов СКЮ. Некоторые из новшеств выходили за рамки устава, и предлагалось утвердить их на съезде. Исполком ЦК СКЮ принял решение, что секретари республиканских исполкомов должны быть членами Исполкома ЦК СКЮ. При этом они обязаны присутствовать только на заседаниях, где рассматриваются вопросы, касающиеся всего СКЮ. Для состава Исполкома и Президиума ЦК СКЮ утвердили республиканские квоты. Они были территориальными за одним исключением: от Сербии в президиуме обязательно должен был присутствовать один албанец. Квоты распределились так: 9 членов из Сербии, 7 из Хорватии, по 5 из Словении, Черногории, Македонии, 6 из Боснии и Герцеговины. В Исполкоме Сербия, Хорватия, Словения получали по два, а Босния и Герцеговина, Македония и Черногория по одному члену, и это не считая республиканских секретарей. Также решено было задействовать в новом исполкоме молодые кадры, а в связи с их нехваткой некоторых кооптировать в ЦК, при этом нарушался лимит, предусмотренный для кооптирования в уставе, но на него решили не обращать внимания. Подбор кандидатов для Исполкома и Президиума ЦК СКЮ был возложен на республиканские партийные руководства. Они должны предложить по несколько кандидатур, из которых ЦК СКЮ сделает выбор. Наконец выражено было пожелание, чтобы состав аналогичных органов республиканских ЦК тоже формировался путем консультаций с нижестоящими партийными органами, вплоть до общин [9, s. 510, 511, 516, 517]. Согласованные изменения утвердил V пленум ЦК СКЮ 4 октября 1966 г. Так закончился первый этап реформы, охвативший высшие органы. Он привел к ослаблению полномочий союзного ЦК и укреплению полномочий республиканских центральных комитетов [11, s. 227].

Новый баланс сил ярко проявился в судьбе кадровых органов ЦК СКЮ. Центральная кадровая комиссия СКЮ после 1966 г. была распущена, а в республиках они остались. У нас нет сейчас возможности установить точную дату этого события. Сербский историк Л. Димич относит его к середине 1967 г., именно тогда, по его данным, республики и края взяли на себя кадровую политику вместо Организационно-политического секретариата ЦК СКЮ [4, с. 411; 8, р. 404].

Комиссия Тодоровича продолжила работу и к лету 1967 г. подготовила план реорганизации местных и первичных организаций СКЮ. 1 июля 1967 г. его рассмотрел и утвердил VII пленум ЦК СКЮ. В подготовленных к пленуму тезисах цели реформы определялись так: усилить роль рабочего класса в жизни СКЮ и демократизировать внутрипартийные отношения, а для этого вовлечь членов СКЮ на всех уровнях в выработку политики и позиций организации. Решения нужно принимать не силой дисциплины, а в атмосфере демократической борьбы мнений. Нужно преодолеть иерархические отношения, когда решающая роль в принятии решений принадлежит ЦК и их исполкомам, разрушить замкнутость первичек в пределах учреждения, села, завода, улицы, чтобы они более активно влияли на жизнь общин. Такая организационная структура, как сообщалось на пленуме, ориентирует членов партии на частные интересы и мешает воспринимать проблемы через призму общих интересов развития страны. Исходя из этих соображений решено было упразднить первичные организации в органах управления, а центр активности перенести на общинный уровень. Жизнь членов партии теперь должна была вращаться вокруг общинной организации. Партийные комитеты на уровне общин упразднились, их заменяли общинные конференции. В их состав входили либо все члены партии в общине, либо, если это невозможно, их делегаты. Конференция для текущей работы избирала секретариат, а ее созыв производился по мере необходимости. В составе конференции могли учреждаться секции. Помимо конференции для организации работы должны были применяться комиссии, активы и совещания [7, с. 66-68, 73, 74, 80, 82-83, 105]. Интересно, что рабочие органы общинной организации и особенно комиссии должны были поддерживать прямые связи с комиссиями ЦК республик и Югославии. Во-вторых, постановление закрепило право республик на поиск собственных организационных форм в рамках общих принципов, определяемых уставом СКЮ [7, с. 125, 128]. На практике это означало отказ от организационного единообразия партии. Таким образом, на втором этапе реформ более ярко проявился их демократический вектор, но и децентрализация сделала шаг вперед.

Новый шаг по реорганизации и ослаблению центральных органов высшее партийное руководство подвело при подготовке к IX съезду СКЮ. 16 июля 1968 г. на IX пленуме ЦК СКЮ была утверждена концепция структуры, организации и критериев избрания руководящих органов СКЮ. С

небольшими изменениями она легла в основу нового устава, проект которого был представлен съезду. ЦК СКЮ исчезал. Его заменили Союзная конференция, созываемая не реже раза в год, Президиум СКЮ и две постоянные комиссии. Они должны были формироваться путем равного представительства от каждой республики, таким образом, введенные в 1966 г. квоты отменялись. Впрочем, ЦК частично сохранялся в скрытом виде, так как четверть делегатов Союзной конференции на постоянной основе избирал съезд. Остальных на каждую новую конференцию направляли общинные организации [10, s. 230-231].

На IX съезде в марте 1969 г. свершившаяся децентрализация партии была закреплена. В соответствии с принятым в 1964 г. уставом республиканские съезды прошли перед союзным. Новый устав СКЮ был написан так, чтобы избежать организационного единообразия. Были введены уставы республиканских, краевых, городских и общинных организаций. Устав СКЮ исходил из того, что Союз «является не какой-то наднациональной и надреспубликанской структурой, а идейно-политической ассоциацией и синтезом активности союзов коммунистов республик и всех членов СКЮ. Союзы коммунистов республик являются не приводными ремнями и «филиалами» какого-то союзного центра СКЮ, а самостоятельными организациями в едином Союзе коммунистов Югославии. В качестве равноправных и активных субъектов они несут совместную ответственность за утверждение и проведение политики Союза коммунистов Югославии», – заявил Б. Шошкич во вводном докладе на заседании комиссии IX съезда по разработке нового устава [10, s. 222]. В уставе было прописано, что СКЮ состоит из союзов коммунистов республик, но при этом каким-то образом «развивается и действует как единая организация всех членов и их организаций на территории СКЮ». Даже финансирование центральных органов СКЮ должно было осуществляться с учетом мнения ЦК социалистических республик [10, s. 283, 305-306].

Республиканские союзы были равноправно представлены в Президиуме и постоянной части Конференции СКЮ. «Они выдвигают и избирают членов центральных органов СКЮ» [10, s. 297]. Процедура выдвижения, примененная при подготовке съезда, по уставу выглядела так: общинные конференции предлагают кандидатов в члены Президиума СКЮ, затем их избирает республиканский съезд, а съезд СКЮ лишь верифицирует результаты выборов. Республики посылали в Президиум по шесть представителей, автономии и армия по три [5, с. 447]. Дополнительно в Президиум входили председатели республиканских ЦК в силу занимаемой должности. По инициативе Тито Президиум получил право создавать политико-исполнительный орган, что и нашло отражение в уставе [10, s. 302]. Он был избран на съезде под названием Исполнительного бюро. Исполнительное бюро состояло из 15 человек тоже подобранных по принципу паритетного представительства (по два от республик, по одному от автономий) [5, с. 447], а пятнадцатым членом являлся председатель, которым, разумеется, стал Тито. В литературе встречается мнение, что создание бюро было попыткой Тито сдержать децентрализацию СКЮ. На X съезде в 1974 г. ЦК СКЮ восстановили, но паритетное представительство республик в нем осталось.

Таким образом, решающие перемены в организации правящей партии, изменившие баланс республиканских и союзных органов, приходятся на период 1964-1968 гг. IX съезд не стал началом перемен, а лишь подвел под ними черту. Реформы сочетали в себе установки на демократизацию и децентрализацию партийной жизни. На разных этапах на первый план выдвигалась то одна, то другая задача, но в свете задач нашего исследования важно обратить внимание именно на ход децентрализации. Переломным моментом в изменении полномочий центральных и республиканских органов стала отставка Ранковича. Именно после нее во второй половине 1966 г. децентрализация перешла на качественно новый уровень и республиканские руководства подмяли под себя союзный центр.

Теперь сопоставим эту хронологию с реформированием государственного устройства Югославии. Конституция 1963 г. незначительно расширила полномочия республик, а затем с 1967 по 1971 г. прошли три волны конституционных реформ, итоги которых отразила конституция 1974 г. Первая группа поправок была принята в апреле 1967 г., вторая – в декабре 1968, и третья – в июне 1971 г. Принципиальные изменения в соотношении полномочий союзных и республиканских органов были внесены только поправками 1968 г., а превращение центральных органов власти Югославии в аналог соответствующих партийных структур и вовсе было оформлено лишь поправками 1971 г. Из этого следует вывод, что реформы югославской федерации следовали за реформированием СКЮ и отражали тенденции предварительно возобладавшие в среде партийной номенклатуры, что в общем-то не удивительно: ведь именно в партии, а не в государстве находился центр политической жизни. Поэтому не конституция 1974 г. стала роковым событием в истории федеративной Югославии, а те изменения в уставе партии, которые были приняты начиная с VIII и заканчивая IX съездом, и особенно

те, которые внес ЦК СКЮ в 1966-1968 гг.

Список литературы

1. Архив Југославије. Фонд 507: ЦК СКЈ. III/102: Stenografske beleške sa sednice IK CK SKJ od 6 i 7 jula 1964. godine u Beogradu. – 145 s.
2. Броз Тито, Ј. Сабрана дела (Борба за мир и међународну сарадњу). – Београд: Култура, 1966. – Књ. XV (9). – 445 с.
3. Восьмой съезд СКЮ. Практика и теория строительства социализма в Югославии. – Београд: Међународна политика, 1965. – 376 с.
4. Димић Љ. Историја српске државности. - Књ. 3. Србија у Југославији. – Нови Сад: Огранак САНУ, Друштво историчара Јужнобачког и Сремског округа, Беседа, 2001. – 472 с.
5. Историја Савеза комуниста Југославије. - Београд: Комунист, Народна књига, Рад, 1985. – 486 с.
6. Ранковић А. Дневничке забелешке. – 4-о изд. – Београд: Југословенска књига, 2002. – 310 с.
7. Реорганизација СКЮ. – Белград: Социалистическая мысль и практика, 1967. – 149 с.
8. Cohen L.J. The Socialist Pyramid: Elites and Power in Yugoslavia. – Oakville: Mosaic Press, 1989. – 499 p.
9. Četvrta sednica CK SKJ. Brionski plenum. (Stenografske beleške sa Četvrtog plenuma, materijali Izvršnog komiteta CK SKJ, izvod iz stenografskih beležaka Šeste sednice CK SK Srbije, reagovanja domaće i svetske javnosti, pisma, telegrami, izjave i dr.) / priredio je Jovan P. Popović. – Београд: Архив Југославије, Printer komerc, 1999. – 957 s.
10. Deveti kongres Saveza komunista Jugoslavije. – Београд: Кultura, 1969. – 447 s.
11. Мујаджевић Д. Бакарић. Политичка биографија. – Славонски Брод – Загреб: Хрватски институт за повјест, Подружница за повјест Славоније, Сријема и Баранје, 2011. – 383 s.
12. Šesti plenum Centralnega komiteja Zveze komunistov Jugoslavije. – Ljubljana: Komunist, 1964. – 64 s.
13. Treći plenum CK SKJ. Aktuelni problemi borbe Saveza komunista Jugoslavije za sprovođenje reforme. – Београд: Комунист, 1966. – 349 s.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025

Shakhin, Y. V. Reorganization of the League of Communists of Yugoslavia (1964-1969)

The article describes the process of reorganization of the League of Communists of Yugoslavia in 1964–1969, as well as its influence on the centrifugal processes in the political system of the country. The article examines the preconditions and stages of intra-party reforms initiated by the LCY leadership in the context of growing economic difficulties and inter-republican contradictions. Particular attention is paid to changes in the party charters. The author analyzes in detail the discussions and struggle of various influence groups in the LCY leadership, identifies the mechanisms of redistribution of powers between the union center and republican organizations, as well as the consequences of these processes for party discipline and personnel policy. The study has established that the reforms of 1964–1969 led to a significant weakening of the federal center and strengthening of the role of republican organizations and laid institutional preconditions for the weakening and disintegration of the Yugoslav federation.

Keywords: Yugoslavia, political struggle, decentralization, democratization, reforms, the League of communists of Yugoslavia.

УДК [378.1:001.895]:378.4(470)СевГУ

Предлагаемая статья посвящена разработке концепции центра оперативного регионоведения университетско-академического консорциума «Россия в Большом Средиземноморье» на базе Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». Указаны цели и задачи центра оперативного регионоведения, структура, модель и варианты функционирования, имеющийся задел и предполагаемые результаты.

Ключевые слова: центр оперативного регионоведения, Институт общественных наук и международных отношений, университетско-академический консорциум, Севастополь.

Д. Б. Татарков, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: DMTatarkov@sevsu.ru

М. Г. Большакова, доцент, канд. пед. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: MGBolshakova@sevsu.ru

О. А. Шутова, доцент, канд. филол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: OAShutova@sevsu.ru

КОНЦЕПЦИЯ СОЗДАНИЯ ЦЕНТРА ОПЕРАТИВНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКО-АКАДЕМИЧЕСКОГО КОНСОРЦИУМА «РОССИЯ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ»

Усиление российского присутствия в гуманитарном пространстве Причерноморья и Восточного Средиземноморья соответствует основным положениями Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (05.09.2022) [4].

Создание центра оперативного регионоведения университетско-академического консорциума «Россия в Большом Средиземноморье» (далее – Центр) является не просто академическим проектом, а насущной необходимостью, обусловленной комплексом геополитических, экономических и научно-образовательных вызовов, стоящих перед современной Россией.

Обоснование темы научного исследования:

Создание Центра в Институте общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (далее – ИОНМО) обусловлено следующими факторами:

1) геополитическая и стратегическая обусловленность:

до 2014 г. главная база Черноморского флота в Севастополе - точка фокусировки гуманитарного влияния России на Украине. С 2014 г. Севастополь - точка фокусировки потенциала России в области влияния на Причерноморье и Восточное Средиземноморье (Черноморский флот, газовые и зерновые потоки).

Регион Большого Средиземноморья (включая Ближний Восток, Северную Африку, Южную Европу) является эпицентром глобальной конкуренции, зоной перманентных конфликтов, миграционных кризисов и борьбы за влияние между крупными державами. Для России этот регион имеет критически важное значение с точки зрения безопасности южных границ, контроля за транспортными и энергетическими маршрутами [3, с. 6].

2) Кадровый и технический потенциал:

Севастопольский государственный университет - координатор университетско-академического консорциума «Россия в Большом Средиземноморье», Институт востоковедения РАН, Институт славяноведения РАН, Институт Европы РАН, Институт научной информации по

общественным наукам РАН. Реализация совместных научных проектов в Сирии, Абхазии, Египте, Армении, Судане, Иордании позволяет использовать уже наработанные связи и результаты в планируемых проектах для достижения положительных результатов за более короткий срок [2]. Сочетание гуманитарной школы и возможностей IT кластера (в том числе возможностей суперкомпьютера «Афалина») в одной локации позволит обработать результаты исследований на высоком технологическом уровне.

Помимо высокого научно-технического потенциала университет обладает квалифицированными научными кадрами, что позволяет проводить оперативный глубокий анализ событий, выявлять риски, угрозы и подбирать возможности реализации результатов научных исследований, направленных на актуальную политическую повестку с целью решения стратегически важных задач вуза, региона и страны в целом.

Структура, цели и задачи, модель функционирования Центра оперативного регионоведения (ЦОР)

Под «оперативным регионоведением» понимается аналитическая составляющая системного мониторинга и изучения критически важных для национальной/региональной безопасности России стран и территорий на основе как традиционных методов, так и цифровых технологий, больших данных с целью выявления логики развертывания там конструктивных/деструктивных процессов для оптимизации управленческих решений соответствующими политическими и государственными институтами с возможностью визуализации процессов и аналитических результатов [1, с. 360].

ЦОР представляет собой специализированную распределенную междисциплинарную и межведомственную структуру, предназначенную для обеспечения деятельности российского субъекта присутствия в Причерноморье и Восточном Средиземноморье при реализации функций оценки, анализа и прогнозирования ситуации, стратегического, текущего и оперативного планирования, мониторинга и контроля последствий выполнения решений в профессиональной сфере и гуманитарном пространстве.

Задачи ЦОР:

- *аналитическая* - обеспечение сбора, обработки и анализа информации, характеризующей общественно-политическую, социально-экономическую и информационную сферы деятельности в регионе в целом и на территории объекта присутствия в частности, необходимой для планирования, подготовки и принятия управленческих решений действующим субъектом присутствия, где под «объектом присутствия» понимается территория расположения российской военной базы, пункта материально-технического обеспечения, районы развёртывания миротворческих сил, центры логистической инфраструктуры, промышленные и энергетические предприятия и т.п. Под «субъектом присутствия» понимается российские органы военного управления, администрация транспортных, промышленных и энергетических компаний;

- *методологическая*, разработка методологии, выявление и обоснование ключевых маркеров, характеризующих гуманитарное пространство региона присутствия, предложение инструментов их оценки, создание Автоматической системы поддержки принятия управленческих решений действующим субъектом присутствия;

- *кадровая*, подготовка корпуса специалистов в области регионоведения со специализацией – аналитическое обеспечение процессов «мягкого» влияния страны за рубежом, со специализацией по странам и регионам и предметным областям присутствия (военно-техническое сотрудничество, энергетика, бизнес, коммуникации и т.д.).

Варианты функционирования ЦОР:

- работа над государственным заданием – выполнение научно-исследовательской работы «Автоматической системы поддержки принятия управленческих решений действующим субъектом присутствия»;

- выполнение гранта на создание лаборатории - Молодежная научно-исследовательская лаборатория «Прикладной анализ данных в современном регионоведении».

Планируемые результаты ЦОР:

- на корпоративном уровне - новый уровень информационно-аналитической и экспертной информации, за счет внедрения цифровых технологий сбора, обработки и анализа больших данных;

- на национальном уровне - снижение издержек, оптимизация расходов, повышение эффективности гуманитарных мероприятий государственных и частных субъектов деятельности России в регионе Причерноморье и Средиземноморье.

Подготовительный этап создания ЦОР:

Был создан уникальный научно-аналитический коллектив, подготовивший за два года 3 аналитических доклада и 2 монографии:

Аналитические доклады:

1. Большое Средиземноморье: социально-политические и международные процессы. – Севастополь, 2021.

2. Украина: промежуточные итоги. – Севастополь, 2022.

3. Турция: российская стратегия. – Севастополь, 2022.

Монографии:

1. Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья: что, как и зачем изучаем. – Севастополь, 2022.

2. Религия как фактор современного ближневосточного процесса: проекция Персидского залива. – Севастополь, 2022.

Доклады были презентованы:

- на площадке РИА Новости в г. Москва.

- в Военном институте Военной академии Генерального штаба РФ.

Также аналитические доклады получили положительное заключение Института Востоковедения РАН.

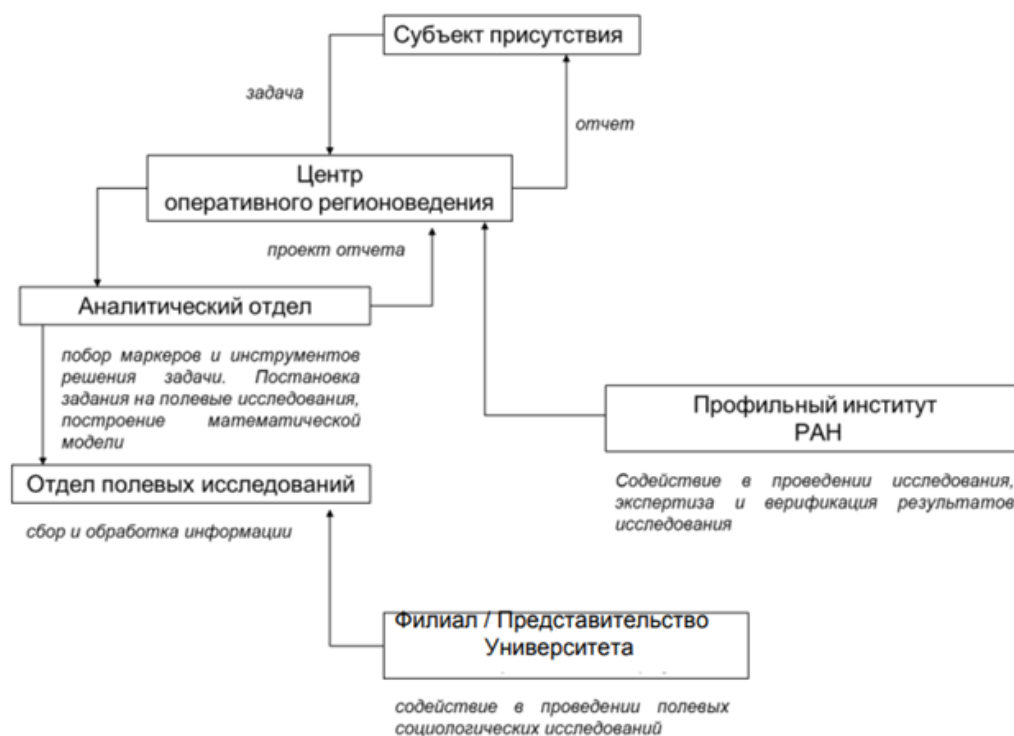

Рис.1 Схема работы ЦОР

Список литературы

1. Косов, Г. В. Геополитическое моделирование больших пространств в контексте проблематики оперативного регионоведения / Г. В. Косов, О. В. Ярмук // Мегатренды мировой политики: глобализация, поляризация, экстремизм : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 26–28 октября 2022 года. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2023. – С. 359-362.

2.. Программа развития университета на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». – URL: <https://www.sevsu.ru/uni/programma-razvitiya/> (дата обращения: 10.10.2025). – Текст : электронный.

3. Рамадн, А. Геостратегические приоритеты Греции и Турции в контексте безопасности в Средиземноморском регионе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук : специальность 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные

исследования» / Рамадн Аммар ; [Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы]. – Москва, 2024. – 32 с

4. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 10.10.2025). – Текст : электронный.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025

Tatarkov. D. B., Bolshakova, M. G., Shutova, O. A. *The Concept of Creating the Center for Regional Studies of the University-Academic Consortium "Russia in the Greater Mediterranean"*

This article provides the development of the concept of the Center for Operational Regional Studies of the university-academic consortium "Russia in the Greater Mediterranean" based on the Institute of Social Sciences and International Relations of the Sevastopol State University. The goals and objectives of the Center for Operational Regional Studies, the structure, model, and options for functioning, the available reserve and expected results are indicated.

Keywords: Center for Operational Regional Studies, Institute of Social Sciences and International Relations, university-academic consortium, Sevastopol.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск №32
2025

16+

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

E-mail: iorbook@sevsu.ru

URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Отпечатано в издательстве СевГУ

РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Учредитель и издатель

ФГАОУ «Севастопольский государственный университет» ул. Университетская, 33.
Севастополь, 299053

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

№ рег. СМИ: ПИ №ФС77-64133 от 25.12.2015

Главный редактор: Максимова Елена Николаевна

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. Ю. Опара*

Подписано к печати 08.12.2025. Заказ № 31/2025 Дата выхода в свет:
Тираж 30 экз. Цена: Бесплатно. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Объем усл. печ. л. 4,45. Уч.-изд. л. 4,35.

Севастополь, 2025